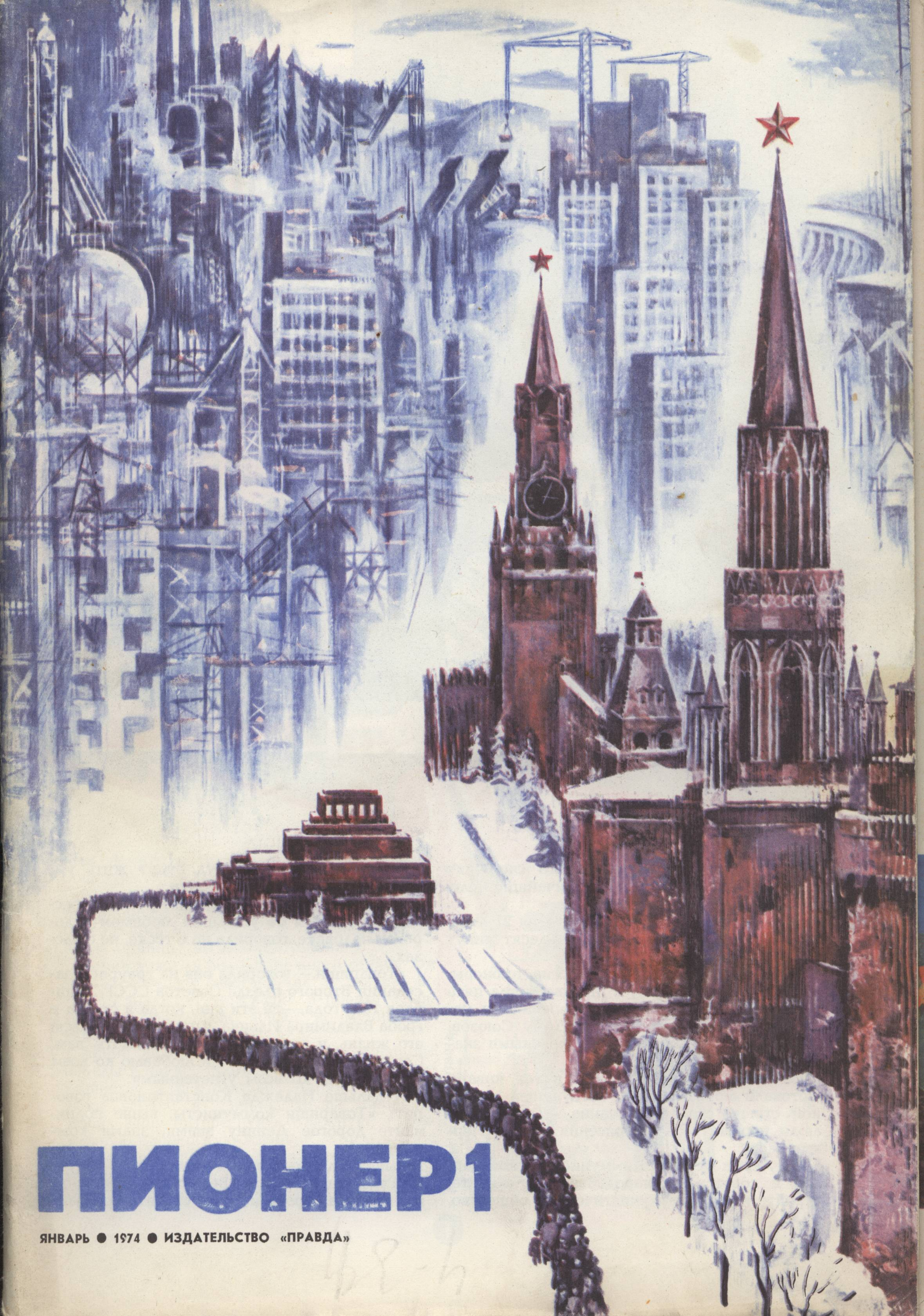

ПИОНЕР 1

ЯНВАРЬ • 1974 • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ДОРОГОЙ ЛЕНИНСКОЙ МЕЧТЫ

Полвека миновало после того скорбного дня, когда из жизни ушел Величайший человек, Гений.

Владимир Ильич Ленин скончался 21 января 1924 года в шесть часов пятьдесят минут вечера в Горках.

Ваши деды и бабушки, дорогие пионеры, помнят ледяную стужу в Москве, когда пять дней и ночей безмолвными вереницами нескончаемо двигались люди к Дому Союзов, где тонул в цветах покрытый красными знаменами гроб.

Не во всех городах и селах в тот январь лютовали морозы, но во всей нашей огромной стране стояло молчание. Так молчат люди первые часы потрясения горем. Первые часы.

Но Ленин оставил Коммунистической партии и советскому народу заветы: живите, стройте новое, коммунистическое общество, где будет властвовать труд, будут жить умные, добрые, счастливые люди.

И Надежда Константиновна Крупская, бесконечно тоскуя об ушедшем любимом и дорогом человеке, говорила не о тоске, не о слезах.

«Товарищи,— говорила она на траурном заседании Второго съезда Советов СССР 26 января 1924 года,— за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетенным».

И дальше Надежда Константиновна говорит: «Товарищи коммунисты, выше поднимайте дорогое Ленину знамя, знамя коммунизма!»

Выше поднимать знамя коммунизма — лучший памятник Ленину! Весь советский народ все полвека строил и будет строить прекрас-

ный памятник Ленину — коммунистическое общество.

В этой великой стройке участвуете и вы, товарищи пионеры. Недаром же пионерская организация носит имя В. И. Ленина. Вы юные ленинцы, вы любите Ленина.

Ленин тоже любил вас нежно и горячо. Он мечтал о вашем счастье, как о сказке, но твердо знал: нет, не сказка, а правда — завтрашний счастливый, ясный, коммунистический день!

Ленин видел, угадывал наши нынешние победы в науке, промышленности, сельском хозяйстве, строительстве. Ленин угадывал ваши успехи в учении, друзья пионеры, любил вашу интересную, отважную и деятельную пионерскую жизнь.

Центральный Комитет комсомола уже на третий день после кончины Владимира Ильича созывает экстренный пленум. Экстренный пленум ЦК комсомола присвоил пионерской организации имя Ленина.

«Учиться бороться и жить, как жил и боролся Ильич,— это самое важное дело»,— обращается к пионерам с воззванием их старший друг и вожатый — комсомол.

Высокий долг, высокая честь — учиться жить и бороться по-ленински!

Те пионеры, к кому впервые был обращен комсомольский призыв, кого впервые стали называть юными ленинцами, выросли. Это они и их дети строили заводы и фабрики первых пятилеток, создавали колхозы, создавали завещанное Лениным новое общество. Это они воевали с фашистами, отражали и отразили нашествие гитлеровцев, а потом поднимали разоренную страну и вновь строили, строили, и на пепелищах и пожарищах выросли города и села, заводы современных конструкций, на реках воздвигались гигантские ГЭС, на тысячи километров протянулись газовые трубы, и не перечислить всего созданного вашими дедами и отцами, дорогие друзья пионеры!

Пионерская организация за активную жизнь и работу дважды награждена орденом Ленина. Вы подумайте, ребята, какая гордость и честь, что на вашем пионерском знамени горят звездами два ордена Ленина! Эту гордость и честь надо хранить и непрестанно поддерживать.

В том воззвании, с которым пятьдесят лет назад ЦК комсомола обратился к первым пионерам-ленинцам, заключен очень важный призыв, действующий на все времена:

«Все пролетарские дети должны знать жизнь и борьбу Ильича».

Советские пионеры с охотой и любовью исполняют этот пионерский долг. И какие волнующие, хорошие чувства приносит им узнавание Ленина!

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

На берегу Черного моря есть всероссийский лагерь пионерского актива «Орленок». Семь лет назад сюда приехали пионеры Ульяновска, из школы № 1, где учился Володя Ульянов. Привезли в подарок «Орленку» фото и различные документы о семье Ульяновых, нежность и гордость земляком Володей Ульяновым, Владимиром Ильичем.

После той встречи в «Орленке» основан ленинский музей, образовался новый отряд, имя его «Патрули революции», девиз: «Идти дорогами ленинской мечты».

Таких пионерских отрядов, таких ленинских музеев в нашей стране сотни и сотни! В Пензе и Нарве, Барнауле и Вологде, Архангельске и Тбилиси, Вильнюсе и Владивостоке, в Ленинграде и Киеве пионерские отряды углубленно занимаются изучением жизни и творчества Ленина. Углубленно! Чтобы идти дорогами ленинской мечты!

Ленинскими дорогами нашу страну, наш народ и вас, пионеры, ведет к великой цели, завещанной Лениным, Коммунистическая партия Советского Союза.

Два с половиной года назад на XXIV съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев нарисовал широкую картину достигнутого нами, начертал грандиозные и прекрасные планы на будущее.

Много дел впереди, интересных, увлекательных дел!

Чтобы успешно их выполнить, чтобы жизнь наша была хороша, чтобы счастье наше было прочно, нужен мир во всем мире.

Наша Коммунистическая партия под руководством Центрального Комитета проводит международную мирную политику, борется за мир неустанно.

В первый день создания Советского государства Владимир Ильич с волнением возвестил: «Миру — мир!» Навсегда.

И ныне Советский Союз верен знамени социализма и мира, которому присягнул в час своего рождения.

Знайте это, пионеры. Помните. Заветам Ленина будьте верны!

Мария **ПРИЛЕЖАЕВА**

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ЯНВАРЬ 1
Издательство «Правда»
Москва 1974 г.

Я помню

Я помню:
Земля была в траур одета,
И ночью казался
Январский тот день,
И ветер охрипший
Летал над планетой,
Пургой заметая
Горбы деревень.
Порой сквозь туман
Прорывалося солнце,
Чтоб чуть обогреть
Наш озябший аул,
Но тучи
Плотней закрывали оконце,
И ветер
С утроенной силою дул.
А мимо меня
Проходили сельчане,
И кто-то в толпе
Безутешно рыдал.
Вовек я не видел
Подобной печали,
Подобного горя
Не знал никогда.

*

По ком загрустили
Поникшие травы?
Зачем даже солнце
Оделося в траур?
Что в мире случилось,
Несчастье какое?
И я потихоньку
Пошел за толпою,
Пошел, чтоб узнать
Этой скорби причину...
И так мне сказал
Черноусый мужчина:
— Покуда ты мал,
Ты не знаешь печали,
Но эта печаль
Тебя минет едва ли:
Ночь пала на горы,
На долы, на реки —
Уснул наш Ильич незабвенный
Навеки!..

*

Давно это было...
А, впрочем, давно ль?
И ныне горит
Моя первая боль,

Тот день

Мисост БАСИЕВ

И слезы, как прежде,
Текут по щекам,
И ветер охрипший
Ложится к ногам,
Устав причитать сиротливо,
И выть,
И черную весть
По земле разносить.

*

— Плакать не надо,
Малыш дорогой,—
Так мне сказал
Черноусый, —
Ленин живет —
Он со мной и с тобой
В пламени революции!
Встретишь его
В своей жизни не раз,
Будь же той встречи достойным!
Крепни, мужай и расти,
Как Батрадз*,
Чтоб оказаться
В торжественный час
Партии Ленина воином!

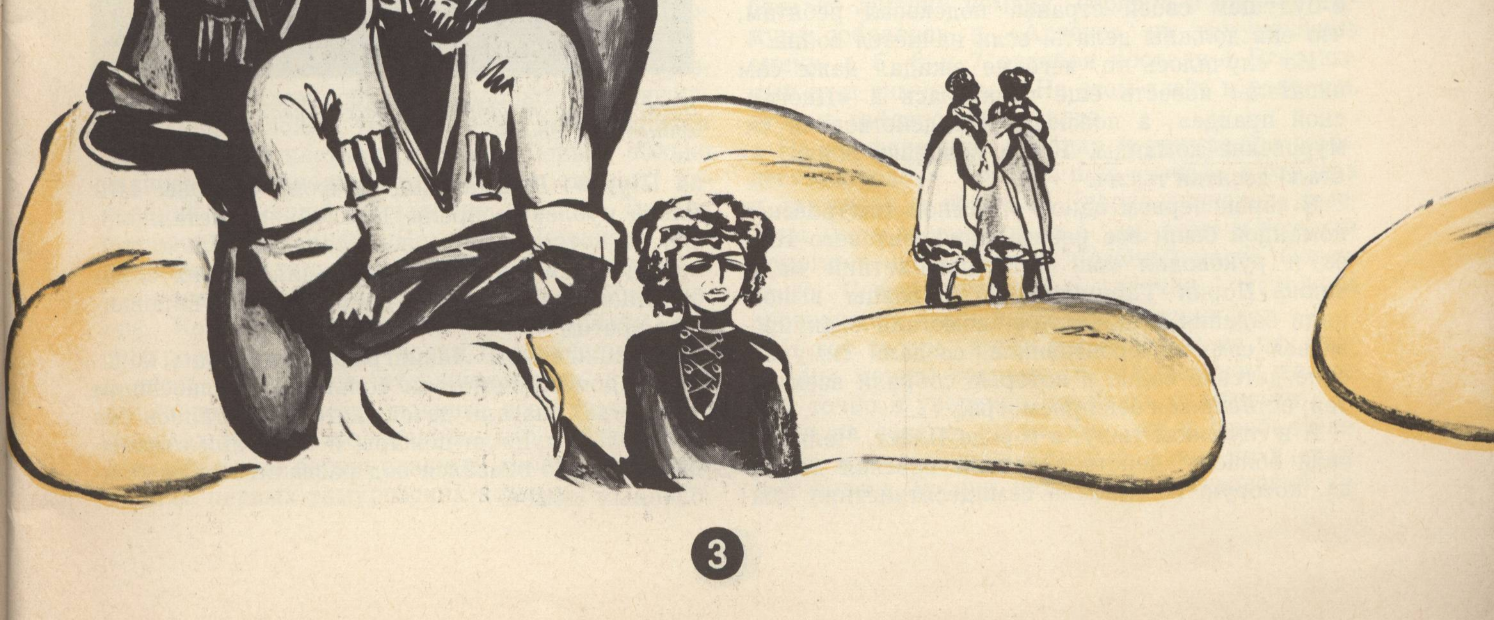
* Батрадз — герой древних кавказских преданий.

*

Годы и годы
Прошли с той поры,
Сам я стал взрослым мужчиной,
И, словно осенью склоны горы,
Голову выбелил иней.
Помню,
Как будто все было вчера:
День тот,
Далекий и грустный,
Помню,
Как ты пожелал мне добра,
Горец,
Земляк черноусый.
Если б тебя
Повстречал я сейчас,
Вместе б прошли по селеньям,
Чтоб посмотреть,
Как живет среди нас
Вождь человечества —
ЛЕНИН!

Перевел с осетинского
А. ГРЕКОВ.

Рисунок А. ГРИШИНА.

О тимуровском слете, о командах и отрядах, которые есть

ФЛАГ

Рисунки
А. БОРИСОВА.

Во Всесоюзном штабе Тимура хранится теперь большой шелковый флаг. На голубом фоне — красная гайдаровская звезда и штурвал, похожий на тот, которым Тимур Гараев созывал свою команду, когда нужно было помочь людям.

Еще недавно этот флаг реял на самой высокой мачте «Артека» — флаг I Всесоюзного слета тимуровцев. В октябре прошлого года под этим флагом собрались тимуровцы со всех концов страны, встретились тимуровцы разных поколений.

Тридцать три года назад прочитали ребята книгу Гайдара «Тимур и его команда». Это была особая книга. Книга-приказ писателя-командира, который, размышляя о будущем своей страны, подсказал ребятам, что они должны делать, если начнется война.

Но случилось то, чего не ожидал даже сам писатель: повесть еще печаталась в «Пионерской правде», а повсюду уже действовали тимуровские команды. Когда началась война, их стало десятки тысяч.

В сорок первом одной огромной тимуровской командой были все ребята прифронтового Киева, и руководил ими пятнадцатилетний мальчишка Норик Гарцуненко. Тимуровцы выполняли задания военкоматов, помогали эвакуироваться семьям фронтовиков, создали тимуровские детские сады, в которые собрали всех детей, оставшихся без присмотра.

А в глубоком тылу, в городе Пласт, Челябинской области, действовала тимуровская команда, которую возглавила семидесятилетняя «баба Шура». Ребята сдали в фонд обороны 100 тысяч рублей, собрали 124 тонны металлолома, из которых было построено несколько танков, достали одежду и обувь для многих сотен беженцев из районов, временно оккупированных врагом.

В осажденном Ленинграде тимуровцы ходили по домам, помогали больным и ослабевшим от голода, спасали детей, которые остались без родителей, тушили пожары и помогали откапывать тех, кто оказался под развалинами разбомбленных домов.

Всем, кто на конференции рассказывал интересно, аплодировали дружно.

и которые будут

А на Урале, в далекой от фронта Перми, тимуровцы вязали для бойцов носки и варежки, шили и вышивали кисеты для махорки, приходили с концертами к раненым бойцам в госпитали, работали в колхозах и на заводах, заменяя ушедших на войну взрослых.

Когда война кончилась, произошло еще одно чудо — приказ Гайдара продолжал действовать. Ребята поняли в книге о Тимуре самое главное: их долг — помогать своей стране, приходить на помощь всем, кто в этой помощи нуждается. И это навсегда, на все времена.

В августе сорок первого Гайдар обратился к тимуровцам с последним своим наказом: «...Работайте безустанно, помогая старшим. Выполняйте их поручения безоговорочно, безотказно и точно. Поднимайте на смех и окружайте презрением белоручек, лодырей и хулиганов, которые в этот час остались в стороне, болтаются без работы и мешают нашему общему священному делу».

Этот призыв стал девизом тимуровцев всех поколений. И если сегодня в стране действуют десятки тысяч тимуровских команд, отрядов, штабов, то это потому, что, создавая свою книгу-приказ, А. П. Гайдар очень точно угадал, понял великую потребность ребят участвовать в настоящем деле, сознавать необходимость того, что они делают, и желание помогать людям в трудную минуту.

Голубой флаг с красной гайдаровской звездой и штурвалом собрал немолодых уже людей, переживших войну, трудом своим добивавшихся успехов в пятилетках, и совсем юных, только начинающих жизнь — тимуровцев разных поколений. Бывший начальник штаба Тимура прифронтового Киева Новомир Маркович Гарцуненко и начальник штаба Тимура слета в «Артеке» Саша Рудницкий из города Киселевска, Кемеровской области, стояли рядом под тимуровским флагом, когда прозвучали залпы в честь тимуровцев, отдавших жизнь в борьбе с фашизмом, в честь подвига всех тимуровцев военных лет. И это значило, что ребята семидесятых годов верны славным героическим традициям первых тимуровских команд.

Голубой флаг I Всесоюзного слета тимуровцев, который хранится теперь во Всесоюзном штабе при редакции журнала «Пионер», — драгоценная реликвия для нас с вами, тимуровцы! Под этим флагом вам идти дальше!

КАРТА

Год назад мы напечатали в «Пионере» карту, которая рассказала о том, где Гайдар жил, где воевал, где писал книжки для ребят. Мы обещали, что в дни, когда вся страна будет отмечать семидесятилетие со дня рождения писателя, мы снова нарисуем гайдаровскую карту. И она расскажет о том, как дело Гайдара, его мечта живут в делах и мечтах тимуровцев.

Много месяцев мы переписывались с тимуровскими командами и отрядами из разных городов и сел, из разных краев, областей и республик. Всесоюзный штаб Тимура давал тимуровцам задания и получал донесения о их выполнении. И, наконец, в середине сентября ребята из лучших команд, отрядов и штабов Тимура собрались в «Артеке» на тимуровскую смену, а 5, 6 и 7 октября провели I Всесоюзный слет тимуровцев. На этом слете и родилась вторая гайдаровская карта.

На конференции «Гайдар и тимуровцы семидесятых годов», которая шла сначала в отрядах и дружинах, а потом во Дворце пионеров, делегаты слета рассказывали о том, кому и чем они помогают, и тут же на большой карте Советского Союза появлялись значки — условные обозначения важнейших тимуровских дел.

И вот теперь, когда мы смотрим на эту карту, мы можем говорить о тимуровском движении точно и уверенно, не боясь ошибиться.

Ни на севере, ни на юге, ни в Прибалтике, ни на Кавказе, ни в Средней Азии, ни в средней полосе России нет такой тимуровской ко-

манды, которая не заботилась бы о ветеранах войны и труда, не была бы внимательна к семьям тех, кто служит в Советской Армии.

Галя Чукина из Орла рассказала всем об операции «Красные звезды», которую проводит городской штаб Тимура. Вечером 8 мая на всех домах, где живут ветераны войны, на всех домах, куда люди с войны не вернулись, появляются красные звезды. И в День Победы, 9 мая, когда все выходят на улицу, останавливаются возле этих звезд и читают на небольших плакатах: «В этом доме живет участник штурма Берлина...» или «В этом доме живет

левших документов, по номерам правительственных наград долго и упорно устанавливали тимуровцы имена героев. И село свято хранит теперь память о них...

Нет такой тимуровской команды, которая не заботилась бы об одиноких и престарелых.

После рассказа ребят из села Песчаное, Курской области, в записных книжках тимуровцев появилась еще одна заметка: можно, как курские ребята, создать тимуровскую бригаду и ходить в рейды: кому забор починить, где скамейки поставить, лопатки сделать для детского сада.

Каждому хотелось сфотографироваться с Тимуром прифронтового Киева, Новомиром Марковичем Гарцуненко.

1. Маршрут «Тимуровец».
2. Забота о ветеранах войны.
3. Забота о ветеранах труда.
4. Забота о семьях тех, кто служит в Советской Армии.
5. Шефство над памятниками и обелисками.
6. Шефство над детскими домами и сельскими школами.
7. Шефство над детскими больницами.
8. Шефство над детскими садами, забота о малышах.

семья гвардии лейтенанта Петрова, геройски погибшего под Сталинградом...»

Ребята из Челябинска предложили взять шефство и над семьями тех комсомольцев, которые уехали работать на ударные стройки пятилетки.

Нет такой тимуровской команды, которая не взяла бы под свою опеку памятники и обелиски воинам, геройски погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Когда тимуровцы села Дричин, Могилевской области, помогали рыть котлован для закладки фундамента новой школы, они нашли в земле медаль «За отвагу». Оказалось, на этом самом месте, где должна была вырасти школа, погибло двенадцать бойцов в жестоком сражении за их село. По обрывкам ист-

Тимуровцы из отряда 147-й новосибирской школы предложили помогать и молодым семьям: трудно неопытным хозяйкам всюду поспеть: в магазин, и обед приготовить, и постирать, и ребенка отвести в детский сад, а вечером в кино хочется сходить и в клуб, и в вечерней школе учатся многие...

Нет такой тимуровской команды, которая не шефствовала бы над детскими садами и площадками, не заботилась бы о малышах в своем дворе и на своей улице.

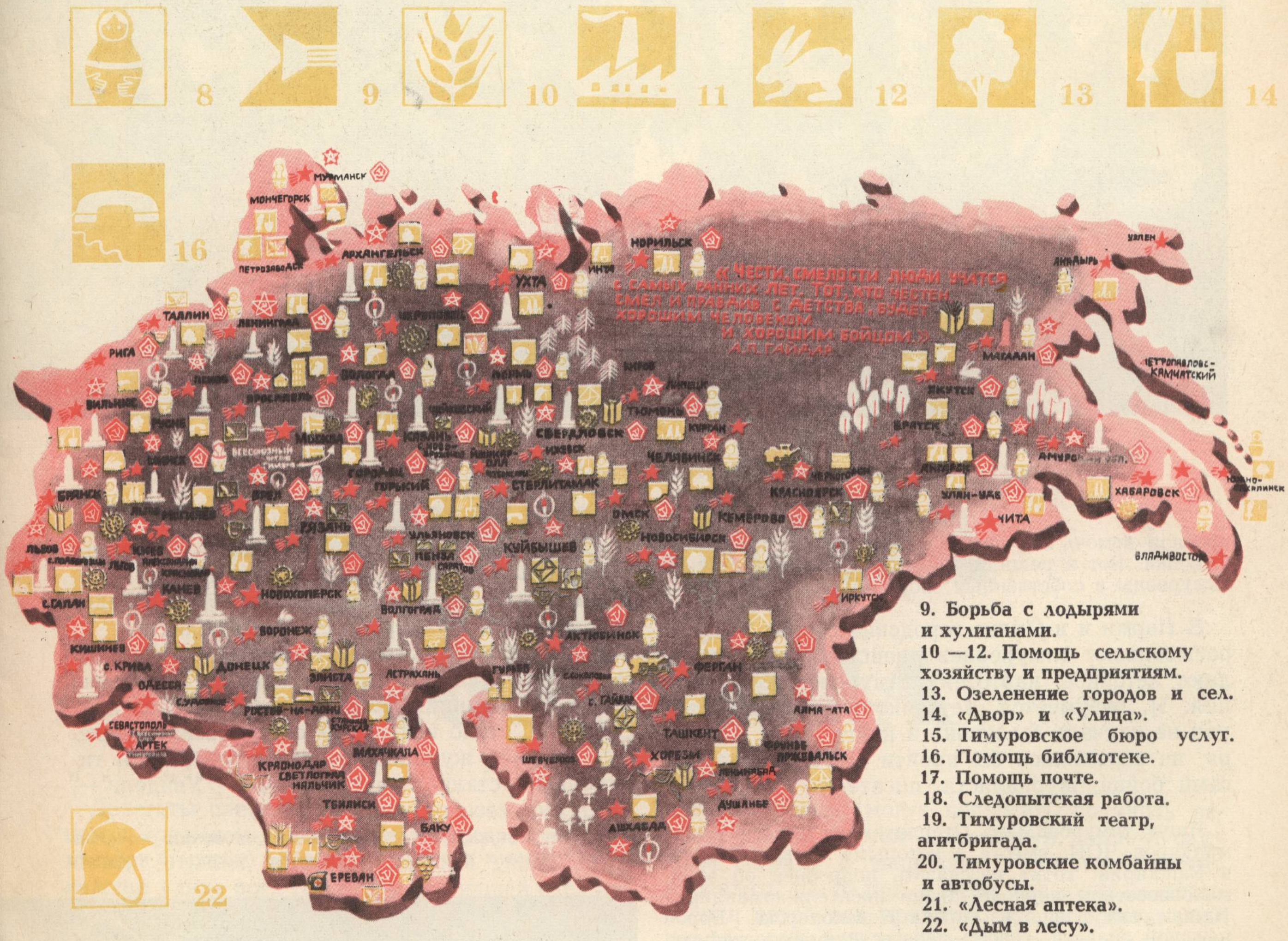
Тимуровская команда саратовской 100-й школы открыла мастерские по изготовлению игрушек, кукольной мебели и одежды для всех детских садов сразу. А команда Аркаши Маненкова, которая действует во дворе дома № 11 по Молоковской улице

города Читы, организовала дворовый тимуровский детский сад. Родители доверили им своих детей.

Тимуровская команда 169-й московской школы взяла под свою опеку детский дом для дошкольников, команда 13-й школы Еревана — детскую больницу. Детские дома и детские больницы взять под свою опеку — записали и запомнили все делегаты слета.

Нет такой тимуровской команды, которая не участвовала бы в делах взрослых.

в аптеках: доставляют лекарства одиноким и больным. В библиотеках ремонтируют, выдают и получают книги, разносят их по домам, участвуют в подготовке читательских конференций и выставок. Заботятся о том, чтобы улицы и дворы были зелеными и чистыми, чтобы у ребят постарше были спортивные площадки, а у малышей — площадки для игр, чтобы никто не слонялся без дела, не хулиганил, не лодырничал.

9. Борьба с лодырями и хулиганами.
10—12. Помощь сельскому хозяйству и предприятиям.
13. Озеленение городов и сел.
14. «Двор» и «Улица».
15. Тимуровское бюро услуг.
16. Помощь библиотеке.
17. Помощь почте.
18. Следопытская работа.
19. Тимуровский театр, агитбригада.
20. Тимуровские комбайны и автобусы.
21. «Лесная аптека».
22. «Дым в лесу».

Всякий раз, когда колхозу «Россия» (Татарская АССР) нужна помощь в уборке урожая, он обращается к тимуровцам села Новое Дрожжаное. Когда мебельная фабрика в городе Курске ставила новые корпуса, она попросила команду 12-й школы, с которой давно дружила, прийти помочь. И ребята тут же пришли, мусор убрали, деревья посадили, клумбы разбили. Тимуровская команда поселка Красный Ключ (Башкирская АССР) каждый год помогает лесничеству собирать сосновые и еловые шишки. В Архангельске, когда случился небывалый снегопад, горком комсомола позвал тимуровцев. Они быстро очистили улицы от снега. Транспорт смог работать без перебоев.

Многие штабы и команды помогают на почте: сортируют и разносят газеты и журналы, письма и поздравительные телеграммы. Дежурят

В городе Киселевске, Кемеровской области, и в 105-й школе Свердловска ребята создали тимуровские бюро услуг. Нужно вечером посидеть с ребенком, починить радиоприемник, врезать в дверь замок — пожалуйста, тимуровцы к вашим услугам. В Майкопе при 22-й школе имени А. П. Гайдара работает тимуровский книжный магазин. В прошлом году тимуровцы продали книг на 5 тысяч рублей. В Магадане ребята смотрят фильмы тимуровской киностудии. В Грузии, в Тбилиси, ребята из 38-й средней школы организовали летучий тимуровский театр. Он появляется на улицах и во дворах и пользуется неизменным успехом. В Узбекистане, в Ташкенте, городской штаб Тимура при Дворце пионеров создал тимуровскую радиомастерскую, а в Казахстане, в поселке, который теперь носит имя Гайдара, уже много лет действует пионерская тимуровская почта.

Тимуровцы из поселка Чегдомын, Хабаровского края, рассказали, как проводили операцию «Дым в лесу», ребята из поселка Николаевка, Ульяновской области, — операцию «Муравейник», тимуровцы из 5-й средней школы имени Гайдара города Ростова-на-Дону — операцию «Тимуровец у себя дома». Говорят, один мальчишка в команде был на самом лучшем счету. Послали его к старушке, которая

Что такое счастье? Как отвечал на этот вопрос Гайдар? Как жить нам, тимуровцам семидесятых, чтобы быть счастливыми? Такой разговор вели ребята у костров.

просила помочь ей, оказалось, это его собственная бабушка. Вот и решили проверить, как действуют тимуровцы в собственных своих семьях.

В Перми и в Омске городские штабы Тимура разыскивают тимуровцев прошлых лет, составляют летопись, картотеку тимуровского движения. И, разумеется, нет такой команды, которая не изучала бы жизнь и книги А. П. Гайдара, не стремилась бы пройти его путями-дорогами бойца, журналиста, писателя.

Ищут тимуровцы из Стерлитамака бойцов и командиров ЧОН, вместе с которыми воевал Гайдар в Башкирии: хотят рассказать подробнее об этом малоизвестном периоде жизни писателя-командира. Нашли тимуровцы из города Новохоперска, Воронежской области, совсем неизвестную фотографию, на которой Гайдар (он командовал в этих местах полком) снят с ребятами из поселка Красное. Открыт музей А. П. Гайдара, созданный тимуровцами 54-й московской школы.

Три тысячи четыреста шестьдесят делегатов слета рассказывали о тимуровских командах, отрядах и штабах, которые действуют повсюду, по всей стране: и в Грузии, и в Эстонии, и в Кабардино-Балкарии, и в Бурятии, и в Ставропольском крае, и в Сальских степях Ростовской области, и в заполярном городе Инте, и в древнерусском городе Владимире, и начинаешь представлять размах тимуровского движения. Все вместе мы понимаем: не в том дело, сколько важных и прекрасных дел мы перечислим, важно, что **в каждом из нас, тимуровцев, поселилось и будет жить вечно чувство ответственности за все, что происходит вокруг, потребность заботиться о тех, кто нуждается в нашей помощи, непреодолимое желание приносить радость и немедленно появиться там, где пока не все еще благополучно.**

«Мы делаем то, что на этот раз больше всего нужно сделать», — сказал пятиклассник Валера Вольф, команда которого живет в поселке птицесовхоза «Маяк», Ростовской области.

У бабушки Барыки, потерявшей на фронте сына, прохудилась крыша, ребята добились, чтобы ее починили. Мать Вали Игнатенко прихворнула, стало нелегко ей одной таскать тяжелые книги и журналы, газеты и письма, и тимуровцы стали почтальонами. Увидели —

Веселый и красивый тимуровский праздник начался торжественным парадом тимуровских отрядов и команд.

школьному библиотекарю нужно помочь, взялись расставлять по полкам новые книги и журналы, подшивать газеты, делать подборки из свежих газет и журналов на разные темы, которые помогут учителям на уроках. **«Делаем то, что на этот раз больше всего нужно» — в этих простых словах величайшая мудрость жизни. Угадать, разглядеть, где сейчас нужны твои умелые руки, твоя умная голова, твое доброе сердце. И суметь сделать все спокойно и уверенно, не рассчитывая на похвалы и награду, радуясь, что всем вокруг хорошо.**

Когда делегаты слета составили эту удивительную гайдаровскую карту, кто-то пошутил: «Карта полезных ископаемых тимуровского движения». Улыбнулись шутке, а потом подумали: исключительно точно найденные слова.

Мы уверены, рассматривая, изучая эту карту, ты найдешь для себя много полезного, нового, что захочет использовать в своей работе и твоя тимуровская команда. **Помни главное: на этой карте нет и не может быть того, особенно важного, тысяча первого дела, которое подскажет тебе сама жизнь. Постарайся быть готовым к этому делу!**

Штурвал, очень похожий на тот, которым Тимур созывал свою команду, дорог тимуровцам всех поколений.

ЕЩЕ ОДНА КОМАНДА

Делегаты слета обратились ко всем тимуровцам с призывом создать новые тимуровские команды, отряды, штабы в каждом дворе и на каждой улице всех городов и сел нашей страны.

Мы верим, ты тоже захочешь организовать тимуровскую команду, стать тимуровцем. Как тебе действовать?

Собери ребят, на которых можно положиться. Вместе прочтите повесть А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Подумайте: легко ли было Тимуру Гараеву помогать людям? Как он умел отстаивать свои принципы? Что давало ему силы в борьбе с теми, кто не понимал его? Почему за ним шли ребята?

Прежде чем команда начнет действовать, выясните, кто что умеет делать: чтобы помогать взрослым, заботиться о стариках и малышах, нужно уметь немало.

Во многих домах теперь есть вода и газ, не надо издалека тащить тяжелые ведра, колоть и пилить дрова. Но в любом доме, куда приходят тимуровцы, могут попросить починить радиоприемник и утюг. Малыши в детском саду хотят играть с машинами, которыми можно управлять по радио, и всем пассажирам трамваев и автобусов нравится, когда роботы объявляют остановки и ведут экскурсию по городу.

Самых надежных, самых толковых, самых энергичных ребят пошлите в разведку: пусть внимательно посмотрят вокруг — где, кому нужна помощь.

Помните, главные дела тимуровцев:
забота об инвалидах и ветеранах труда, об одиноких и престарелых; шефство над семьями тех, кто служит сегодня в Советской Армии и уехал работать на ударные комсомольские стройки пятилетки; охрана памятников и обелисков воинам, погибшим в борьбе с фашизмом, помощь малышам, детским садам, детским домам, детским больницам, беспощадная война с сегодняшними квакиными, с хулиганами и бездельниками.

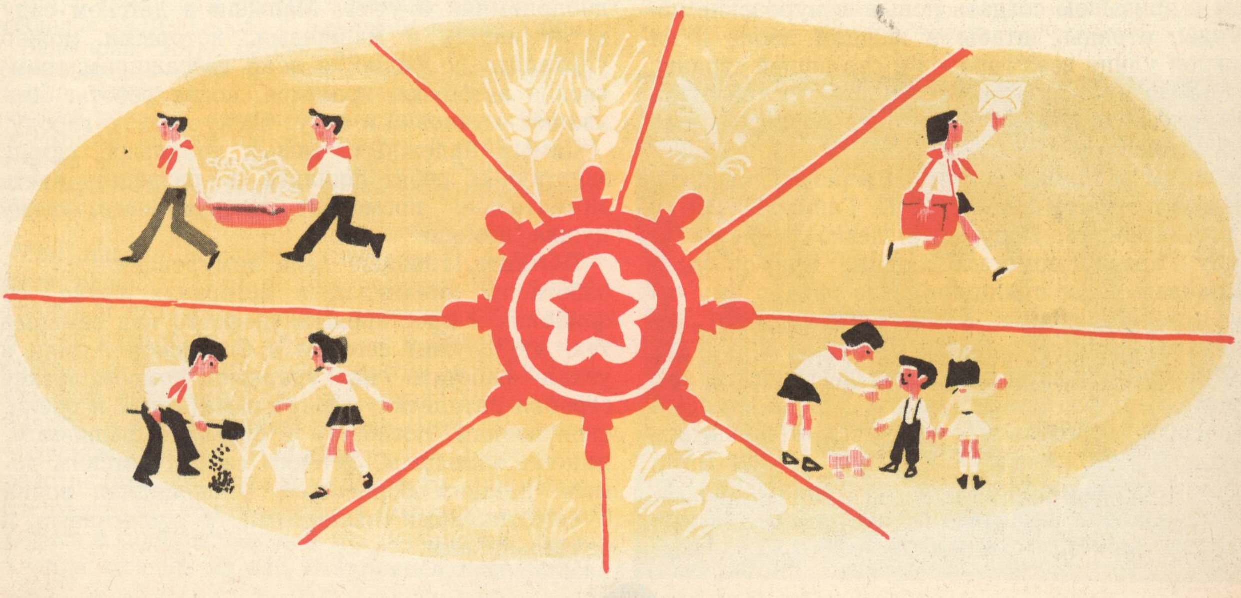

Вот какая большая семья у нас, тимуровцев!

Без этих дел нет тимуровского отряда, тимуровской команды. Тимуровцы озеленяют свой двор, свою улицу, охраняют природу; в своем микрорайоне помогают почте и аптеке, библиотеке и школе, соседнему заводу или колхозу.

Все объекты своего действия команда или отряд наносят на карту.

Каждой командой или отрядом руководит Тимур. Постоянно действуют группа разведки, группа связи, группа юнкоров, тимуровское бюро услуг. Для выполнения конкретных тимуровских дел всякий раз создаются оперативные группы, в которые входит несколько человек. Чтобы не мешать друг другу и выполнять поручения быстро, ни в коем случае не браться за одно дело сразу многим. Распределяя поручения, учитывать желание и склонности каждого члена команды.

Несколькими командами или отрядами руководит городской, районный, областной, краевой штаб Тимура. Он создается при комитете комсомола, Доме пионеров, редакции газеты, радио или журнала. Если в том месте, где ты живешь, такого штаба еще нет, прояви инициативу: вместе с ребятами из других тимуровских отрядов попроси взрослых — учителей, пионерских вожатых, работников Дома пионера или комитета комсомола, старших друзей с завода или из колхоза — помочь вам создать штаб Тимура, который бы объединил ваши действия, руководил вашей работой.

Тимуровская команда действует в свободное от уроков время, в воскресные и праздничные дни. Тайно, если удается выполнить работу тайно. Явно, если так лучше для пользы дела.

Важно не только, что делать, но и как делать. Тимуровцы работают не напоказ, не ради наград и благодарностей. Самая высокая награда для каждого тимуровца — радость, которую он приносит людям.

Для того, чтобы времени и сил тратить меньше, а порученную работу выполнить как можно лучше, при подготовке трудового десанта любой операции необходимо определить и подсчитать, сколько потребуется ребят, за какое время они справятся с делом, какой понадобится инвентарь, где его взять и как доставить к месту работы.

Действуя оперативно, смело и весело, старайся во всех своих делах и поступках быть похожим на А. П. Гайдара, писателя-командира, завещавшего тебе: «...честно жить, много трудиться, горячо любить и беречь эту огромную землю, которая зовется Советской страной».

Тимуровцы семидесятых годов!

Выполнить любое задание Ленинского комсомола, Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина — будьте готовы!
Продолжать традиции тимуровцев всех поколений — будьте готовы!

Всесоюзный штаб Тимура дает тебе
ЗАДАНИЕ:

в честь 70-летия со дня рождения А. П. Гайдара (22 января) всем командам, отрядам, штабам провести в отрядах и дружинах пионерские сборы, трудовые десанты, читательские конференции, праздники «Салют Гайдару!». Продолжать изучать жизнь и книги писателя, продолжать походы по путям-дорогам Гайдара, создавать новые гайдаровские музеи и уголки, летопись тимуровского движения.

Начальник Всесоюзного штаба Тимура
С. ФУРИН, главный редактор журнала «Пионер», член бюро Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.
Члены штаба:
В. ЕРМИЛОВА, ответорганизатор Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина,
Л. СИМОНОВА, заведующая отделом школьно-пионерской жизни журнала «Пионер»,
Б. КАМОВ, писатель.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

СУМКА ГАЙДАРА

Здесь юность Гайдара
Промчалась с наганом,
Здесь автор Мальчиша
Был пулей сражен,
Теперь в тишину
Над тропой партизанской
Ритмично и звонко
Врывается горн,
Теперь пионеры
В краю легендарном
Ищут
сумку Гайдара.

Хранится в той сумке
Солдатской,
старой
Сто недописанных книг —
И не хватает
Каждому их,
Как моря,
Как ветра,
рвущего парус...
И пионеры
В краю легендарном
Ищут
сумку Гайдара.

Дорога надолго
Вбегает под сосны.
Здесь дятел, увлекшись,
Обсыплет корой,
Полянка ромашек
Вся в отблесках солнца,
Землянка со входом,
Заросшим травой...
И, может,
У спрятанной сумки
разбиты
Костры
Следопытов.

Ты в шрамах, земля,
От траншей и окопов,
Осколком под сердцем —
Гайдара тайник...
Но оборвется
Твой шепот, твой шелест,
И в колокол неба
Ударится крик
Мальчишки,
Слепящего
бронзой загара:
— Нашел я
сумку Гайдара!

Читайте

Вера **СМИРНОВА**

С разных концов Советской страны, из далеких и близких городов, из сельских школ приходят ко мне письма от пионеров и школьников, читающих и любящих Гайдара, желающих как можно больше знать о своем любимом писателе-герое. Разные подписи стоят под этими письмами: то «Боевые командиры штаба РВС», то «Совет музея А. П. Гайдара при школе № 15», то «Льговский народный музей А. Гайдара»... Множество музеев Гайдара устраивают у себя в школах пионеры, собирают его книги, воспоминания о нем, его вещи, ходят в походы «по его следам» — там, где он жил, воевал, писал свои книги. Этим летом, когда я отдыхала в Крыму, ко мне приехали двое вожатых из Артека, которые собирались писать книжечку «Гайдар в Крыму» и хотели посоветоваться со мной. Такой широкий интерес к Гайдару, к его жизни и творчеству, конечно, не может не радовать, особенно тех, кто лично знал Аркадия Петровича, его близких, его ровесников, товарищей, друзей.

Но если круг его читателей становится все шире, то круг тех, кто знал его лично, все сужается — уходят из жизни вслед за ним и его ближайшие товарищи. Вот уже давно нет Константина Паустовского, нет Рувима Исаевича Фраермана, нет Ивана Халтурина, тех, кого он любил, с кем дружил многие годы. А нас, тех, кто еще жив и помнит Аркадия Гайдара, ребята просят в каждом письме: пожалуйста, пришлите нам в «наш музей» что-нибудь, что у вас сохранилось, подарите нам на память о нем. Что мне ответить им? В то далекое время (ведь прошло уже больше сорока лет, как я узнала Гайдара!) мы все, а Гайдар в особенности, жили иначе, чем живем мы теперь: у нас не было обжитых квартир, «писательских кабинетов», мы не очень-то ценили и собирали вещи, много ходили и ездили по стране, а это можно было делать только налегке. Гайдар как-то говорил, что у него «весь дом в рюкзаке, где только перемена белья, полотенце с мылом, да тетрадки с карандашами».

Не так уж часто снимался он тогда с товарищами, и это были все любительские снимки, которые от времени пожелтели, потускнели. И, конечно, все, что можно было собрать, уже собрано в двух основных гайдаровских музеях — в Арзамасе и в библиотеке-музее над Днепром, недалеко от его могилы. Остались только письма Гайдара, но с ними еще не хочется расставаться, пока мы живы. Да многие из них вы знаете по книгам, написанным о Гайдаре. А этих книг уже немало, и они, конечно, должны быть у вас в музеях. Я очень люблю книгу С. Гонца и П. Н. Назаровской «Гайдар на Урале». Я сама написала книгу «Аркадий Гайдар», где рассказала о нем, что знала, а главное, рассказала о его книгах, об истории создания их. Она, конечно, написана для более старших ребят и для взрослых, но для младших в ней есть интересные фото разных лет Гайдара. В эту книгу я вложила многое, что я знала, видела, слышала, встречи с Гайдаром, разговоры с ним. Но, конечно, это не все: живую память о нем передать так трудно.

Вот он стоит перед моими глазами — молодой (я не могу представить его себе старым), высокий, широкоплечий, в своей меховой куртке и папахе, с веселыми, озорными глазами, улыбается, спрашивает: «А где Жан?» — так он называл моего мужа Ивана Игнатьевича Халтурина. Он часто писал ему письма по-французски русскими буквами, вставляя изредка русские словечки,—и это было так смешно, что мы всегда долго смеялись, перечитывая эти письма. Он любил писать письма в стихах, а однажды написал целую сатирическую поэму о детских писателях и о себе самом. Он очень любил шутку, выдумку, всяческие розыгрыши. Но самое главное, что мне вспоминается: он был человек удиви-

Гайдара!

тельно добрый. Я не знаю ни одного случая, когда он кому-нибудь причинил зло, даже сказал о ком-то недобро. Правда, он отделывался от плохих людей насмешкой, иногда очень острой и меткой. Не было в нем злопамятности, и зависти он не знал никогда.

Но что говорить? Все равно живого Гайдара мне вам не показать, он остается в моей памяти. И я горжусь, что я его знала, видела, говорила с ним. Хотя, признаться, у нас тогда не было к нему такого отношения, как у вас, для нас он был просто «свой», товарищ, с ним можно было и поспорить, словом, мы были, как говорят, «на равной ноге». И это так дорого тем, кто его знал.

Он не любил никакой «показухи». Хотя, как военному человеку, ему нравился военный строй, лихие рапорты, стройные колонны ребят-пионеров, пионерские костры, весь пионерский «ритуал», но он всегда, даже в любой пионерской игре, хотел видеть смысл, цель, увлеченность. Он любил во всякое дело вкладывать душу, чтобы во всем чувствовалось «горячее сердце». Помню, однажды он пришел в Дом пионеров читать свою новую повесть. Был веселый, но все-таки волновался: понравится ли ребятам повесть? А библиотекарша вышла вперед и сказала: «Ребята, к вам приехал ваш любимый писатель Гайдар. Давайте ему похлопаем!» Гайдар даже не мог сразу выйти к ребятам после такого вступления. «Ну, зачем это? — говорил он мне.— Всю музыку испортила. Теперь уж они не будут слушать меня просто... «Ваш любимый»... Разве можно так нескромно? А вдруг повесть им вовсе не понравится?»... И начал читать хмуро, без улыбки.

Конечно, все эти «черточки» Гайдара, которые мы, знавшие его, можем вспомнить и передать, все равно не составят подлинного облика Гайдара. Но есть один, и самый верный и прямой, путь к Гайдару—это его книги. Я думаю, что всякий музей Гайдара в любой школе должен прежде всего собирать его книги разных изданий, разных лет. И не просто собирать и хранить, а читать. Читать много раз, перечитывать через год — через два, ведь книги по-разному воспринимаются человеком в разном возрасте. И еще мне хочется предложить музеям Гайдара. Собирайте не только воспоминания о нем нас, старых уже людей: собирайте те впечатления от его книг, какие создаются у теперешних его читателей. ТЕ РЕБЯТА, КТО ПО-НАСТОЯЩЕМУ ЛЮБИТ И ПОНИМАЕТ ГАЙДАРА, ПУСТЬ ПОПЫТАЮТСЯ НАПИСАТЬ, КАК ОНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СЕБЕ ГАЙДАРА СЕЙЧАС, КАКИМ ОН ВСТАЕТ В ИХ ВООБРАЖЕНИИ.

Пусть это будет фантазия, созданная желанием почувствовать «живого Гайдара». Пусть это будет «Моя встреча с Гайдаром» — воображаемая, вымышленная, но в ней будет ощущение его у теперешнего школьника и пионера. О чем они будут говорить? О жизни, конечно, значит, виден будет и тот, кто хочет говорить с Гайдаром сегодня и о нынешнем дне.

Мне кажется, что таким образом будет создана драгоценная и для самих ребят и для всей советской литературы коллекция портретов Гайдара, рожденная воображением его сегодняшних читателей. Это важнее, чем собирать его карандаши или старые фото (хотя и это тоже интересно для музеев). И кто знает, может быть, из этих рассказов о Гайдаре получится интереснейшая книжка. Во всяком случае, я заранее хочу быть ее первым читателем.

Но для этого нужно, конечно, очень хорошо знать книги Гайдара. Поэтому читайте Гайдара!

Пишите нам о Гайдаре. Мы будем ждать ваши письма с особым нетерпением.

Рисунки Б. ПОЛЯНСКОГО.

Писатель Гайдар. А в дни гражданской войны — комполка Голиков. В походном своем чемодане он возил школьные тетрадки с начатой повестью «В дни поражений и побед». Тетрадки торопливо заполнялись между боями.

Рассказ «У белых», который ты прочитаешь сейчас,— эпизод из той повести. Эпизод, однако, не вошедший в текст книги. Таким образом, по времени написания это самый ранний из рассказов Гайдара.

У белых

Аркадий ГОЛИКОВ

Убитый казак

Окончательно запуталась и сбилась с дороги разведка красных.

Впереди белые, позади тоже, а где свои — и не поймешь. Ночь была темная, местность незнакомая, кругом леса, овраги. И решил командир взвода:

— Надо в сторону, в чащу податься, переждем до утра, а там видно будет, как и что.

Расположились ребята на поляне, недалеко от дороги, чтобы заночевать. Костров не разжигали: опасно. На дорогу секрет выставили для наблюдения.

Только-только, привалившись друг к другу для теплоты, стали задремывать красноармейцы, как вдруг ба-бах — выстрел по лесу.

Повскакали все.

— Что такое? В чем дело?

— Бурмин... убил казака,— запыхавшись, крикнул прибежавший из секрета красноармеец.

Вышел командир взвода на дорогу, глядит: точно — на земле убитый лежит, а возле конь черной тенью бродит.

Бурмин рассказывает:

— Знаю сам, что нельзя из секрета стрелять, да случай уж больно такой подходящий. Слышу я топот, как раз луна выглянула. Гляжу, кавалерист скачет, и, главное, один. «Стой! — кричу я ему.— Что пропуск?» А он этак спокойно: «Ракета»,— свои, значит, думал. Ну и ссадил я его.

— Так ты бы просто ссадил. А зачем же его окликал? — спросил Бурмина кто-то.

— Чудак человек, да пропуск-то нам пригодиться может или нет?

Обыскивали казака, нашли у него в кармане пакет — бланк из полевой книжки. Прочел его взводный и задумался. А задуматься было над чем, потому что пишет на том бланке какой-то капитан Томилин командиру 24-го добровольческого полка донесение, а заодно просит срочно прислать ему дислокацию, то есть чтобы сообщили, где стоят белые части, где красные.

— Эх... вот бы нам эту дислокацию,— сказал взводный, покачав головой.

— Эх, Бурмин, кабы ты этого казака да на обратном пути ссадил, тогда бы дело, сразу бы к своим выбрались. А теперь что? Теперь все без толку.

Бурмин подумал-подумал, возьми да и брякни:

— А давайте, братцы, я попробую достать эту дислокацию.

— Как достать, что ты мелешь, дурья голова?

— А так,— отвечает он,— пропуск — ракета. Конь рядом. Погоны на убитом. Донесение — в кармане. Вот и все.

Сначала такое предложение показалось всем слишком несуразным и невыполнимым. Но Бурмин настаивал:

— Чего вы городите? Не обязан же ихний адъютант либо дежурный, который донесения принимать будет, каждого казака знать в лицо. Честное слово, я поеду.

— Ну поезжай, коль так.

Стащили с убитого шаровары, тужурку, шашку. Оделся Бурмин, звякнул шпорами, тряхнул саблей, ну как есть настоящий казак.

— Ну,— сказал, он, вскакивая на коня,— не поминайте лихом, товарищи. Жив буду, вернусь часа через два.

Дислокация получена

Впереди заблестели огоньки деревушки, в которой и должен был находиться штаб 24-го добровольческого полка. Миновав овраг, Бурмин наткнулся на сторожевое охранение. Его окликнули. Он крикнул пропуск, не останавливаясь, промчался мимо.

Первый же попавшийся патруль показал ему дом, где находился штаб полка. Соскочив у ворот, Бурмин привязал коня к изгороди, осмотрелся, запоминая на всякий случай расположение двора, и распахнул дверь.

— Ты чего? — спросил его один из офицеров.

— Пакет от господина капитана Томилина,— щелкнув каблуками и отдавая честь, ответил Бурмин.

— А... хорошо. Давай сюда.

Офицер прочел донесение, сел за стол и сказал:

— Подождешь во дворе. Ответ напишу — тогда позову.

Бурмин вышел, сел на сваленные кучей бревна и закурил. Было тихо. Бурмин жадно затянулся дымом махорочным и подумал: «Как странно, вот я и у белых, но не раненый, не пленный, а так, запросто, как свой». Так просидел он минут десять.

— Скорее бы,— прошептал он.

Послышался топот. Кто-то соскочил у ограды и тоже привязал коня. И мимо Бурмина прошел такой же казак, как и он.

— Здесь штаб полка будет? — спросил приехавший у кого-то.

— Здесь,— ответили ему. А что?

— Пакет от капитана Томилина.

Кошкою вскочил Бурмин, почуяв в этих словах нависшую над ним опасность, и, прильнув к окну ухом, стал слушать.

— Так от вас только что сейчас привезли,— сказал офицер, принимая пакет.

— Так точно. Нас только разными дорогами послали для верности.

— Ага! Ну, подождешь во дворе. Вместе с тем. А потом отвезете ответ.

Казак вышел на крыльцо.

— Гришка! — крикнул он и помолчал немного.

— Гришка,— повторил он, не дождавшись ответа,— куда ты, черт, делся?

Бурмин молчал, спрятавшись за выступ дома.

«Пропал,— подумал он,— называет по имени, значит, знает в лицо».

Казак прошел мимо к ограде. Слышно было, как он крепко изругался возле лошадей, потом повернул обратно.

Беззвучно за углом Бурмин вынул из ножен шашку. Возвращаясь к крыльцу, казак проходил совсем рядом. Тогда Бурмин взмахнул шашкой и изо всей силы рубанул перед собой. Несмотря на то, что было темно, должно быть, верен был удар, потому что точно в дерево врезалось острое лезвие, и, негромко вскрикнув, пал казак на землю.

«Бежать,— подумал Бурмин...— А дислокация?»

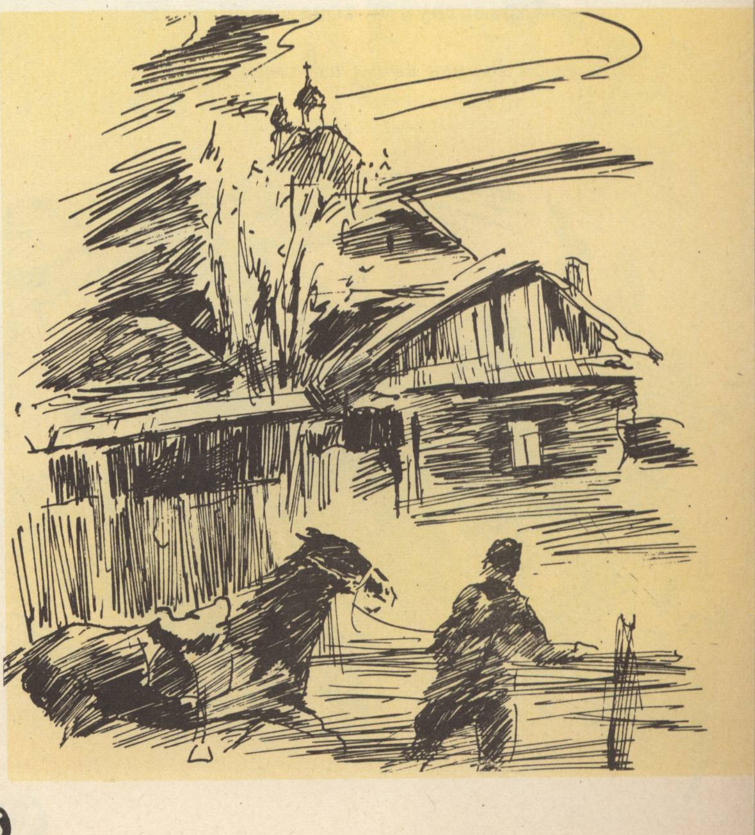
Как бешеный ворвался он в комнату. Офицер доканчивал бумагу. Выдержка начинала изменять Бурмину. Сердце его теперь уже не просто стучало, а сумасшедше колотилось, посылая горячую кровь к вискам.

Офицер кончил донесение и, протягивая его, спросил:

— А другой казак где? Вместе поедете.

Бурмин не отвечал.

Бурмин привязал коня к изгороди, осмотрелся.

— Я тебя, дурака, спрашиваю, другой где? — рассерженно крикнул офицер.

— Он... его нет... он оправиться вышел,— не ответил, а вернее, выкрикнул Бурмин и, выхватив пакет, не отдав даже чести, бросился во двор.

Навстречу ему попался кто-то вбегающий с криком:

— Господа... господа... на дворе убитый.

Бурмин вскочил на коня и жиганул его нагайкой. Сзади послышались крики. Грохнуло несколько револьверных выстрелов.

Но, наклонив голову, крепко сжимая рукой пакет, почти ничего не соображая, летел вперед Бурмин.

Не слыхал он ни окриков полевого караула, ни ветра, свистящего мимо ушей, ни пуль, жужжавших осиным роем,— ничего. И только, когда запаленный и загнанный вконец конь с хрипом и клокотом в груди остановился и зашагал потихоньку, стал приходить в себя Бурмин.

Он с гордостью посмотрел на зажатый в руке пакет.

— Выполнил... Достал, несмотря ни на что. А где же моя шапка и шашка?

Но ни шапки, ни шашки не было. Шапку снесло ветром, а шашку он оставил во дворе возле убитого казака.

«Дислокация есть»,— еще раз, улыбаясь, подумал Бурмин.

— Ну, коняга, давай, что ли, еще немного.

И конь с шага перешел на легкую рысь. Ночь, темь, тени, кусты, вот и поворот, вот и свой пост. А оттуда задорный вопрос:

— Стой, казак, куда едешь?

И, соскочив с лошади, Бурмин крикнул весело:

— Здравствуйте, товарищи!

За углом Бурмин вынул из ножен шашку.

Рисунок П. ПАНЧЕНКО.

Фотоконкурс «Родная природа»

Нам с тобой повезло. Мы живем на Земле — самой зеленой, самой прекрасной и поэтому самой счастливой планете.

...Березовую светлую рощу и яркую радугу над полем, осенних журавлей в небе и красногрудых снегирей на снегу — этого не увидишь больше нигде. Это — Земля.

Жизнь отличает нашу зеленую планету от раскаленной Венеры и голой, изрытой кратерами Луны, от сурового Марса и покрытых льдом планет-гигантов.

Фото Г. ДМИТРИЕВА.

Наш долг перед собой, перед будущими поколениями, перед Вселенной — беречь и охранять бесценное живое богатство, природу Земли.

Пусть никогда не истощатся наши почвы, не оскудеют леса и реки, пусть всегда будет чистым голубой воздух!

Помочь этому можешь и ты.

Расскажи о природе своего края, своей республики, о том, что делается у вас, чтобы защитить леса, реки, почву, растения. Расскажи, как работают в школе отряды голубых патрулей, школьные лесничества, отряды по борьбе с эрозией почв. Как проводится операция «Муравей»?

Расскажи в фотографиях о том, что ты узнал о родной природе, покажи ее красоту.

В фотоконкурсе приглашаем участвовать всех ребят, фотокружки, фотолаборатории при Домах пионеров и на станциях юных техников.

Принимаются снимки любого размера (но не менее 18 × 24). Кроме того, для каждого снимка должен быть контрольный отпечаток размером 9×12 и негатив.

К каждой фотографии надо приложить подробный рассказ о том, что ты снимал, где, когда. На обороте снимка не забудь указать свою фамилию, адрес, школу, класс.

Сейчас проводится **Всероссийский фотоконкурс «Охрана природы — всенародное дело»**, посвященный 50-летию Всероссийского общества охраны природы.

Лучшие ваши снимки мы представим на этот конкурс.

Победителей ждут премии, их снимки будут показаны на выставке в Москве.

Снимки присылайте до 1 сентября 1974 года.

Анатолий МИТЯЕВ

РАССКАЗЫ

Куриная слепота

Митин товарищ, ефрейтор Савкин, взял в плен танкиста. Савкин лежал под немецким танком, подбитым на ничейной полосе, наблюдал в бинокль, откуда бьют вражеские пулеметы. В это время немец и приполз к танку. Видно, хотел узнать, какие повреждения у машины, чтобы потом увести ее к себе. Ефрейтор подпустил фашиста метров на десять, отбросил стволом автомата маскировку и сказал: «Хенде хох!» Руки вверх! Тот метнулся было в сторону, но тут же сообразил, что бежать бесполезно, и, стоя на коленях, поднял руки.

Савкин привел пленника в расположение дивизиона. Командир похвалил ефрейтора, порадовался его удаче и приказал доставить немца на допрос в штаб бригады. Савкин под танком лежал весь день с утра, промерз, проголодался. Дальше вести пленного поручили Мите Корневу.

До штаба было километра три. Дорога шла березовым лесом. Митя шагал за фашистом. Ствол Митиного автомата смотрел в спину врага. А глаза Мити смотрели на природу. Начиналась весна. Зелени, правда, еще не было, но и снега уже не было. Березы стояли тихие, торжественные — ждали встречи с настоящим теплом. Митя сорвал почку. Коричневая почка была как бы опутана зеленой ниткой. Это чешуйки начали расходиться, потихоньку освобождая листок.

Наступили сумерки. Похолодало. Березы стали строгие, почти зимние. Сумерки сгущались быстро, словно спешили спрятать деревья от заморозка. До штаба бригады было еще далеко, как все вдруг затянулось темной мглой. Ничего не стало видно: ни пленного, ни белых берез. «Странный вечер»,— подумал Митя и споткнулся о кочку. Он потер глаза ладонью, будто на них была пелена.

Слух Мити напрягся. Он услышал гулкие удары сердца в груди. И еще услышал, как шагает враг, тыча сапогами в сырую дорогу. Шаги были мерные, без сбоя. «Значит,— подумал Митя,— фашист видит, куда наступает. Он не спотыкается, как я. Что же у меня с глазами? Неужели ослеп? Это куриная слепота наступила».

Митя испугался. Ему вспомнились солдаты, у которых была куриная слепота. Днем они видели хорошо. А как заходило солнце, их собирали из окопов, с огневых позиций, и они, беспомощные, держа друг друга за хлястики шинелей, шли за зрячим солдатом-поводырем. Шли подальше от передовой, в безопасное место. Ночью они не могли воевать.

Тревожные мысли пронеслись в Митиной голове. «Если фашист убежит, что скажу командиру? Ладно убежит,— убьет кого-нибудь нашего по дороге, взорвет что-нибудь. Может, мне самому убить его? Пока не поздно, дать очередь перед собой — и готово. Но пленных нельзя убивать. Приказать ему лечь? И ждать, когда кто-нибудь пойдет по дороге? Немец может догадаться, что не вижу. Он-то церемониться не станет...»

Тут то ли дорога стала тверже, то ли пленный ушел далеко — шаги стали едва различимы. Митя прибавил скорости, заспешил, нога попала в яму, и он чуть не упал. Тогда, с досады или с отчаяния, Митя неожиданно для самого себя вдруг крикнул:

— Капут Гитлер?

— Гитлер капут,—согласился вблизи немец.

Голос у него был спокойный. «Не догадывается,— понял Митя. — Пока не догадывается».

Шагов через пятьдесят Митя опять спросил:

— Капут Гитлер?

— Гитлер капут,—отозвался пленный. На этот раз сердито, дескать, что спрашивать, и так все ясно.

Мите стало как-то неловко, вроде бы стыдно за такой однообразный несерьезный разговор. Но других немецких слов он не знал и скоро опять задал надоевший пленному вопрос. Что было делать? По голосу пленного Митя определял, где тот находится, и проверял себя, не сбивается ли с дороги.

Когда Митя, проглотив сухую слюну, снова приготовился к вопросу, фашист сам высокомерным тоном сказал:

— Капут, капут, Гитлер капут.

Он решил, что молодой конвоир, по сути, еще подросток, таким глупым образом со скуки развлекает себя. И чтобы не доставлять русскому удовольствия, немец с некоторым весельем и ехидством через равные промежутки стал громогласно объявлять конец Гитлеру.

«Считай себя умным, меня считай глупым,— думал Митя,— я потерплю». Новая забота одолевала его — не пройти штаб бригады. Штаб располагался в лесу метрах в двухстах от основной дороги. Как найти развилку?

На счастье, у развилки на ночь выставляли патрульных. Когда раздался окрик: «Стой, кто идет!» — Митя даже вздрогнул от радости.

— Свои! — закричал он. Тут же поправился: — Свой и немец! — И заговорил горячо, торопливо, боясь, что патрульный не дослушает, уйдет, оставит его, слепого: — Пленно-

Рисунки С. НАЗАРОВА.

Митя выпил рыбий жир, облизал ложку...

го в штаб веду. А глаза не видят. Ты уж проводи нас. Боюсь упустить фашиста, побежит — мне не видно. Куриная слепота у меня.

— Ясно,— сказал патрульный. — А я-то думаю, чего это идут двое, и один орет, как заводной: «Гитлер капут!»

Патрульный взял Митю за руку, сказал пленному: «Дуй вперед!» — да с такой интонацией, что фашист его понял, и все трое зашагали к штабу.

Утром Митя стал видеть хорошо. Он пришел в свой дивизион, когда начинался завтрак. У походной кухни на этот раз рядом с поваром стоял санитарный инструктор. И прежде надо было протянуть ему ложку, а потом уже котелок повару. Санитарный инструктор каждому наливал в ложку густую жидкость из бутылки и требовал, чтобы артиллерист ее тут же пил.

— Что это такое? — спросил Митя, когда подошла его очередь.

— Рыбий жир.

— Рыбий жир я не люблю,— стал отказываться Митя.

— Пейте, Корнев, без разговоров,—рассердился санитарный инструктор. — Если бы я раньше начал давать его, вам не пришлось бы вчера маяться с пленным. У вас в организме нет нужного витамина, вот и нарушилось зрение.

Митя выпил рыбий жир, облизал ложку и сказал санитарному инструктору спасибо.

— На здоровье! — ответил тот.

И правда, Митя Корнев через несколько дней стал здоров. Он мог сражаться с фашистами не только днем, но и после захода солнца — в любое время суток.

Самовар

Всю зиму войска вели упорные бои. И наконец ближе к весне оккупанты не выдержали, отступили.

Митя Корнев толком не знал, что происходит. Он с удивлением и радостью смотрел, как в сторону вражеских позиций устремились наши солдаты. Бежали пехотинцы, саперы, связисты с катушками. По умятому танками следу заторопились сани с боеприпасами, полевые кухни. В какие-то минуты обжитые за зиму траншеи, землянки и блиндажи опустели. Только Митин дивизион оставался на месте: орудия били вдогонку фашистам.

Но вот и они кончили стрелять. Из укрытий разом выехали автомобили-тягачи. Артиллеристы прицепили к ним орудия, побросали в кузова пожитки, забрались сами. Митя тоже хотел влезть в кузов автомобиля. Но тут подошел старшина. Он протянул Мите вещевой мешок и сказал:

— Вот тебе, Корнев, продукты. Останешься охранять снаряды. Все нам не увезти. Дня через три приедем за ними и за тобой.

Дивизион уехал...

Все произошло так быстро, так неожиданно, что Митя не сразу понял, в каком он оказался положении. Оставшись один, Митя пересчитал ящики, окрашенные для маскировки известью, поправил, чтобы лежали ровно. А больше делать было нечего.

Митя ходил возле снарядов. Прислушивался. Всматривался. Но никакого движения не было вокруг. Не было никаких звуков. Стояла мертвая тишина. Люди ушли в наступление. А птицы и звери скрылись из этих мест еще раньше. Бомбы и снаряды падали здесь так густо, что изломали и посекли каждое дерево в лесу. От сосен остались одни расщепленные, разодранные пеньки — высокие, выше человека. В наступавших сумерках остатки деревьев казались фантастическими существами, они тянули во все стороны изломанные тела и будто жаловались Мите на свою горькую судьбу. Митя смотрел на них, и на сердце у него становилось все тревожнее.

Когда стемнело, Митя забрался в землянку. Уехавшие хозяева увезли с собой печку и лампу. Митя ощупью отыскал нары, сгреб к стене солому и лег, устроив под голову мешок с продуктами. Автомат положил рядом.

Тепло из землянки ушло. Вместе с ночным холодом стали к Мите подбираться страхи. «Что, если подкрадутся фашисты?—думал Митя.— А может быть, придет волк-людоед? Вот сейчас заскребется лапами... А дверь тонкая, из фанеры. И запора нет...» Мите захотелось вскочить, ударить в дверь длинной очередью автомата. Но он не вскочил, заставил себя лежать. И так, лежа, дождался других мыслей: о том, что он солдат, бояться ему не полагается. И волки и немцы должны бояться его, Митю Корнева. Он не просто ночует в землянке, он охраняет склад боеприпасов, и горе тому, кто попытается их взорвать или выкрасть. «Пора на пост!» — сказал себе Митя. После этих слов он встал, поставил автомат на боевой взвод и открыл дверь.

Ночь не была черной, как казалось в землянке. Она была серая. Слабый свет шел от снега. В этом сером свете Митя разглядел штабель ящиков со снарядами. Медленным шагом он несколько раз обошел его и вернулся. «Теперь спать!» — приказал себе Митя. Он натянул поглубже шапку, свернулся калачиком, подоткнул полы шинели, чтобы было потеплее. Но в холоде и одиночестве сон никак не шел к нему. Митя чуточку задремал только перед рассветом.

Утром, отогревшись у костра и пожевав сухарей, Митя отправился искать печку.

Митины товарищи, как погрузили снаряды, стали пить чай.

«Иначе замерзну,— думал он.— Хоть какая-нибудь плохонькая печурочка должна остаться. Столько народу жило всю зиму...»

Митя лазил по блиндажам и землянкам. Много всякой всячины ему попадалось. Он нашел лампу, сделанную из снарядной гильзы, нашлись даже концентраты пшенной каши, а печки не было. Кто же оставит такое сокровище в зимнюю пору! Но вдруг в полуобвалившемся блиндаже, куда Митя и заглядывать не собирался, он увидел самовар — медный, огромный. Самовар стоял на сосновом кругляше на четырех широких, как у породистой собаки, лапах. Ручка толстого крана была затейливая, похожая на цифру «восемь», помещенную в кольцо. На большом кольце сидело еще множество маленьких колечек и завитушек. Сверху на самоваре была конфорка с узорными вырезами — точно царская корона. Это был царь-самовар!

От такой находки Мите стало весело. С концентратами за пазухой, с лампой под мышкой, с самоваром на плече он отправился к себе.

Пост был в полном порядке. Митя занялся устройством своих дел. Сначала развел большой костер, чтобы нажечь для самовара угли. Потом принялся вырезать ножом донышки консервных банок. Их было много, и скоро, втыкая банки одна в другую, Митя собрал длинную трубу. Еще нужно было добыть воду. Митя набил снегом котелок, повесил его над костром. Пока снег таял, Митя принес из землянки горсть песку, тряпицу и начал драить свою находку.

Медь хорошо отчищалась, самовар засиял. В красном самоварном боку Митя увидел свое лицо — с огромным носом, с вытянутым лбом и подбородком, с расплывшимися в стороны щеками. Митя подмигнул своему изображению, и рожа на самоваре ответила чудно́й и веселой гримасой.

«Ничего, жить можно!» — подумал Митя.

В землянке с самоваром стало уютно, прямо как дома. А когда Митя разжег его, пошло тепло. И уж совсем согрелся Митя после чая. Напиться вдоволь настоящего самоварного чая — на войне такое не каждому удается!

Прохаживаясь у снарядов, Митя все посматривал на землянку, на трубу, из которой поднимался сизый дымок. Ночью дыма не стало видно. Зато стали видны искорки, они летели вверх красными мошками. Они рождались в самой середине самовара, в огне, а огонь не даст пропасть солдату даже в лютый мороз.

Новой ночью Митя тоже долго не засыпал, все думал. Но мысли были спокойные, нестрашные. Он представил себе людей, которые в мирное время сидели за самоваром. Наверное, это была большая семья. Мать с отцом, дети, бабушка с дедушкой. На столе всякие вкусные вещи: баранки, лепешки, варенье, конфеты... И над этой вкуснотой, над чашками и блюдцами возвышался горячей горой самовар.

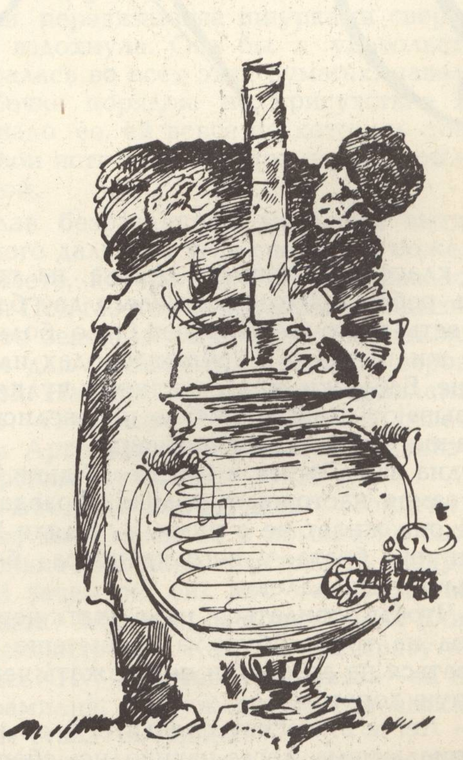
Потом напали фашисты. Хозяин самовара, конечно, пошел на войну. А куда делись мать с детьми, дедушка с бабушкой? Наверно, ушли от фронта. Самовар оставили — вон он какой! Понеси-ка... Пехотинцы, к которым он попал, тоже не понесли. Конечно, им жалко было с самоваром расставаться. Да ничего не поделаешь — у пехоты груза и так много: винтовка, патроны, гранаты, противогаз, лопатка... Так рассуждал про себя Митя и незаметно уснул.

Три дня, обещанные старшиной, прошли. За снарядами и за Митей все не ехали. «Верно, далеко погнали фашистов,— догадывался Митя.— Да ведь без снарядов как гнать их? Ну ничего. Подожду. Теперь ждать можно».

Однажды, это был пятый день, самовар вдруг запел. В его горячей середине послышалось тонкое жужжание со звоночками. Крошечные звоночки с каждой минутой звонили все звонче, все чаще. Скоро отдельные звуки слились в один — будто загудела дудочка. Митя вспомнил шутливую примету: самовар поет к дороге. И правда, в этот день приехали машины.

Митины товарищи, как погрузили снаряды, стали пить чай. Кто заваривал в кружке березовую веточку, кто подгоревший сухарик. И все хвалили самовар, похлопывали его по горячим бокам, будто благодарили.

Митя устроил себе место в грузовике среди ящиков. Уселся там удобно и положил еще теплый самовар на колени. Так он и вез его до своего дивизиона.

Е. КАРПЕЛЬЦЕВА

РАССКАЗ

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

Бабушкина тетрадь

В классе, где училась Алька, на тридцать семь ребят приходилось всего две бабушки. То есть всего-то бабушек было больше, но они жили где-то в других городах или в деревне. Бабушки, которые вяжут чулки и рассказывают сказки, вообще перевелись, только в книжках о них и читаешь!

Одна из бабушек и была ее, Альки, бабушка, самая настоящая, родная. Правда, давно уже она живет не с ними, а у дяди Юры — маминого брата, у него квартира большая, только очень далеко.

Чтобы повидаться, надо ехать через весь город на троллейбусе, а потом еще пересаживаться на автобус и переезжать через железную дорогу.

— Легче в Москву съездить! — обычно восклицала мама, когда начинались сборы к дяде Юре. Наверное, поэтому, виделись они с бабушкой не очень часто. Она последнее время тоже стала редко приезжать, жаловалась, что голова кружится в автобусе. Да и народу многовато...

Бабушка была не очень старая, но у нее всегда что-нибудь болело, и Але было ее жаль, особенно когда, взобравшись к ним на четвертый этаж, она долго не могла отдышаться и все обмахивалась цветным платочком в клеточку.

Сильно ли она любит бабушку, Аля над этим никогда не задумывалась. Но порой ей было досадно, что бабушка живет не с ними, и она нарочно ссорилась с Иркой, дочкой дяди Юры, и азартно заявляла, что бабушка у них замечательная, и она ее ужасно любит, и скоро возьмет к себе.

Ирка была младше Али на два года, но держалась она всегда так, словно была старшей. Она поводила плечами и кривила губы, чуть оттопыривая нижнюю, точь-в-точь как тетя Валя, и назидательным тоном говорила:

— Издали-то всякий хорош. Ты вот поживи с ней, тогда узнаешь...

Но пожить с бабушкой Але так и не пришлось. Бабушка внезапно умерла. Случилось это, когда Аля была в пионерском лагере. Ей даже не сообщили ничего, и когда она вернулась домой, сказали не сразу, а через несколько дней. По словам мамы, «не хотели расстраивать девочку, уж очень она впечатлительная».

Конечно, Аля все равно расстроилась. Первые дни она думала о бабушке очень много, плакала. Казалось невероятным, что ее больше нет.

Но начались уроки, школьные дела и заботы, и печаль ее вдруг рассеялась. И пошла себе жизнь, как прежде, только на весь класс осталась уже одна бабушка.

Отшелестел осенний листопад, и вместо разноцветных, как ребячьи картинки, листьев дворники сгребали по утрам на тротуарах что-то бурое, грязное. Потом воздух зазвенел от раннего морозца и полетели снежинки — очень редкие, так что каждую снежную звездочку можно было рассмотреть в отдельности.

Первую четверть Аля окончила с одной тройкой (по поводу которой мама долго распространялась о несправедливости учителей), и в один из ноябрьских каникулярных дней отправилась в гости к дяде Юре.

На автобусной остановке, как всегда, было много народу, и, когда подошел автобус, Аля с трудом втиснулась в душное нутро машины. Кто-то упирался ей в бок твердым углом набитой сумки, от ватника стоявшего сзади мужчины настойчиво полз запах бензина... И тут ей снова вспомнилась бабушка, и сердце словно сжало холодным кулаком. Захотелось вернуться обратно. Ведь там, в большой квартире дяди Юры, без бабушки, наверное, совсем пусто и ужасно грустно.

Но все было вовсе не так. Наоборот, трехкомнатная квартира дяди Юры выглядела теснее и праздничнее обычного. Появились новые вещи, которых Аля еще не видела: желтые шелковые гардины с замысловатым узором, очень красивые, сервант, сквозь стекла которого можно было любоваться хрустальными рюмками, торшер со столиком. Не выветрившийся еще запах краски говорил о недавнем ремонте.

— У меня теперь своя комната,— важно сообщила Ира и повела Алю в ту небольшую комнатку, где прежде жила бабушка. Там тоже появились новые вещи, и комната выглядела совсем незнакомой.

Ирка, конечно, важничала еще больше. Она сообщила, что на день рождения ей обещают купить магнитофон, и тогда у нее в комнате будет полный «шик».

— Это старье выброшу, а то оно весь вид портит! — Ира указала на низкую, потемневшую от времени тумбочку, стоявшую в углу. Аля посмотрела на эту тумбочку — темно-коричневую с двумя створками и верхним ящиком, на котором резко выделялась пластмассовая, видно, недавно прибитая ручка, и опять сердце ее опахнуло холодом. Это была бабушкина тумбочка. Она подошла поближе и, стараясь казаться равнодушной, спросила:

— А что там, в ящиках?

— Там еще остались бабушкины вещи. Мама не успела все убрать. Ты не представляешь, сколько у бабушки было каких-то ненужных бумажек.

— Можно мне посмотреть? — Але самой стало противно от своего заискивающего тона. И почему ее вдруг так неодолимо потянуло к этим ящикам?

Ирке, конечно, очень понравилось, что у нее спрашивают разрешения, как у взрослой, и, помедлив для пущей важности, она милостиво разрешила:

— Смотри, пожалуйста... только там, по-моему, ничего нет интересного. Старина ужасная.

Верхний ящик заклинило, и он никак не открывался. Аля подергала-подергала за ручку, похожую на большую пуговицу, и вдруг ей стало стыдно, так стыдно, словно она собралась воровать. Она уже хотела отойти от тумбочки, но нижние дверцы неожиданно легко открылись и оттуда выпали свернутые в трубу бумаги, вырезки из журналов. Аля присела на корточки и заглянула внутрь. Там в беспорядке лежали какие-то папки, тетради, перевязанные шнурками свертки.

Аля вздохнула. Она бы с удовольствием разобралась во всех этих бумагах, навела бы в тумбочке порядок, но присутствие Ирки сковывало ее, ей вовсе не хотелось показывать свои истинные чувства перед этой воображалой.

Сделав безразличное лицо, она вытянула из самого дальнего угла сверток в пожелтевшей газете, которая тут же разорвалась на сгибах. Под газетой Аля увидела выцветшую, когда-то зеленую папку. Это был школьный альбом для рисования с толстой сероватой бумагой. На обложке синими чернилами выведено: «Ученицы 7 класса 1-й советской школы Арсеньевой Елизаветы», а внизу типографским шрифтом — «1930 г.».

1930-й год! До чего же давно!.. Тогда не только Али, но и мамы ее в помине не было. И как только бабушка ухитрилась сохранить его? И зачем он ей? Кто такая Арсеньева Елизавета? Впрочем, бабушку звали Елизавета Александровна. Как же она сразу не догадалась? Ну, конечно, Арсеньева—ее прежняя фамилия, это уж потом она вышла замуж и стала Батурина.

Непонятно только, почему она так берегла

этот старый школьный альбом? Аля без всякого сожаления уничтожает свои тетради: что там может быть интересного?

Посмотрим... Странно, оказывается, и тогда на уроках рисовали то же, что и теперь,— всякие геометрические фигуры, гипсовые головы, кувшины с кружками... Очень здорово все это удавалось Арсеньевой Елизавете. Но отметка везде стоит непонятная. «В. уд». Ну, «уд.» это, наверное, «удовлетворительно», а почему «В»? Что-то слишком строгий у них был учитель, за такие рисунки и пятерку можно поставить.

А вот на одном листке наискосок размашисто поставлено «Молодец»! и тоже подпись. Сверху красивыми мелкими буковками написано: «Рисунок на свободную тему. Иллюстрация к книге А. Фадеева «Разгром». Левинсон».

Надпись эта ничего не сказала Але. «Разгром» она не читала и кто такой Левинсон не знала. Но рисунок удивил ее. Он совсем не похож на детский, а тем более на рисунок девчонки. Линии резкие, уверенные, даже жесткие какие-то. Да и человек, изображенный на листке, был некрасивый и хмурый. Он сидел на пеньке, смотрел куда-то вперед, в позе его была усталость. Но это был сильный человек. Сила была в его худых руках, сцепленных на коленях, в прямом взгляде: он сидел неподвижно и в то же время, казалось, готов был вскочить и куда-то рвануться. Удивительно, как это ей удалось нарисовать!

С любопытством Аля стала листать альбом дальше. На остальных страницах ничего интересного не было — опять орнаменты, образцы шрифтов, наброски каких-то обложек для книг. В свертке была еще тетрадь. Белая бумага, нелинованная, сшитая суровой ниткой. Аля открыла наугад и тихо ойкнула.

...Чудес, конечно, не бывает. В четырнадцать лет это знаешь точно. И какие могут быть чудеса, если люди уже к Луне летают и в этом нет ничего необыкновенного?.. И все-таки...

Все-таки чудо случается. Например, такое: шла как-то Аля из школы, думала о своей ссоре с Наташкой, и о том, как сказать маме о тройке по физике, и о прочих невеселых вещах. Под ногами было сыро, новых ботиков не предвиделось, в общем — скучная жизнь. И вдруг проглянуло солнышко. Аля подняла голову и обмерла. Перед ней сверкало золотое чудо. Нет, не может быть, чтобы это было то самое старое дерево, мимо которого она сто раз ходила! Пожелтевшая листва в каплях дождя вдруг вспыхнула удивительным золотым блеском, и все вокруг стало другим — праздничным, радостным. Так бывает в добрых русских сказках: сбрасывает

Странно, оказывается, и тогда на уроках рисовали то же, что и теперь.

лягушка невзрачную свою оболочку, и является вдруг прекрасная девица в ослепляющей красоте...

Была ли это минута, секунда — Аля не знает. Но она прибежала домой с ощущением испытанного счастья, разыскала «двушку» и тут же ринулась в ближайший автомат — звонить Наташе; то, из-за чего они поссорились, казалось теперь ничтожным пустяком, а радость лилась через край, ею хотелось поделиться...

И вот сейчас... у нее опять так же колотится сердце и чудо раскрывается на глазах, смотрит на нее с тетрадочных листочков.

> Печальный демон, дух изгнанья
> Летел над грешною землей,
> И прежних дней воспоминанья
> Пред ним теснились чередой...

Аля недавно «открыла» для себя Лермонтова. Она упивалась его стихом, сильным, как звон металла, без конца повторяла полюбившиеся строки, и перед ними жалко меркло все, что нравилось ей прежде.

Она мысленно рисовала себе образ Демона. Мысленно. А тут вот он—на тонком листке, как будто живой,—и именно такой, каким она его представляла. Изломанные страданием гордые черты, руки, раскинутые на скале...

Аля сидит на полу, разложив тетрадь, и не решается перевернуть страницу. Вдруг чудо уйдет и там будет опять какой-нибудь кувшин с кружкой!

Но чудо не уходит. С каждой страницы старой тетради на нее смотрят лермонтовские герои — Тамара с мольбой простирает руки, Мцыри заносит палку над барсом, Азамат скачет на прекрасном коне... Все в движении, в порыве, словно это не карандашные линии на пожелтевшей бумаге. И на каждом листке буквы «Е. А.».

— Чем это ты увлеклась? — раздается вдруг рядом голос. Тетя Валя, надушенная и причесанная «на выход», наклоняется и треплет ее по волосам. И что это за манера обращаться с ней как с маленькой?..

Аля поднимается с пола, прижимая к себе тетрадку, красная от смущения, и не знает, что сказать. Тетя Валя, Ира, вся комната сейчас очень маленькие и далекие, как в перевернутом бинокле, и оттого, что надо приблизиться к ним, становится нехорошо, словно при посадке самолета.

— Можно, я возьму это себе, на память? — выдавливает наконец Аля, вцепившись в тетрадь.

— Если тебе так хочется! — Тетя Валя пожимает плечами (вот он — любимый Иркин жест!).

...Родителей дома не оказалось. Они, конечно, были уверены, что она ночует у дяди Юры и ушли в театр—об этом легко было догадаться по утюгу, забытому на доске (слава богу, хоть выключен!), аромату духов «Нарцисс» и папиным галстукам, накинутым на спинку стула...

Але казалось, что стоит ей лечь на свою кровать за ширмой и подложить под щеку любимую маленькую подушку, все станет на свое место, все будет привычно, и она погрузится в сладкий сон. Но минут десять проворочавшись, она включила свет и опять раскрыла тетрадь. Здесь были, кроме лермонтовских, наброски иллюстраций к каким-то еще неизвестным ей книгам и стихам.

Неожиданно из тетрадки выпала небольшая фотография, размером с листок календаря. Несмотря на давность, она была вполне отчетлива, хотя снимок был явно любительский. У двери класса с неясной табличкой стояла в неловкой позе (видно, сниматься не было привычки!) девочка ее возраста, а может быть, и постарше. На ней была юбка в складку и длинная мальчишеская футболка. Ну и ну! Неужели тогда такие носили? На ногах носки с каемкой и тапки вроде полукедов. Две косички с бантиками топорщились на шее. На губах — смущенная полуулыбка, но глаза смотрят прямо, настолько прямо, что Аля даже вздрогнула. Ей показалось, что они совсем живые, эти глаза, и взгляд их обращен на нее,— странный, требовательный взгляд. Кого, о чем она спрашивала, эта школьница в резиновых тапках?

Школьница... Да, но ведь эта девочка — та самая Лиза Арсеньева, она же Елизавета Александровна Батурина, которую Аля звала бабушкой и которой теперь нет, нет, а вместо нее лишь холмик земли и на нем венок с поблекшими искусственными цветами...

От этой простой мысли Але стало так пронзительно больно. Значит, жизнь может быть такой жестокой, такой чудовищно несправедливой? Ей захотелось закричать громко: «Почему?»

Почему такая талантливая «Е. А.» стала просто бабушкой? Почему эти желтые листочки не стали картинами, страницами книг и не полетели по всему белу свету? И почему, почему уже ничего нельзя вернуть?

Аля принялась по крохам припоминать все, что знала о бабушке. Однажды бабушка рассказывала о своем замужестве. Ей тогда было всего девятнадцать лет, а Алексею Павловичу много больше, он был летчик, капитан и очень красивый, только со шрамом— след аварии.

Но Аля не очень-то задумывалась над ее рассказом. Да и вообще, как мало она думала о ней, как мало придавала значения ее словам!

А мама? Остро кольнула мысль: мама тоже не очень-то внимательна была к бабушке. И может быть, это из-за нее. Аля даже приподнялась и села в кровати. Конечно, все так и было. Родилась дочка, пошли всякие там пеленки, распашонки. Где же ей было учиться на художницу?

В памяти вспыхнул нечаянно услышанный разговор между отцом и матерью.

— Все-таки жаль, что у нас одна наша Алька. Ей бы братика...

— Не хватит ли на эту тему? Достаточно того, что я из-за Альки чуть не сорвалась на госэкзаменах. Тебе, конечно, очень хотелось сделать из меня няньку, но у меня, слава богу, характер твердый!

— Да-а,— папа вздохнул,— характер действительно твердый.

...А может быть, у бабушки не было твердого характера? Она ведь была всегда тихая, добрая. Но почему же она рисовала таких сильных, мужественных людей? И такой твердой рукой? Очень трудно все это понять.

И разве знает она, какие бури проносились над этими косичками с бантиками, пока стали они бабушкиными сединами? Сколько счастья и горя выпало на долю девочки в смешной футболке?

И потом... столько пришлось ей перенести в войну.

Эвакуировалась с ребятами (их было тогда уже трое!) в какой-то маленький уральский городок. Там умер самый младший. А в конце войны дедушка погиб. Надо быть сильным, чтобы выдерживать такие удары. Она все выдержала. Правда, болеть стала какой-то труднопроизносимой болезнью. Мама выросла и окончила институт. И дядя Юра тоже окончил, даже с отличием. А бабушка все работала и никак не хотела уходить на пенсию, хотя тетя Валя говорила, что все равно зарплата у нее «ничтожная». И работа-то у бабушки была скучная — делопроизводитель...

И опять Алю охватывает бесполезное и оттого еще более острое сожаление. Если б можно было повернуть время вспять!

...Алина мама очень удивилась, когда увидела в окне свет. Неужели что-нибудь случилось? Когда они вошли в комнату, все было тихо и спокойно. Аля забыла потушить настенную лампочку. Она лежала, засунув руку под подушку, в неловкой позе внезапно застигнутого сном человека. Отец осторожно поправил ее голову, отвел разметавшиеся волосы и с удивлением отметил про себя, как повзрослела его девочка и какое новое выражение легло на ее лицо.

— Боже мой! — воскликнула мама — откуда это у нее?

И она показала старую фотографию, оброненную на пол.

— Это наша бабушка в школьные годы. Она как-то давным-давно показывала мне эту карточку,— ее сфотографировал учитель рисования, он очень любил маму и пророчил ей большое будущее.

— Вот почему у дочки такое лицо, плакала, должно быть.— Папа осторожно погладил Алю.— Возраст у нее трудный...

— Да, возраст... — вздохнула мама, сбрасывая с ног туфли.

— Почему все-таки Аля не осталась у Юры? — размышлял вслух папа, медленно развязывая галстук.— Обычно она ночует у них. Поссорились с Иркой, что ли?

Мама махнула рукой и хотела ответить что-то незначащее вроде «а, пустяки», но вдруг какая-то тень прошла по ее лицу. Она снова взяла в руки карточку, бережно расправив загнувшийся уголок, потом наклонилась над Алькой и посмотрела на нее так, словно видела впервые.

— А знаешь, я только сейчас заметила, как наша Алька похожа на бабушку. Нет, ты взгляни, это поразительно. Особенно брови, рот, подбородок...

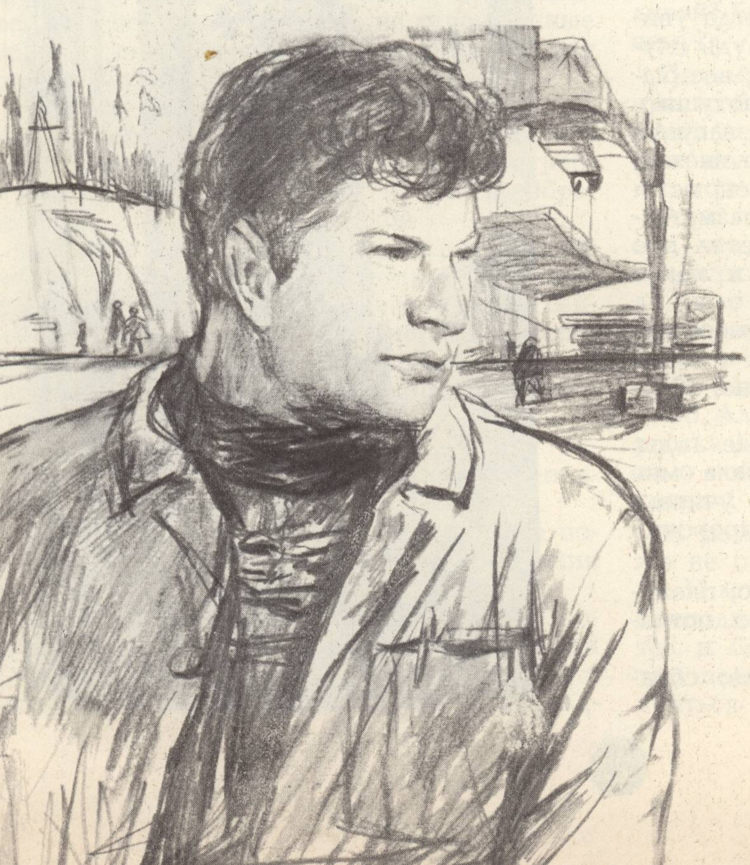
Она стояла босиком на коврике, неловко нагнувшись, и не могла оторваться от лица девочки. Странное чувство все больше овладевало ею — то ли вина, то ли тревога примешивались к привычному ощущению любви к дочери и сливались с болью воспоминаний о матери. И какая-то новая ответственность ощутимой тяжестью ложилась на плечи. Словно к материнскому ее долгу вдруг прибавился тот, давний неоплаченный долг дочерний.

Алька глубоко, протяжно вздохнула, и губы ее совсем по-взрослому замкнулись. А другая девочка все так же доверчиво и требовательно смотрела со старой любительской фотографии.

МОЯ РОДИНА — СССР.

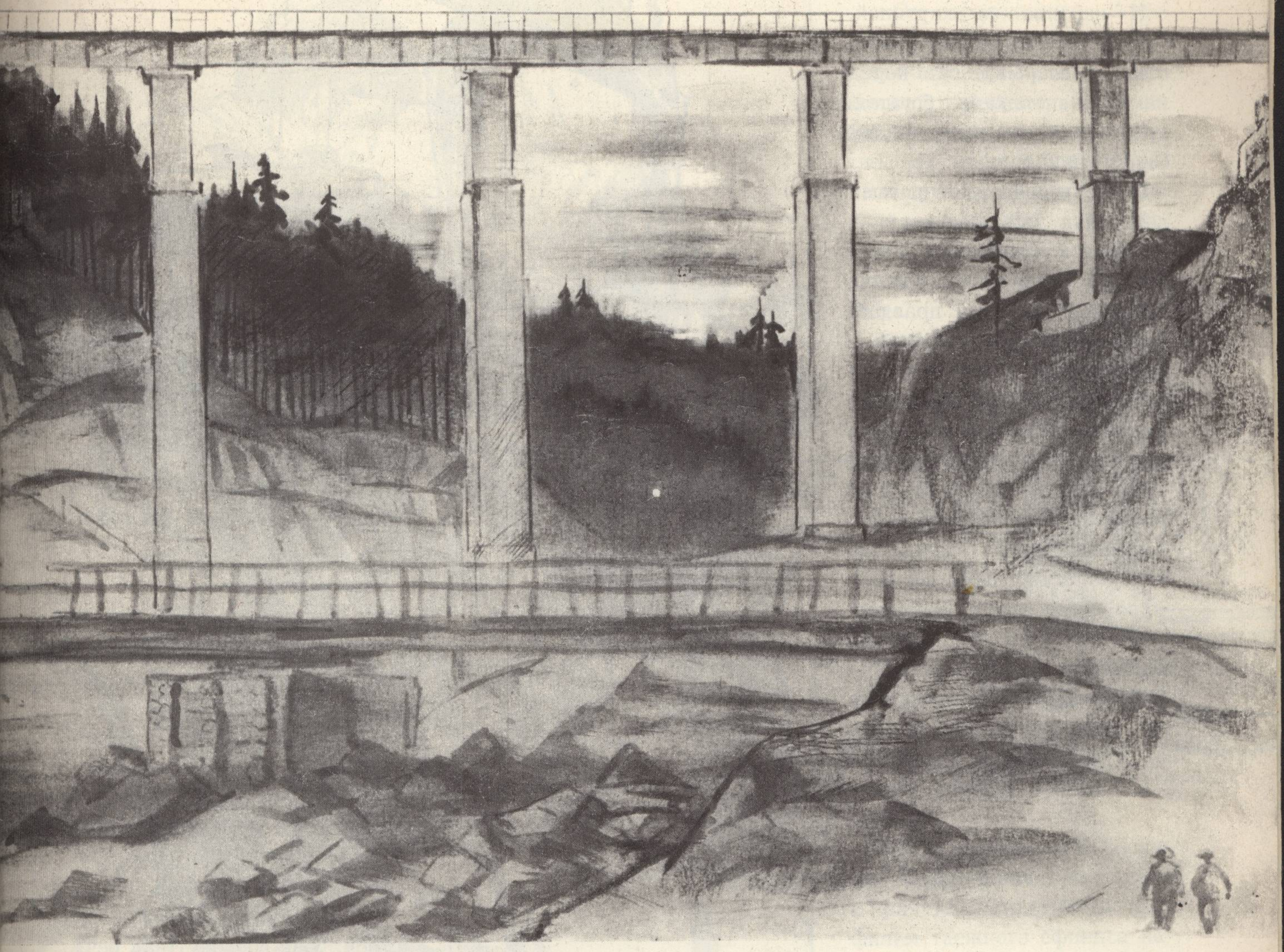

ЕСТЬ

Командировки в журнале бывают разные. Писатель едет за свежими впечатлениями для новой повести, журналист получил срочное задание — взять интервью

Размашисто, гордо шагает новый Усть-Илимский мост.

Знатный сибирский строитель, орденоносец Александр Васильевич Куменок.

В ТАЙГЕ ДОРОГА НОВАЯ

у интересного человека. Фотокор спешит на открытие ребячьего праздника. И в дороге молится своему «фотокоровскому богу», чтобы солнышко вылезло из туч, когда придет секунда моргнуть стеклянному глазу аппарата.

На этот раз в командировку отправился художник Семен Андрианович Трофимов. Те, кто пусть даже и не очень внимательно следит за «Пионером», конечно же, давно уже заприметили его. Иллюстрации к повести З. И. Воскресенской «Пароль — «Надежда» — это его работа. И рисунки к рассказу «Хвала гимнастерке» Э. М. Корпачева тоже он делал. Да и вообще едва ли хоть один номер журнала обходится без работ Трофимова.

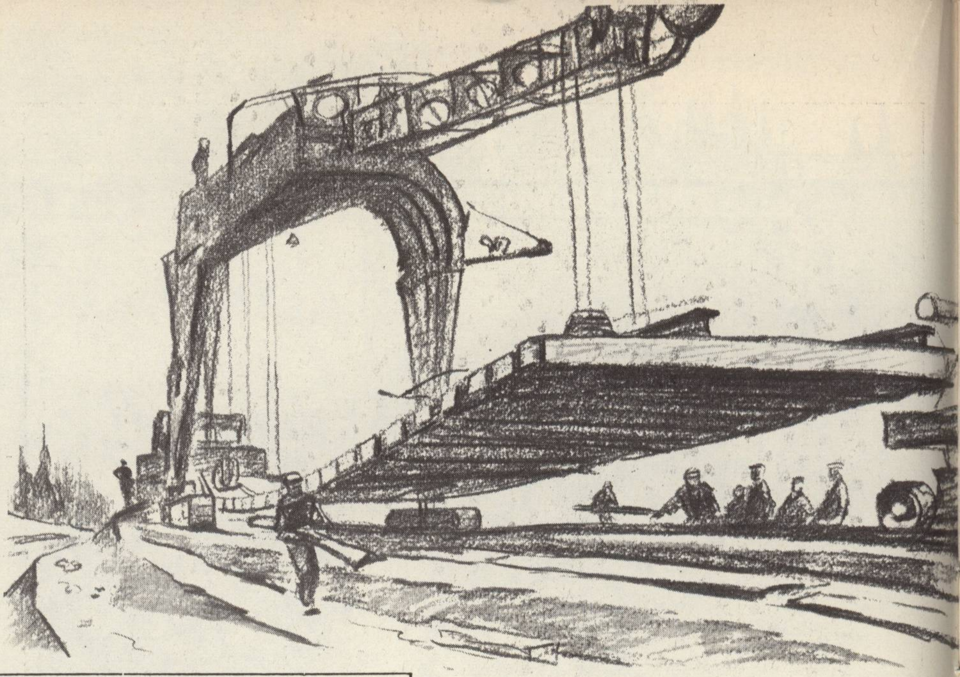
Художники — народ неразговорчивый. Все больше смотрят, приглядываются, соображают что-то. Вот пришел он к нам в редакцию после полуторамесячной командировки.

— Ну, — спрашиваем, — как дела, Сеня? Как съездил?

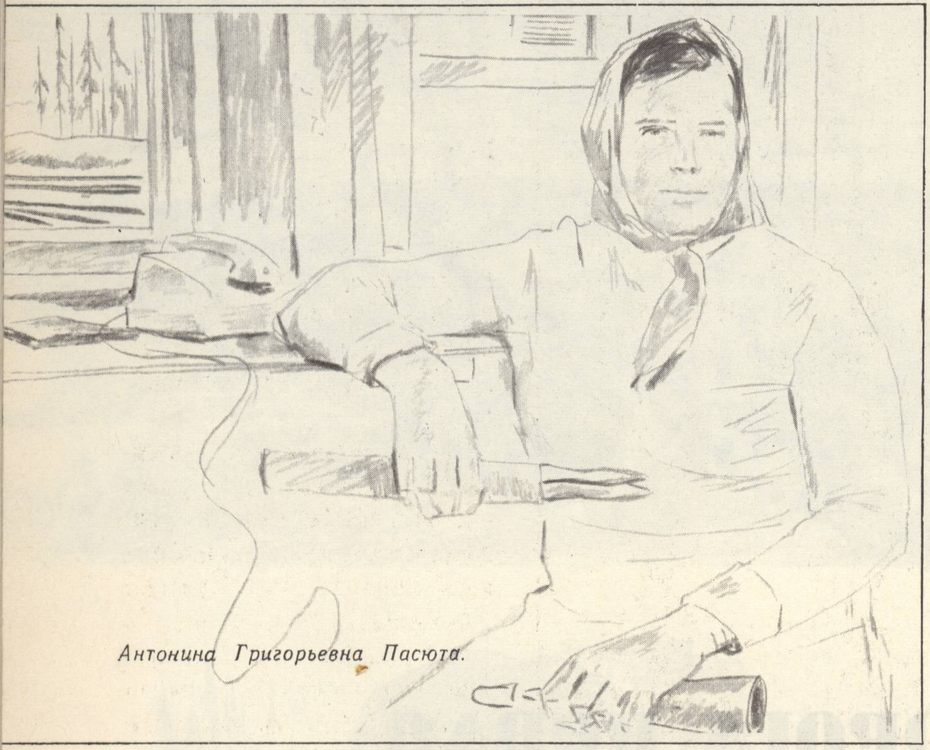
Трофимов ничего не ответил, улыбнулся только, раскрыл свою огромную папку и стал раскладывать — прямо на полу в самой большой нашей редакционной комнате — свои рисунки, готовые уже и еще только наброски, эскизы.

И картина за картиной, словно рассказ за рассказом, стала раскрываться перед нами разноликая, богатая, просторная и размашистая Сибирь наших дней.

Вот стосаженными шагами летит над ущельем мост. А под ним старый мост, деревянный. Он и сейчас служит сибирякам верою и правдой. Да разве справиться ему с той работой, которая легла бы теперь на его бревенча-

Укладывают последние километры трассы.

Антонина Григорьевна Пасюта.

лое, спокойное — да вы и сами видите. На строительстве ударной комсомольской трассы Хребтовая — Усть-Илим А. В. Куменок с самого первого дня. Здесь пришла к нему рабочая слава. На груди его в праздничные дни горит высшая награда Родины — орден Ленина.

Дорога уже вступила в строй. Уже грохочут над речкою Карабчанкой тяжелые составы — только осыплется с кустов переспелая лес-

тую спину. Усть-Илимская ГЭС! Слыхали про такую?.. Здесь, невдалеке от Усть-Илима, и сделал художник свой первый рисунок.

С нового моста высоко, далеко видать. Дремучая тайга гудит своими ветрами. Сибирь — это просторы, а просторам нужны дороги.

Здесь же на строительстве железной дороги встретился Трофимов со знатным сибирским строителем Александром Васильевичем Куменком. Лицо открытое, сме-

Загадочный таежный сфинкс.

Последние дни стройки.

…Со стрелочницей Антониной Григорьевной Пасютой художник Трофимов познакомился случайно. Делал наброски, увлекся и не заметил, как из-за спины подкралась туча — сыпанул сибирский дождичек. Что делать?!. Хорошо, что рядом оказалась будка стрелочницы.

Трофимов, поеживаясь, разглядывал испорченные дождем эскизы. А стрелочница по старому русскому обычаю вскипятила для гостя чаек.

— Знаете, — говорила Антонина Григорьевна, — хоть вы и из самой Москвы приехали, а мне здесь больше нравится!..

Тут как раз и солнышко проглянуло, и подумал художник, что и ему здесь тоже все по душе — тайга, да сопки, да ширь неоглядная… Сибирь!

Теперь о последнем рисунке. Безымянная эта скала с причудливым и четким профилем таежного сфинкса навеки замерла над трассою Хребтовая — Усть-Илим.

Что сказать о ней? Что вот, мол, как удивительна до неправдоподобия бывает игра природы? Можно и так.

А нам подумалось о другом. Этот мороз стопудовый, и жгущее солнце, и ветры острые, как сабельные удары, — словом, этот весь климат, суровый, сибирский, он всю природу себе подчинил, даже вот скалы рубит по своей прихоти.

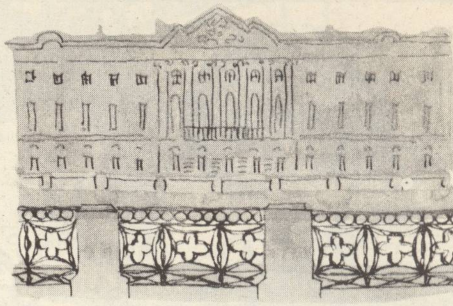
А человек живет здесь, трудится упорно и весело, строит удивительные дороги, и заводы, и электростанции. Делает Сибирь все краше. Слава ему, рабочему человеку!

ная малина, только хариус вздрогнет в стеклянной ледяной воде… А вот еще два рисунка: вы видите, как укладывались последние километры той знаменитой трассы. Что ни говори, а «кадр-то» исторический!

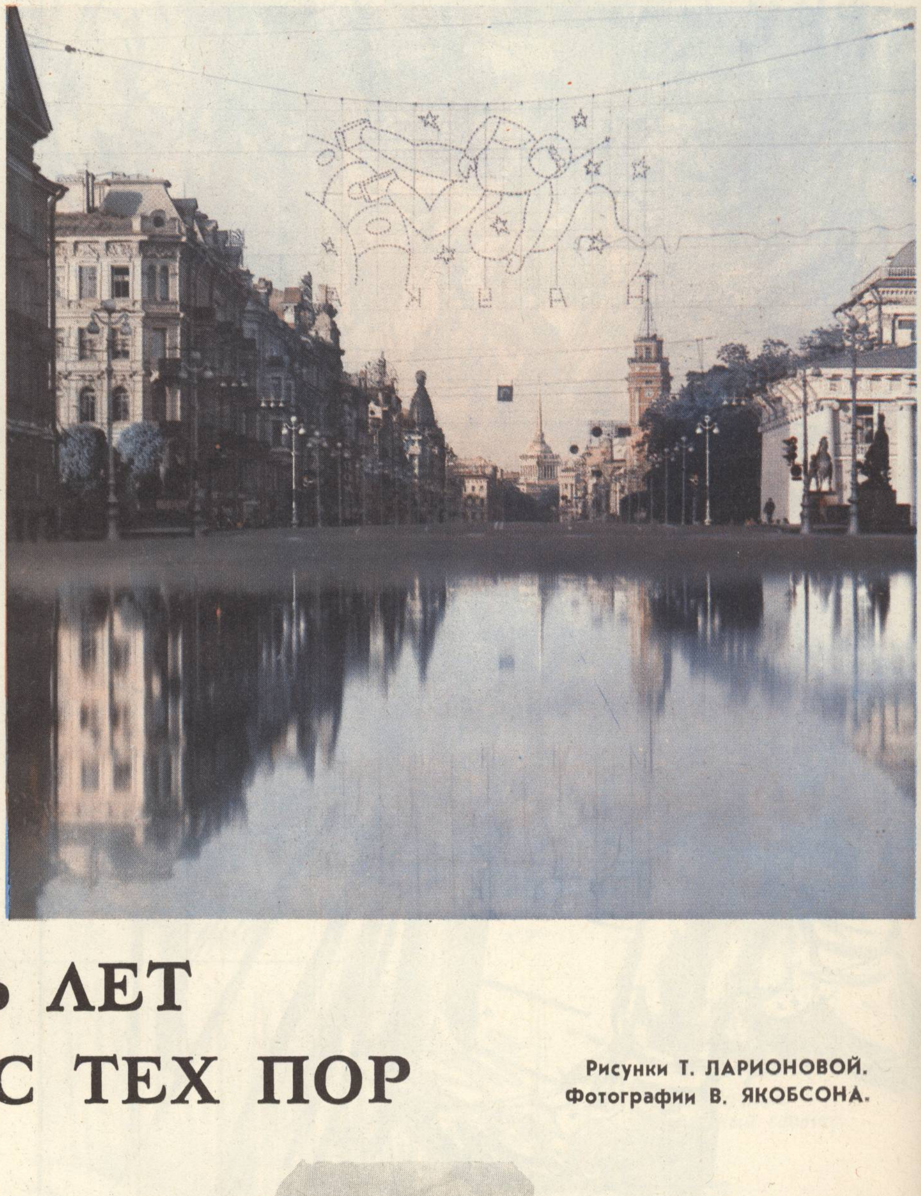
Ровно тридцать лет назад, в январе 1944 года, был освобожден от вражеской блокады город-герой Ленинград.

Тридцать лет прошло с тех пор. Город стоит такой же прекрасный и мирный, как до войны. Со всех концов страны, со всего мира приезжают сюда люди, чтобы полюбоваться мостами, набережными, дворцами. И каждый помнит, что Ленинград — не только прекрасный город. Это город-герой.

Женя ШЕВЕЛЕВА, ученица 4-го класса из Одессы, этим летом побывала с мамой в Ленинграде. Вот какие стихи она посвятила этому героическому городу.

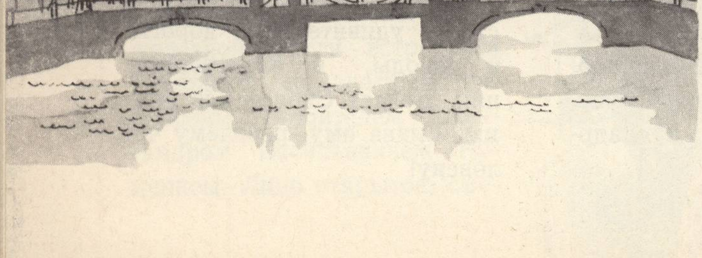

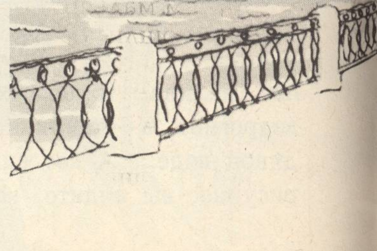

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРОШЛО С ТЕХ ПОР

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.
Фотографии В. ЯКОБСОНА.

Изрезанный рек рукавами,
В зеленой тени садов,
Стоит Ленинград — город,
Чудеснейший из городов!
Два с половиной года
В тесном блокады кольце
Выстоял этот город,
Не изменившись в лице.
Не сдался этот город,
Не отдал себя врагу.
Ведь жили в нем ленинградцы!
И город сказал:
«Смогу!
Выстоять и не сдаться!
С нами ведь все города!»
Так думали ленинградцы,
И все подтвердили: «Да!»
Прорвали кольцо блокады,
И солнце светит для всех.
Счастливы ленинградцы,
Повсюду шутки и смех.
Хожу я теперь по городу,
Встречаю улыбки ясные,
И вдруг надпись грозная:
«Эта сторона при обстреле опасна!»
Но небо вокруг спокойно,
Чиста его синева...
Пусть сгинут навеки войны,
Чтоб мирно текла Нева!

БУРЯ НАД КРАСНОЙ

Марс глазами фантастов.

В телескопы прошлого века.

Лунные ландшафты Марса

Сотни лет телескопы рассматривают Марс — далекую красновато-оранжевую планету. Уже в XVII веке астрономы разглядели на Марсе темные и светлые пятна и даже белые «полярные шапки». Как и на Луне, темные участки назвали «морями» — люди тогда представляли небесные миры очень похожими на Землю...

Телескопы становились все совершеннее, и усердные наблюдатели — может быть, даже слишком усердные — увидели на Марсе «каналы». «Каналы» пересекали светлые «континенты», соединяя между собой темные «моря». Ну, как было после такого «открытия» не населить этот мир марсианами!

Но пришел XX век, и бесстрастная фотография заменила неточные, приблизительные зарисовки астрономов. И что же? Гигантские «каналы» сразу исчезли с карты Марса, фотообъектив их не обнаружил.

В наши дни ученые исследуют планеты не только с Земли и не только в телескоп. И вот уже в космосе советские межпланетные автоматические станции «Марсы» и американские «Маринеры». Вверху справа изображен Марс, каким его увидели межпланетные станции в конце 60-х годов.

Не правда ли, что-то очень знакомое?

Рисунки Н. МАРКОВОЙ.

ПЛАНЕТОЙ

А. СНЕГИН

— Ну, конечно, — скажешь ты, — вы просто перепутали! Это же Луна, смотрите, сколько кратеров!

И все-таки это Марс! Действительно, в некоторых местах его поверхность удивительно напоминает Луну. Но есть и равнинные и скалистые области. Не видно только «каналов»!

Ученые не удивились, узнав, что поверхность Марса во многом похожа на лунную. Ты, наверно, знаешь, что на Луне совсем нет атмосферы. На Марсе атмосфера слабенькая — примерно в сто раз тоньше земной, и состоит она почти полностью из углекислого газа. Столь тонкое «одеяло» не может защитить Марс от метеоритов и небольших астероидов, которых особенно много в окрестностях Марса. Фотографии подтвердили это — показали бесчисленные кратеры и цирки Марса.

Ничего не видно!

Нетрудно себе представить, с каким нетерпением ждали ученые великого противостояния 1971 года — первого великого противостояния космической эры. Предыдущее было в 1956 году — за год до запуска первого спутника Земли.

19 мая 1971 года стартует «Марс-2», 28-го — «Марс-3», 30-го — «Маринер-9». Впереди шесть месяцев полета. А пока на Марс, приближающийся к Земле, нацелились телескопы. На снимках, полученных тогда, летом 1971 года, отчетливо видна южная полярная шапка, темные «моря» и другие детали. Но к осени качество снимков стало ухудшаться. Что случилось? Испортились земные приборы?

Причина в другом. Во время великих противостояний на Марсе возникают гигантские пылевые бури. На огромных пространствах атмосфера планеты становится почти совсем непрозрачной... Впервые такую пелену из пыли наблюдали на Марсе еще в прошлом веке. Были бури и в 1924 и в 1956 годах. Но на этот раз пылевое облако заволокло весь Марс...

Неужели автоматические станции и телескопы так ничего и не увидят?

Буря мглою небо кроет...

На Земле тоже бывают смерчи и бури-самумы. Ветер поднимает тучи песка, но никогда пелена пыли не закрывает всю нашу планету.

Да и на Луне, на которую местами так похож Марс, двигатели космических кораблей не подняли ни облачка пыли. А ведь до посадки станции «Луна-9» многие ученые думали, что спутник Земли покрыт толстым слоем пыли. Оказалось, что это не так. На Луне совсем нет воздуха, лунная пыль слипается в вакууме, поэтому пылевых бурь там нет.

Земные пыльные смерчи теряют свою силу, как только попадают во влажные районы. Влажные пылинки превращаются в капельки, тяжелеют и в конце концов падают на землю.

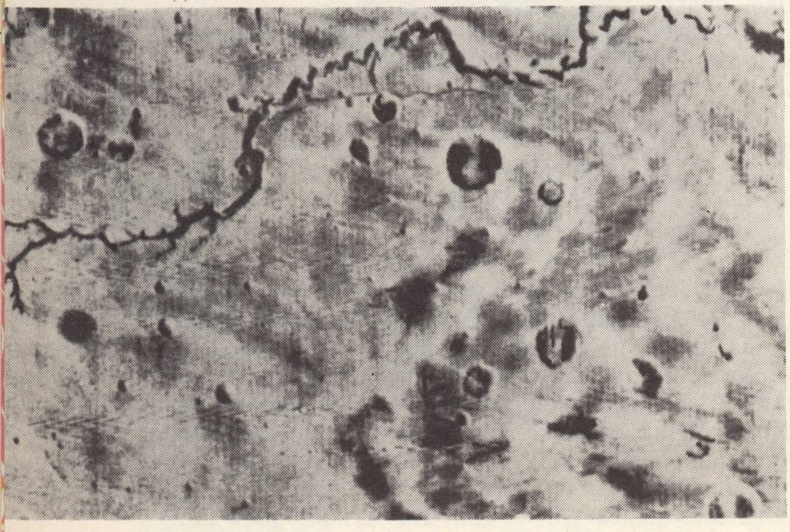
Иное дело на Марсе. Это очень сухая планета. Жидкой воды там нет, только лед. В атмосфере — только следы водяных паров. И уж если разыгрывается буря, ветер обволакивает пылью всю планету...

Но почему именно во время противостояний? Да потому, что в это время Марс ближе всего не только к Земле, но и к Солнцу. Солнце нагревает его поверхность сильнее, чем обычно. Светлые и темные области по-разному отражают солнечные лучи и по-разному нагреваются. Чем сильнее греет Солнце, тем больше разница температур, тем сильнее ветер. Он-то и поднимает тучи пыли над Марсом.

Все тепло уходит в космос

1971 год подходил к концу. Пылевая буря длилась уже несколько месяцев. Все три спутника вращались вокруг Марса и выполняли свои научные исследования. Пыль мешала фотографировать планету, но они измеряли температуру ее поверхности. Предполагали, что она будет выше обычной: ведь Марс приблизился к Солнцу. Но что за чудеса? Температура ниже обычной! Может быть, ошибся прибор? Но невероятно, чтобы ошиблись приборы трех автоматических станций! А может быть, во время пыльной бури на Марсе действительно холодает? Давай вместе разберемся.

Как ты думаешь, будь у Луны атмосфера, было бы там теплее? Конечно. Атмосфера, укутывая планету, не только предохраняет ее от ударов метеоров и других вредных космических воздействий, но и разогревает поверхность планеты. Атмосфера беспрепятственно пропускает солнечные лучи, а тепло нагретой этими лучами планеты пропускает плохо — как стекло в парнике. Это явление ученые так и называют парниковый эффект.

Этот марсианский «овраг» протянулся бы на Земле от Москвы до Ленинграда.

Плотная и мощная атмосфера Венеры поднимает температуру на ее поверхности на 500°! Наша земная — градусов на 30, а тоненькая марсианская — на 6—8°.

Но когда гигантские смерчи наполнили атмосферу Марса пылью, все изменилось. Пыль хорошо поглощает свет, а тепло как раз не задерживает. Вот почему во время бури на Марсе бывает холоднее, чем обычно.

Этот эффект ученые назвали антипарниковым. Пылевая буря помешала АМС разглядеть поверхность Марса. Но она же помогла ученым обнаружить неизвестное прежде явление — антипарниковый эффект.

Трещины или высохшие реки?

Тем временем буря понемногу улеглась, и на Землю стали поступать фотографии марсианской поверхности. Да такие, что на них можно было разглядеть даже детали размером всего с футбольное поле! Наконец-то ученые увидели вулканы, кратеры, цирки! Но взгляни на эту фотографию: будто гигантский овраг протянулся на сотни километров. Подсчитали, ширина его километров пять. Неужели река? Нет, воды на Марсе не может быть — это известно точно! Тогда это трещина, гигантский разлом коры Марса вроде земных каньонов?

И все же извилистая линия на снимке очень похожа на русло высохшей реки. Может быть, на Марсе когда-нибудь текли реки, следовательно, была более плотная атмосфера и менее суровый климат? Было ли так на самом деле и если было, то когда, с достоверностью сказать пока невозможно.

Но если это предположение верно, на Марсе могла когда-то существовать жизнь. Возможно, неизвестные нам формы жизни, приспособившиеся к суровым условиям красной планеты, сохранились и по сей день...

Чем дальше, тем интереснее

Видишь, как получается: только разгадают одну загадку Марса, как тут же возникают новые. Но можешь быть уверен, загадок хватит еще на многие годы. Вот что рассказывает профессор Василий Иванович Мороз: «В Солнечной системе мы видим весьма пестрое «население» — от раскаленного Меркурия до очень холодного Плутона, от небольших планет земной группы до таких гигантов, как Юпитер, Сатурн. Как возник столь сложный комплекс? Каково прошлое этих небесных тел? Что их ждет в будущем? На эти вопросы пока нет четких отве-

тов, а получить их крайне важно, чтобы разобраться в судьбе нашей собственной планеты...

Другая задача планетных исследований — вопрос возникновения жизни. Пока у науки один-единственный объект изучения — Земля. Если бы нашли живую материю, скажем, еще и на Марсе, то это дало бы возможность сравнения, анализа. Тогда уже гораздо обоснованнее можно было бы строить прогнозы о распространенности разумной жизни во Вселенной и вероятности встречи с ней. А это одна из самых захватывающих перспектив в жизни человечества».

Кого ты пошлешь на Марс?

Суровой кажется нам, землянам, красная планета. Кислород там пока еще не обнаружен, воды нет. Атмосфера оказалась еще более разреженной, чем ожидали. Она не в силах задержать ультрафиолетовое излучение Солнца. Для земной жизни это губительно. И все же нет еще сейчас оснований утверждать, что жизнь на Марсе невозможна.

Ведь на Земле живые организмы приспособились к самым суровым условиям. Во льдах Антарктиды, в пекле Сахары, в глубинах океана и на вершине Эвереста — везде найдены простейшие живые организмы.

Как обнаружить жизнь на Марсе? Сейчас этот вопрос только обсуждается учеными, время прямых экспериментов еще не пришло.

Возможно, поиск жизни на Марсе будет выглядеть так. На планету опустится автоматический разведчик. Специальный захват возьмет пробу марсианского грунта и перенесет его в камеру, на питательную среду. Как поведут себя микроорганизмы, если они есть в грунте? Это будет ясно по изменению прозрачности питательной среды.

Но может быть, «марсианам» не понравится земная пища и они никак не выдадут своего присутствия...

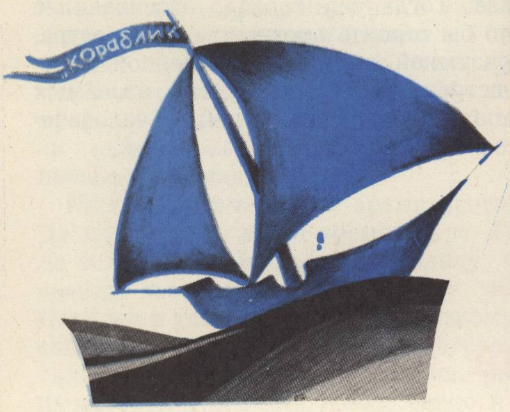
Конечно, самый верный способ обнаружить марсианскую жизнь — привезти кусок почвы Марса на Землю, подобно тому как был доставлен лунный грунт. Но это еще более сложная задача.

А мы с вами можем и помечтать. Давайте предположим, что ученым уже известно: на Марсе нет микроорганизмов, опасных для жизни землян. Решено отправить туда корабль с представителями наших растений и животных.

Кого бы вы отправили на таком корабле? Кто, по-вашему, может приспособиться к суровым условиям Марса, кто сможет выжить там? Свои предположения постарайтесь доказать.

Не исключено, что ваши предложения будут учтены при разработке будущих биологических опытов на Марсе.

Л. М. МУХИН,
заведующий лабораторией экзобиологии
Института космических исследований АН СССР.

Рустему ГАЛИМЗЯНОВУ 16 лет, он живет в Уфе и очень увлекается фантастикой.

Во Дворце пионеров, что на Ленинских горах в Москве, снова Международная выставка детских рисунков. Александр Жутнински из Югославии нарисовал пейзаж, необыкновенный и несколько фантастический. Картинка Ес Биргит из ГДР рассказывает об олимпиаде в Саппоро. Что может быть необыкновеннее, чем полет на лыжах? Прыгнул и летишь — перед тобой весь мир, и ты как птица. А как тебе нравится картинка Иооны Олзик из Польши? «Доли», так назвала она ее, да и сама себя, наверное, нарисовала — с шариком рядом с папой.

Звезды блестят на небе...

Лететь бы со скоростью света
Сквозь леденистый вакуум...
Хочу, чтоб бег времени умер,
Хочу прилететь в завтра!
Пусть года и парсеки
Мчатся мимо, как ветер.
В моем багажном отсеке
Кусочек звезды мне светит!

* * *

Ворвался солнечный ветер
В нашу квартиру грустную.
И вот все в квартире светится,
И вот в ней уже не пусто!
И вот вся квартира наполнилась
Веселым, радостным светом.
Мне солнечный ветер напомнил
Лето... Прошедшее лето.

Этот рассказ написала **Валентина ПОЛОЗОВА**, она живет в селе Ясном, Горьковской области. О себе Валя ничего не рассказала — только что ей 13 лет.

Ножик

Однажды папа подарил Косте замечательный перочинный ножик. В нем было шесть острых лезвий, шильце, штопор, ножницы. Поверхность ножа была такая гладкая и блестящая, что можно было увидеть свое отражение. Чего только не предлагали ребята в обмен на ножик! Но Костя и слушать не хотел. Он отказался и от трехцветного фонарика, и от футбольного мяча, и даже от целой коллекции почтовых марок на тему «Фауна».

В школе, когда ребята предлагали очередные вещи на обмен, Костя увидел в руках Генки красногрудого снегиря, к лапке которого была привязана толстая нитка. Генка притягивал и отпускал нить, а снегирь ярким комочком то взлетал к потолку, то падал к ногам своего мучителя. Он был похож на бумажного змея, который рвется на свободу, но нить мешает ему показать свою силу, набрать скорость.

Костя подошел к Генке. Он знал, что у того даром и зимой снега не выпросишь, а Генке очень нравился Костин ножик.

И Костя не пожалел ножа.

— Возьми,— тихо сказал он.

Генка удивленно взглянул на Костю и недоверчиво взял нож. Да, тот блестящий ножик, о котором он так мечтал, лежал сейчас на его ладони... А Костя отвязал нить от лапки снегиря, открыл форточку — и через секунду снегирь уже был на свободе. Генка усмехнулся, но ребята смотрели на него с презрением. Те, которые стояли недалеко от него, отошли подальше. Генка понял, что он сделал что-то плохое, непозволительное для пионера. В нем заговорила совесть, та самая совесть, которая живет в каждом человеке. И тут он понял, что нужно ему сделать. Генка подошел к Косте и глухо сказал, протягивая нож:

— Мне не надо, бери... А снегиря... Снегиря я бы и сам выпустил!

Кто-то облегченно вздохнул, кто-то хлопнул Генку по плечу. Раздался звонок, и ребята сели на свои места. В класс входил учитель.

Стихотворение про снежки мы получили из Оренбурга от **Тамары ДЕМИДОВОЙ.** Она учится в шестом классе.

* * *

Снежок попал мне в плечо,
И сразу стало горячо!
Ура!
Началась игра!
Пылью рассыпался снежный комочек,
Ну-ка смелей, дружочек!
Давай-ка снежок лепи
И в кого? Хотя бы в меня запусти!
Шуба в снегу!
Шапка в снегу!
При тусклом свете снежинки мерцают.
Эту игру я очень люблю
И даже уважаю.

Андрей ХИЖНЯК живет в далекой Якутии, в приполярном поселке Айхал. По-якутски «Айхал» означает «слава».
«Я очень люблю свой поселок! — пишет Андрей.— Я не представляю своей жизни без него, без его ночных огней, без его поющих под ветром проводов, без его суровой, прекрасной природы. Если взглянуть на сопку вечером, можно подумать, что она мертва — ничто не нарушает ее молчаливого спокойствия. Но это совсем не так. Приглядевшись внимательнее, вы заметите мигающие огоньки. Это буровые вышки. Наши сопки — это старые горы, а в старых горах полезные ископаемые залегают гораздо ближе к поверхности, чем в молодых горах. Теперь геологи пришли сюда, чтобы найти сокровища, скрытые в наших сопках».
Андрей учится в 6-м классе. Вот какие стихи он написал.

* * *

Я живу в Айхале,
В северном краю,
И Айхал суровый
Очень я люблю.
Здесь бураны, вьюги
И мороз большой,
Но не нужен климат
Мне, друзья, иной!

* * *

Лежу в кровати. Я больной,
Я кашляю, чихаю.
Мне очень скучно одному —
Весь день один играю.
На улице идет игра —
Снежки над головой!
А мне на улицу нельзя,
Я — больной...

Ларисе ГУРЬЯНОВОЙ 13 лет, она из Казани.

* * *

Сегодня я вышла из дому,
Лазурью окрашено небо
И розовой краскою с краю,
Где солнца бывает восход.
И все, что с детства привычно,
Сегодня совсем незнакомо:
Снежинок пушистые стаи,
Алмазный, сверкающий лед.
Мороз, не кусай мне щеки,
Старанья твои напрасны.
Домой ты меня не загонишь
От красотищи такой.
От этой сини бездонной,
Березок, что возле дома,
От льда, от снежинок пушистых,
От этой природы родной!

В. АНДРЕЕВ

Обманутый

Здравствуй, дорогой «Пионер»!

Пишу я тебе из Краснокамска, Пермской области. Зовут меня Таня Байбакова.

Знаешь, я очень люблю книги и рассказы про индейцев. Надо мной ребята все время подшучивают. Говорят: «Таня! Ты уж перья на голову нацепи да накрасься военными цветами!» Смеются, а ведь сами все это породили. Дело было так.

На Восьмое марта мальчишки подарили мне книжку Фенимора Купера «Последний из могикан». После этого я не пропустила ни одного кинофильма про этих смелых, непоколебимых людей. Самыми любимыми моими героями стали индейцы Чингачгук, его сын Ункас и белый их друг Соколиный Глаз. Мне очень хочется быть похожей на них.

Как только я прочитала в газете про случившееся в поселке Вундед Ни, у меня даже сердце как-то увеличилось. Горько мне было узнать, что ничего у племени сиу не получилось. Разве уж очень трудно правительству США выполнить 371 договор с индейскими племенами? Много советских ребят и ребят за рубежом хотят улучшения жизни индейцев. Дорогой «Пионер», я очень тебя прошу, расскажи, пожалуйста, как жили раньше индейцы и как живут теперь.

Ученица 7-го класса «Д»
Татьяна Байбакова.

Единственные «стопроцентные»

В Америке, если хотят похвалить кого-нибудь, говорят: «Он стопроцентный американец». Это значит: белый, по национальности — англосакс, по вероисповеданию — протестант. А индейцы, коренные жители Америки, которых встретил в Вест-Индии Христофор Колумб почти полтысячи лет назад, они, выходит, не стопроцентные американцы?

В этом трагедия индейского народа Америки, ставшего пасынком на своей собственной земле.

Кто из вас не читал о гордых и смелых индейцах, звероловах и рыбаках, охотниках и воинах, об их жизни в бескрайних прериях и лесах Америки? Сегодняшняя жизнь индейцев совсем другая. Земли, где жили и охо-

Разговор, которого не было и не могло быть

Таня Байбакова, письмо которой ты прочитал в самом начале, живет в Краснокамске.

Мальчик, Который Всегда Терял Свои Мокасины, родился в Америке, в штате Южная Дакота. Этот мальчик мог бы многое рассказать о жизни своего племени Тане Байбаковой, если бы им довелось встретиться. Но он погиб давно, 29 декабря 1890 года. Он погиб неподалеку от городка Вундед Ни.

народ

[redacted] тились [redacted]дейцы, отняты у них сотни лет назад. В наши дни они живут хуже миллионов тех американцев, которые поселились в Америке значительно позднее. Колумб писал в 1492 году королю и королеве Испании: «Я присягаю Вашим Величествам, что в целом мире нет лучшего народа. Они любят своих соседей, как самих себя».

Но Колумб первый нанес коренным американцам обиду: вместе с золотом и драгоценными камнями он силой увез десять индейцев в Испанию, чтобы как диковинку показать при королевском дворе.

С этого и начинается история несчетных преступлений против индейцев. Были вырезаны целые индейские племена. Если во времена Колумба в Америке жило 1 150 000 индейцев, то к 1900 году их осталось всего 250 000 человек.

Если ты посмотришь в англо-русский словарь, то узнаешь, что Вундед Ни означает «Раненая Коленка». Такое имя дал кто-то маленькому городку в Южной Дакоте и речке, что течет рядом. О Мальчике, Который Всегда Терял Свои Мокасины, двум советским журналистам рассказал индеец из племени сиу, который сейчас живет в городке «Раненая Коленка». Он рассказал и о том, что произошло там 29 декабря 1890 года, в месяц, Когда Олень Сбрасывает Рога...

Это случилось после смерти вождя племени сиу Сидящего Быка. Того самого Сидящего Быка, который в 1876 году вместе с вождем племени тетон Бешеным Конем разбил кавалеристов генерала Кастера, руководителя многих карательных походов против индейцев. Через четырнадцать лет кавалеристы снова пришли в Южную Дакоту, чтобы загнать «краснокожих» на бесплодные земли, где нет деревьев, чтобы укрыться от солнца летом и согреть вигвамы зимой, где нет бизонов, дающих индейцам еду и одежду.

Сидящий Бык умер, и погибли самые сильные и отважные воины племени. А тех, кто остался жив, «голубые солдаты» (так называли индейцы кавалеристов, которые носили голубые мундиры), как скот, согнали в резервацию.

Старейшины предсказали, что скоро пойдут проливные дожди, и будет Великое Наводнение, и все бледнолицые, которые убивают и гонят индейцев, потонут. А погибшие воины сиу оживут. И тогда индейцы, голодные и усталые, надели праздничные костюмы и украшения из перьев и начали пляску Радости и Ожидания. Они просили богов поскорее открыть небесные запруды и смыть поработителей с их земли. Индейцы танцевали день, и ночь, и еще день, но ни одна капля не упала на покрытые снегом прерии.

Индейцы отказались уйти из Вундед Ни. Кавалеристы напали на них и всех убили: и Доброго Медведя, и Гневного Ворона, и Желтую Птицу...

Самого Мальчика, Который Всегда Терял Свои Мокасины, кто-то из «голубых солдат» заколол штыком. Мальчик был совсем маленький, ему исполнилось тогда пять лет. Один американский писатель написал об этих трагических событиях книгу, которая называется «Закопайте мое сердце у Вундед Ни». Но правильнее было бы назвать эту книгу «Закопайте мое сердце в Америке», потому что в этой стране есть десятки и сотни городов и рек, подобных «Раненой Коленке», где погибли индейцы от пуль и штыков «голубых солдат».

Нарушенные договоры

Триста семьдесят один договор заключило правительство Соединенных Штатов Америки с индейскими племенами. Договоры закрепляли право коренных жителей Америки на пользование той бесплодной землей — резервациями, куда сгоняли индейцев. Было создано даже специальное правительственное Управление по делам индейцев, которое должно следить за выполнением договоров.

Но стоит, например, какой-нибудь фирме найти на земле резервации, той самой, что была навечно торжественно закреплена, зарезервирована за коренными жителями Америки, нефть, уголь или другие полезные ископаемые, как нанятые ею адвокаты при помощи чиновников из Управления по делам индейцев отсудят или дешево, обманным путем перекупят у индейцев их землю.

Американское же правительство, несмотря на протесты индейцев, всегда оставалось на стороне крупных монополий, обирающих и эксплуатирующих индейские племена.

Так было и так продолжается до сих пор.

Два года назад в штате Невада белые промышленники перегородили плотиной реку Трака и отвели ее воды на свои участки. Из-за этого стало высыхать озеро Пирамид-Лейк, на берегах которого живет индейское племя паютов. Индейцы остались без воды и без рыбы, которую десятки лет ловили в озере. На «черном плоскогорье» в Аризоне, где живет племя хопи, капиталисты добывают уголь, перегораживают реки плотинами. Все прибыли утекают в сейфы крупных фирм, а индейцам достаются жалкие гроши. Поэтому историю жизни американских индейцев иногда называют историей нарушенных договоров.

Судьба американских индейцев так тяжела, что нынешний президент Соединенных Штатов Ричард Никсон назвал индейцев «самым притесняемым меньшинством Америки, жертвой вековой несправедливости». Однако ни одно из американских правительств не [illegible] стране. На то[illegible] ле, которая некогда в[illegible] принадлежала многочисленным индейским племенам.

Город в осаде

Индейцы Америки все чаще встают на защиту своих прав.

28 февраля 1973 года двести индейцев из племени сиу захватили небольшой городок, лежащий на перекрестке дорог в Южной Дакоте. Назывался городок Вундед Ни — Раненая Коленка. Тот самый, где восемьдесят три года назад погиб Мальчик, Который Всегда Терял Свои Мокасины. Ночью индейцы вырыли в центре города траншеи и построили баррикады, а утром потребовали у правительства США прекратить притеснение коренных жителей Америки.

— Мы решились на этот отчаянный шаг и взялись за ору-

жие, потому что знаем: иначе Америку не проймешь. До индейцев никому нет дела. Мы стоим где-то за дверью законов. Мы хотим, чтобы нас уважали. Мы люди и хотим жить, как люди,— заявили восставшие.

Город Вундед Ни со всех сторон окружили полицейские. На помощь восставшим поспешили индейцы со всей Америки, но полицейские патрули не пустили их в город. Они блокировали все дороги, чтобы голодом заставить Вундед Ни, превращенный в маленькую крепость, сдаться. По ночам полиция обстреливала городок. Несколько его защитников были убиты и ранены.

Почти семьдесят дней держались индейцы. Но силы были слишком неравны, и в начале мая воины сиу оставили городок, добившись от правительства обещания рассмотреть их требования.

За свои права

Это было не первое выступление индейцев за свои права. Два года назад они заняли остров Аль-Катрац и потребовали возвратить им земли, отобранные у них американским правительством. Полиция силой изгнала их с острова.

Осенью 1972 года представители нескольких племен отправились в Вашингтон, чтобы встретиться с американским президентом и изложить ему свои требования. Не добившись встречи с президентом, демонстранты захватили помещение правительственного Управления по делам индейцев, но силой и обещаниями их заставили уйти. И снова ни одно из двадцати их требований не было выполнено.

В августе 1973 года в штате Айова группа активистов из организации «Движение американских индейцев» в знак протеста против дискриминации заняла здание, где размещаются власти штата. Губернатор вызвал полицию. «Бунтовщики» были арестованы. Им грозит суд за «нарушение общественного порядка». К суду привлечены и многие индейцы из Вундед Ни. Их вождя Вернона Белликурта тяжело ранили.

Но никакие преследования не в силах погасить борьбу индейцев. Они все чаще выступают против невыносимых условий жизни, все решительнее встают на защиту своих прав и своего будущего.

Борьба продолжается

Индейцев угнетают не только в США и Канаде, но и в некоторых латиноамериканских странах. Парагвайские плантаторы, например, с молчаливого согласия реакционного военного правительства уничтожают индейские племена, чтобы завладеть их землей.

Израиль силой захватил часть Палестины, которую Организация Объединенных Наций передала арабам, и изгнал оттуда около двух миллионов палестинских арабов. Они вынуждены жить в соседних странах, в лагерях для беженцев.

Тяжела судьба и исконных жителей Австралии.

Однако труднее всех приходится тем народам, которые находятся еще под властью колонизаторов. Португалия до сих пор со страшной жестокостью подавляет национально-освободительное движение миллионов африканцев. Империалистические страны помогают ей вести кровавую войну в Анголе, Мозамбике и Гвинее-Бисау.

И все-таки колонизаторы не могут победить патриотов.

Не лучше дела и у расистов Южно-Африканской Республики и Родезии, угнетающих коренное население юга Африки. Борьба за свободу Африки продолжается.

Повсюду, где правит капитал, миллионы людей угнетаются только потому, что они родились с красной, желтой или черной кожей. Ради наживы целые племена и народы изгоняются с земли предков, их грабят и преследуют.

Но и в Америке, и в Африке, и в Азии, везде, где еще существует эксплуатация и произвол, идет борьба за освобождение, за справедливость.

И час освобождения наступит!

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

А. С. ПУШКИН

Рисунки П. БАГИНА.

Как ныне сбирается вещий Олег
  Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы за буйный набег
  Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
  Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
  Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
  Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
  Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
  А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
  И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
  Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
  Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
  В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
  Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
  Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
  То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся; однако чело
  И взор омрачилися думой.
В молчанье, рукой опершись о седло,
  С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
  Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай: уж не ступит нога
  В твое позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-други, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
  В мой луг под уздцы отведите;
Купайте; кормите отборным зерном;
  Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
  При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
  Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ?— промолвил Олег,—
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все также ль легок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

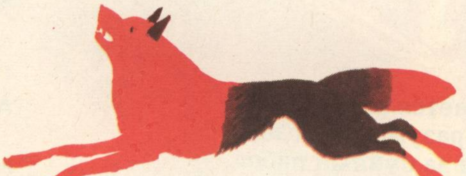
Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме у брега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия,
Шипя, между тем выползала;
Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

ПОБЕДИЛ ПУШКИН

Фазиль ИСКАНДЕР

Это была тетрадь из юбилейной серии 1937 года, посвященная столетию смерти Пушкина. На обложке был изображен князь Олег, скорбно обнимающий своего коня перед тем, как расстаться с ним навек. Под рисунком в два столбика с переносом на последнюю страницу были напечатаны стихи Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

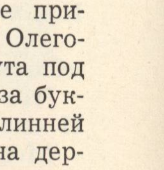
Стихи я перечитывать не стал, а картинка была новая, и я принялся придирчиво ее разглядывать. Мне почудилось, что там, в переплетении линий, прячутся какие-то буквы, что они складываются в таинственную надпись.

Погружаясь в сладостную жизнь, я стал исследовать рисунок и обнаружил букву «Д», искусно замаскированную в виде стремени. Через некоторое время я решил, что узоры на седле Олега, изображенные в виде кружочков, могут сойти за букву О. Однако тут я почувствовал некоторую натяжку; получалось, что сразу подряд идут четыре О.

Я изменил метод исследования. Я решил не задаваться целью найти буквы, означающие определенные слова, но сначала собрать как можно больше букв, а потом составить из них слова. Тогда можно было пустить в дело и все четыре О.

Через некоторое время мое внимание привлекла подозрительно приподнятая нога Олегова коня. Она была приподнята и согнута под прямым углом. Ее можно было принять за букву Г. Правда, перекладина получалась длинней и толще самого столбика, на котором она держалась. Очень уж уродливая буква получалась. Эта уродливость буквы как-то меня расстраивала. После некоторых колебаний я решил не включать ее в собрание букв. Мне даже захотелось ударить коня по ноге, чтобы он ее выпрямил, а не держал полусогнутой, как будто его собираются ковать.

После этого я довольно долго рылся в гриве коня, потому что припрятать там несколько букв было очень удобно. Я очень рассчитывал на гриву, но как раз она не оправдала моих надежд. Я не нашел там ни одной буквы, и взгляд мой остановился на фигуре самого Олега. Внимание мое привлек меч. Он мог сойти за букву Т, если бы над перекладиной не торчал эфес, совершенно ненужный для моего дела. Не зная, куда его деть, я погрузился в раздумье и, теребя его рукой, незаметно для себя вытащил меч из ножен и начал с ним играть. Меч был очень тяжелым, может быть, поэтому он неожиданно превратился в шашку, после чего я без особых раздумий вскочил на коня, отпих-

нув слегка обалдевшего Олега, и помчался с чапаевской лавиной крушить беляков.

Очнувшись, я почувствовал, что мои поиски уже не доставляют той жутковатой радости, с которой я их начинал. Они становились тягостными, как выполнение домашнего задания. Я снова стал рассматривать рисунок, упрямо пытаясь найти замаскированные буквы. Но теперь я часто отвлекался.

Я обратил внимание, что конь одного из дружинников, как-то изумленно приподняв голову, смотрит на Олегова коня, словно он слышал гадание кудесника, но никак не может поверить своим ушам. Конь же Олега стоял, круто опустив голову, как бы мрачно насупившись. Так наказанные дети, отплакавшись, стоят в углу, упрямо опустив голову, самой позой выражая несогласие с наказанием.

«Да ты что, с ума сошел! — как бы восклицает конь дружинника. — Я, например, своего хозяина никогда не предам».

«А я что, виноват, что ли, раз так положено по гаданию» — насупившись и не подымая головы, отвечает конь Олега.

«А ты не соглашайся с гаданием, а ты протестуй!» — советует конь дружинника.

«Тут протестуй не протестуй, все равно конец», — отвечает конь Олега.

Я стал читать стихи, может быть, для того, чтобы присмотреться, не было ли у коня какого-нибудь выхода из положения. Я, конечно, знал эти стихи и до этого, но никакого интереса к ним не испытывал. Теперь, читая стихи и дойдя до гадания кудесника, я мельком подумал, что кудесник шпион и нарочно разлучает Олега с любимым конем.

И вдруг, когда я дошел до места, где змея, выползшая из черепа коня, обвилась вокруг Олега, «и вскрикнул внезапно ужаленный князь», что-то пронзило меня с незнакомой силой. Это была поэзия, о существовании которой я тогда не подозревал.

В этой строчке замечательно, что не уточняется, от чего вскрикнул князь. Конечно, отчасти он вскрикнул и от боли, но и от страшной догадки, что от судьбы никуда не уйдешь. Я как бы одновременно с Олегом догадался об этом. И дальше уже до конца стихотворения хлынул поток чего-то горестного и прекрасного...

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Я чувствую какую-то грустную бессердечность жизни, которая продолжается и после смерти Олега. И в то же время я понимаю, что так и должно быть, что даже мертвому Олегу приятней, что там наверху, на земле, озаренной солнцем, жизнь продолжается.

Он как бы видит Игоря и Ольгу на зеленом холме, видит пирующую у брега дружину и с тихой улыбкой говорит:

— Конечно, друзья, мне бы еще хотелось посидеть с вами на зеленом холме, попировать с дружиной, поговорить о битвах, где мы вместе рубились, но, видно, не судьба. Но все же мне приятно видеть отсюда, что вы пируете на зеленом холме. А если бы вас не было, если бы вы все умерли, мне было бы здесь совсем тоскливо и одиноко.

Обливаясь сладкими слезами, я несколько раз перечел это стихотворение, чувствуя, что слова начинают светиться и зеленеть, как трава, на которой сидят Игорь и Ольга.

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Теперь слова звучат совсем по-другому, в них открывается какой-то милый дополнительный смысл. Откуда он, я не знаю, но чувствую... Неразумным хозарам... Неразумным... Неразумным... Прощающий упрек, даже улыбка прощающего упрека чувствуется в этом слове.

В каждой из этих строчек я улавливаю слова, перекликающиеся и даже улыбающиеся друг другу: **«сбирается»**, **«неразумным»**, **«буйный»**, **«обрек»**.

Я чувствую, что Олег и не хотел бы мстить хозарам, да приходится, и потому он так неохотно **«сбирается»**. Он как бы говорит, собираясь в поход:

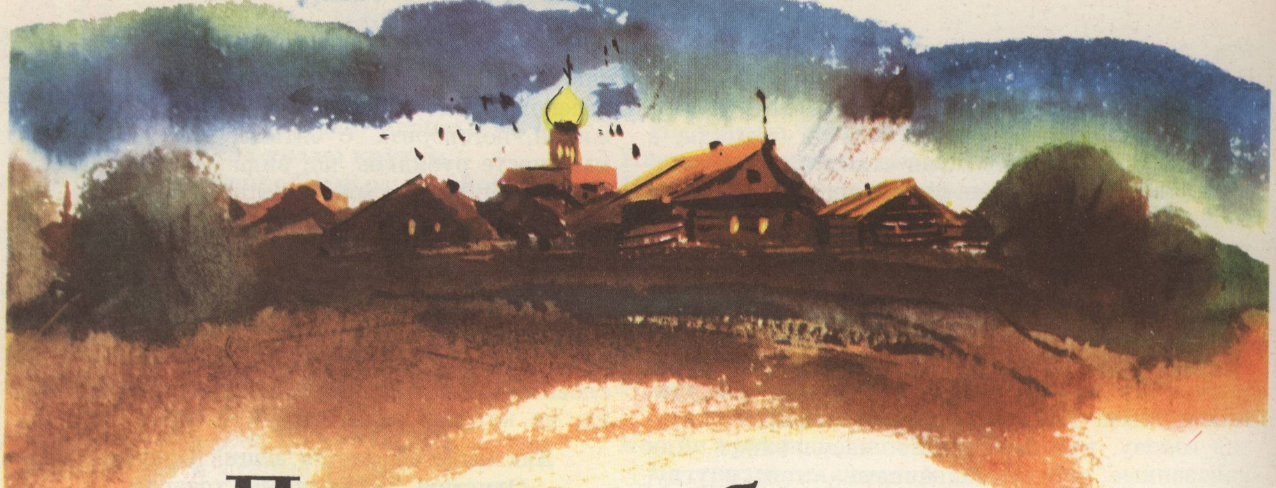
— Ну, зачем вы, хозары, такие **неразумные**? Если бы вы, как обычно, набежали и ушли, я, может, и не собрался бы в поход. А то ведь устроили **буйный набег...** А за это приходится ваши **села и нивы** обрекать **мечам и пожарам**.

Тут все обречены. Хозары обречены быть неразумными и потому обречены устраивать буйные набеги. Олег за это обречен обрекать их мечам и пожарам, хотя сам уже носит в себе свою обреченность — погибнуть от любимого коня.

Впервые в жизни я читал стихи со слезами. Впервые в жизни могучая гармония поэзии победила азарт начинающего детектива. Я все еще сидел за столом, но теперь мне и в голову не приходило искать эти таинственные знаки. Я чувствовал, что все это мелко, неуместно, неинтересно по сравнению с тем, что мне сейчас открылось.

Разумеется, победа поэзии, которую я и не осознавал как победу поэзии, была слишком непрочной. В тот же день я обо всем этом забыл. Но сейчас для меня важнее всего, что она могла быть и была.

Повесть об отце

Ю. КАЛИНИНА

Почти двадцать лет Михаил Иванович Калинин отдал работе в революционном подполье. Был одним из создателей партии большевиков, одним из организаторов Советской власти.

Вскоре после Октябрьской революции, по предложению В. И. Ленина, Калинин встал во главе нового государства. За границей его называли первым президентом Советского Союза, в народе — всесоюзным старостой. На этом посту он пробыл более четверти века — до последних дней своей жизни.

О том, что за человек был Михаил Иванович, каким он остался в памяти своих детей, ты узнаешь сегодня из рассказа его старшей дочери Юлии Михайловны Калининой.

«Повесть об отце» печатается в сокращении. Полностью она выйдет в этом году в издательстве «Детская литература».

Рисунки В. ДУДКИНА, Ю. ФОМЕНКО.

Детство, отрочество, юность

Родина моего отца — село Верхняя Троица, Тверской в ту пору губернии. Начало нашему роду Калининых дал дед Калина, как его называли в деревне, дед моего отца.

У деда Калины из четырех сыновей двое были Иванами. Чтобы различать братьев, их звали Иван Старшóй и Иван Меньшой.

Иван Меньшóй — мой родной дед, отец моего отца. Дед был хорошим плотником, работал не покладая рук — хотел одолеть нужду и наладить хозяйство. Жену (нашу бабушку) он взял из соседней деревни. Она была невысокого роста, легкая, худенькая — такой и осталась она до конца своей жизни. Отец наш в нее.

Бабушку с самого детства приучали к домашней работе и к прялке, а когда исполнилось ей пятнадцать, ее усадили за приданое: она должна была сама и пряжу себе наготовить, и новины наткать, и пошить из нее белье.

На это приданое ушли все ее юные годы, а впрок оно не пошло. Едва только бабушка вышла замуж, деда забрали в солдаты. Даже сына, которого ждали, он не успел увидеть. Когда бабушке два месяца оставалось до родов, в деревне вспыхнул пожар. И дом наш сгорел и все ее приданое вместе с другим добром.

Бабушке было двадцать лет, когда родился отец. Ей, тогда еще совсем молодой, трудно было в чужой семье, в доме деверя Ивана Старшого, тем более что сразу пришлось заново строиться, жизнь начинать в нужде. Да и деревня ей была чужая.

С утра до ночи работала она по дому и в поле, а сын часто оставался у нее без присмотра. И, как на беду, случился тогда недород. Вместе со всеми жила бабушка впроголодь, и молоко у нее пропало. Потому-то отец наш долго, до трех лет, не ходил; его усаживали на солнышке у реки, зарывали ноги в горячий песок — такое тогда было лечение.

Зато, как встал, сразу пошел, сразу набрал силу.

Когда наш дедушка вернулся из солдатчины, отцу было пять лет.

При людях дедушка будто не замечал его: приласкать мог, только когда они оставались вдвоем. И у бабушки был характер деду под стать: сдержанна, молчалива и терпелива. Никто не слышал, чтобы она повысила голос. Но и на ласку бабушка наша в ту пору была скупа.

К шести годам отец стал уже крепким и сильным мальчиком.

Тут пошли у бабушки дети — один за другим.

Когда дед вернулся из солдатчины, братья решили делиться. Ивану Старшому досталась изба и постройки, Ивану Меньшóму — корова, лошадь и сбруя. Забот прибавилось и

В детстве он очень любил читать и страсть эту сохранил на всю жизнь.

тому и другому. Одному нужно обзаводиться скотиной, другому — избу покупать.

Взрослым возиться с детьми времени не было.

Отца сделали нянькой. Шестилетним мальчонкой он таскал по огороду сестренку и, случалось, ее терял. Оставит на картофельном поле, побежит морковку сорвать, а потом ищет ее и не может найти. Ботва у картошки высокая, а сестренка спит — голоса не подает.

Поднял сестренку на ноги — тут на свет появился братишка.

Каждый год прибавлялось в семье по ребенку. О том, чтобы сбегать к ребятам на улицу, и думать не приходилось.

До своих одиннадцати лет вынянчил отец четырех детей, и все выросли у него здоровые.

А тут уже и сестренка подросла, та, которую он вынянчил первой.

Дети росли в строгости. Никто не посмел бы не вовремя взять кусок хлеба, поесть, не дождавшись семьи. Утром, бывало, картошка, на обед — щи пустые и снова картошка. Черный хлеб ломтями клали прямо на стол, после еды на столе не оставалось ни крошки.

На краю Троицы жил тогда одинокий старик — отставной солдат. Он учил ребят по церковно-славянской азбуке, а за это его кормили по избам. Когда отцу исполнилось девять лет, его отправили постигать науку. Обучение шло вслух, без книжек, хором твердили: буки-аз—ба, веди-аз—ва. С большим трудом научился отец складывать два-три слога.

Возможно, на этом и кончилось бы его образование, да тут случилось, что он познакомился и сдружился с двумя сыновьями инженера путей сообщения генерала Мордухай-Болтовского. Усадьба генерала располагалась меньше чем в версте от деревни, на пригорке у самой Медведицы. Болтовские зимой жили в Петербурге, а на лето приезжали в свое имение Тетьково. Мальчики — всего у Болтовского их было шестеро — приходили в Троицу играть с деревенскими ребятами в бабки.

К этому времени отец был дома уже не нянькой, а чуть ли не главной рабочей силой: дедушка плотничал по соседним деревням, бабушка и отец работали в поле. Теперь он мог урвать иногда минуту и выбежать к ребятам на улицу. Со сверстниками он ладил, сам драчуном не был, никогда никого не обидел, но и не трусил. Если нужно, мог за себя постоять.

Наигравшись в деревне, мальчики Болтовского звали деревенских к себе. В имении было много занятного. Троицкие ребята набрасывались на игрушки, а отец готов был часами стоять перед книжными полками: то одну книжку возьмет, то другую. Хоть и по складам читал, а все равно даже подержать книжку в руках и то было ему интересно.

Когда осенью сыновья Болтовского уезжали в город учиться, они упросили свою мать и его устроить в учение. Болтовская решила

Когда Болтовские поехали в Петербург, они взяли отца с собой.

отправить нашего отца на свой счет в Яковлевскую земскую школу.

Конечно, отцу хотелось учиться, но ему показалось стыдным перед ребятами Троицы, что он будет учиться один. Он отказался от предложения. Когда его спросили, в чем дело, он объяснил. Болтовские поняли отца и взяли на себя содержание еще двух детей, его ближайших друзей.

Он, как голодный, набросился тогда на ученье. Ребята убегут на лодках кататься, а он над книжкой сидит. Ребята драку затеют, а он будто ничего не видит, не слышит — от книжки не оторвется. Ему горшок с кашей разбили — мать из дому дала, шубу порвали — он будто и не заметил. Раньше наверняка не стерпел бы, теперь не до того ему было.

Это умение целиком отдаваться своему главному делу осталось в нем на всю жизнь.

С первого дня в школе он не имел никаких отметок, кроме пятерок. Если с вечера ему не давалась задача, бывало, он видел ее во сне. Вскакивал среди ночи с постели, записывал решение, которое ему открылось во сне, снова ложился спать, а утром обнаруживал, что задача решена и записана,— какая это была радость!

С субботы на воскресенье отец приходил домой — скучал он по нашей бабушке. Дорога от школы до дому двенадцать верст.

Бывало, в мороз или в буран ребята не приходили домой. Отец ни одной субботы не пропустил. Шел он лесом, а в лесу у нас волки, приходил уже затемно. Тулупчик на нем коробом стоял от мороза, пальцы не двигались.

Бабушка радовалась и огорчалась: «Миша, ну что ты делаешь? Лучше бы уж не приходил».

Он притаскивал с собой, кроме учебников, еще и книги из школьной библиотеки.

Придет, прошагав по морозу эти двенадцать верст, а ляжет не сразу. Раскроет свои книжки и устроится у лучины.

Очень скоро он прочитал все, что было в школьной библиотеке, а были там главным образом «Жития святых». Учительница стала давать ему свои книги. А летом, когда приехали Болтовские, массу книг он прочитал у них. Теперь-то он мог не только стоять перед их книжными полками!

Обучение в земской школе было рассчитано на четыре года, он ее окончил за два года первым учеником.

Выдали ребятам свидетельства об окончании четырех классов, а отцу, кроме того, еще и похвальный лист. Ребята уже давно убежали из школы, а он все не уходит, сидит за своей партой. Опустил низко голову, подпер лоб руками. Учительница подошла к нему и увидела, что по щекам у него текут слезы. Она удивилась: «Чего ты?» Он ответил, глотая слезы: «Куда же я теперь денусь?» И верно, откуда бы он взял средства, чтобы учиться дальше? А не учиться уже не мог!

Летом, когда снова приехали Болтовские, дедушка решил устроить отца к ним на работу. Его взяли в имение.

С детства отец привык к труду, привык отвечать за порученное дело. Но в доме Болтовских везде были книжки. Примется он за уборку гостиной, возьмет в руки книжку с окна, чтобы стереть с нее пыль, и не заметит, как зачитался, как про все на свете забыл. Войдет в гостиную барыня: что-то убрано уже, что-то нет, а он стоит посреди комнаты с книжкой в руках.

Должно быть, это не приводило ее в восторг. Но Болтовской, увидев, как мальчик тянется к книгам, сказал: «Пусть читает сколько хочет».

Нравилось это барыне или нет, однако такую возможность отец действительно получил. Обязанности у него были небольшие: он ходил за покупками, чистил одежду и обувь, помогал убирать дом, накрывать на стол, выполнял другие мелкие поручения. Свободного времени оставалось достаточно: он мог часами сидеть за книгами. Поэтому он, вероятно, и отказался брать положенное ему хозяевами жалованье и подарков не принимал — так он себя чувствовал лучше.

Книг было много, руководителей чтения тоже немало: каждый из молодых Болтовских старался подсунуть товарищу свою любимую книгу.

Осенью, когда Болтовские поехали в Петербург, они взяли отца с собой. При прощании дедушка наставлял: «Служи честно, не срами родителей». Бабушка плакала потихоньку. Все это лето, живя у Болтовских, он каждый день прибегал домой, спрашивал: «Матушка, что тебе сделать?» Воды приносил, дрова колол, в поле ей помогал — как теперь без него пусто и одиноко станет в избе!

В последнюю минуту не выдержала бабушка, совсем расплакалась. Отец обнял ее и сказал: «Не плачь, матушка, я буду письма часто писать».

А какие уж письма, когда она не умеет читать, да и дед по письменному не разбирает.

В своих записках отец вспоминал: «Было жалко расставаться, прощался с деревней, с лесом, с матерью...»

Но что-то еще не осознанное, однако уже достаточно сильное толкало его в Питер и было сильнее, чем тоска по всему, что он покидал. Потом он писал: «Когда я уезжал из деревни, то думал, только бы добраться мне до Петрограда, а там... поприще широкое».

Какое именно поприще, вряд ли он тогда себе представлял.

В городском доме Болтовских книг было еще больше. Генерал Болтовской, по профессии инженер-транспортник, был широко образованным человеком. Он принадлежал к той части русской интеллигенции, которая сочувствовала революционному движению. Генерал интересовался философией, истори-

ей общественной мысли. Собранная им библиотека отражала эти многосторонние интересы.

Много перечитал в его доме отец. Когда ему было пятнадцать лет, он мечтал стать моряком и объехать весь свет. Только книги могли внушить деревенскому мальчику такую мечту. Он всерьез готовил себя к предстоящим испытаниям. Долго спал прямо на голых досках, даже шапку под голову не подложит — одно только полено. Как известно, моряком он не стал, но, наверное, в его будущей жизни, особенно в жизни по тюрьмам, такая тренировка ему пригодилась.

За четыре года жизни у Болтовских он прочитал все сочинения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Тургенева, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Льва Толстого.

Какое чтение могло быть для отца более плодотворным в ту пору?

За те же четыре года он одолел труды Джона Стюарта Милля, которого в свое время штудировал Чернышевский, пытался читать Гегеля. Один из сыновей Болтовского занимался с ним немецким и математикой. Кстати, этот юноша, который был самым близким товарищем отца в доме Болтовских, впоследствии стал крупным ученым-математиком.

В этом же доме в руках отца оказались нелегальные выпуски альманаха «Полярная звезда», издававшегося Герценом за границей. На обложке были профили пяти декабристов, повешенных Николаем Первым. Здесь же отец прочитал нелегальную в то время работу Герцена «С того берега».

Я перечитываю сейчас эту работу, в которой Герцен обращался к своему пятнадцатилетнему сыну, и пытаюсь услышать в ней те слова, которые мог тогда в ней услышать отец: «...Я пожертвовал многим, но не отвагой знания... мы ломаем... не останься на старом берегу... Лучше... погибнуть, чем спастись в богадельне реакции... Повиноваться противно своему убеждению, когда есть возможность не повиноваться — безнравственно... не пора ли разбудить дремлющее сознание народа?.. А разве можно будить, говоря шепотом... Открытые, откровенные действия необходимы».

Как же должны были западать такие слова в юную душу! Естественно, что за чтением книг, которые говорили о том, что жизнь можно и нужно исправить, отец утратил ту наивную веру в бога, в вечность установленного порядка, с которой покидал Верхнюю Троицу.

Он был всегда так поглощен тем, что прочел, так переживал прочитанное, что когда работал, нередко его постигала беда: то задумается, споткнется и разобьет посуду — сразу двадцать тарелок, то цветочный горшок уронит...

Так пролетело четыре года. Конечно, это было настоящее счастье, что ему удалось так много прочесть. Теперь же он рвался к какой-то другой жизни, ему хотелось не только читать — хотелось что-то настоящее делать. Что? Вряд ли он бы тогда точно ответил на этот вопрос, но книги толкали к действию...

Он попросил хозяина устроить его на завод. Болтовской понял его и устроил учеником на завод «Старый арсенал».

Позже отец писал, что пришел на завод уже основательно грамотным и начитанным. Этим он был обязан тому, что четыре года жил у Болтовских. Вот почему он навсегда сохранил благодарность к этой семье.

Работа у станка сразу его собрала. Стоило задуматься — и деталь попадала в брак. А можно было и без руки остаться.

Он решил, что раз уж пришлось учиться на токаря, нужно действительно стать настоящим токарем. Работа на станке его увлекла. Через два года он стал первоклассным токарем. Сознание, что все держится на искусстве твоих рук, было приятно. Это стало такой же гранью его личности, как пристрастие к чтению. Нужно сказать, что с таким же увлечением брался он и за полевые работы в Верхней Троице — он просто не умел делать что-нибудь плохо.

Жалованье поначалу было небольшое — восемь рублей в месяц. Этих денег должно было хватить на еду, на одежду и на оплату квартиры. Да еще нужно было посылать в Верхнюю Троицу.

Но отец ухитрялся ежедневно покупать газету и даже скопил за год целых семнадцать рублей на пальто. Будучи рабочим, отец одевался вполне прилично. Питерские металлисты, как бы ни было трудно, всегда одевались прилично.

Став рабочим самой высокой квалификации, он зарабатывал уже хорошо. Но к тому времени и нас, ребят, у него уже было трое, а после и четверо, так что всегда он умел тратить меньше, чем получал...

Когда отец пошел на завод, рабочий день начинался в шесть с половиной часов утра, кончался в шесть часов вечера. Но и после такого изнурительного дня отец каждый день находил время читать газету и книги. Книги он брал по-прежнему у Болтовских.

Трудолюбивый, собранный, непьющий — он скоро стал на хорошем счету у начальства. И сметка была у него и то, что называют «золотыми руками». Был он сдержан, молчалив, рано научился владеть собой, умел ладить с людьми. Мог бы и мастером стать, мог при своей грамотности и еще на ступеньку подняться.

Мог, но этого не случилось. Случилось совсем другое.

Нельзя сказать, что, уйдя из семьи генерала, он сразу попал в революционную среду. Администрация «Старого арсенала» всячески старалась разобщить рабочих. За два го-

да на заводе отец не слышал ни одного «по-литического разговора» среди рабочих.

Он пишет в своих заметках: «Мое развитие шло индивидуальным путем» — это значит, что он читал, размышлял, впитывал в себя впечатления жизни.

Примерно в те годы он прочитал о Валериане Осинском, революционере-народнике, который был одним из основателей «Земли и Воли».

Этот человек произвел на отца такое впечатление, что спустя много лет, когда родился у него первый сын, он назвал его в честь Осинского Валерианом.

Валериан Осинский от природы был удивительно добр и благороден. В детстве плакал, когда мальчишки разоряли при нем птичьи гнезда, не мог успокоиться, пока не помирит поссорившихся сестренку и брата. Когда умирал сосед, одинокий старик, поссорившийся с отцом Валериана, двенадцатилетний Валериан переселился к недругу отца, не отходил от него до последней минуты, выполняя обязанности и сестры, и сиделки, и верного сына.

И вот такой человек стал террористом, стрелял в киевского прокурора, в харьковского губернатора. Валериан считал, что нужно ускорить события, а для этого пропаганду среди крестьян дополнить террором, и первым перешел к делу.

Позже отец понял, что это неверный путь, но в то время он еще не задумывался над такими вопросами. Увлекла его, должно быть, сама личность Осинского, его бесстрашная предсмертная речь. Валериан был казнен уже при жизни отца. Значит, не перевелись еще люди, которые ради других, ради блага общества добровольно отказываются от благополучия, от покоя.

Революционеры... Что это за люди? Как становится человек революционером?

Отец не мог обо всем этом не думать тогда...

Не юношеская ли потребность в подвиге была для него первым толчком? В пятнадцать лет он мечтал стать моряком, значит, жило такое в его душе, хотя, глядя на него, догадаться об этом было не просто.

В автобиографии он написал: «Меня увлекал романтизм нелегальной работы»,—а в одной из своих речей говорил: «Опасность... для молодого, энергичного человека увлекательна».

Но романтика могла быть только первым толчком. Ее, конечно, не хватило бы на всю долгую жизнь.

Ясно, что книги сделали многое, но не больше ли еще сделала жизнь?

Он видел, как жили люди в его деревне, в его собственном доме. Дед наш, сколько ни бился, а, разделившись с братом, только и сумел, что купить ветхую избенку в два окна, а когда перед смертью вздумал лучшую строить — на три окна,— надорвался и трубы не достроил... Видел теперь отец и как живут питерские рабочие.

Писатель М. М. Пришвин рассказывал, что когда однажды назвали Калинина правдолюбцем, он возразил: «Правда правдой, только я не правдолюбец, а искатель своего счастья». И рассказал тут же, что он рос вместе с детьми генерала, видел, как они счастливы, и сам тоже хотел быть счастливым. Только как? Ему хотелось, чтобы не стыдно было своего счастья, не противно от него на душе. А для этого нужно, чтобы все были счастливы.

Недаром мальчишкой он разнимал дерущихся, выспрашивая, в чем дело, и говорил, кто прав, кто виноват. Вот эта потребность в справедливости многое определила в нем.

Но где, на каких путях искать справедливость?

Ему хотелось покинуть тихую заводь «Старого арсенала». Шли слухи — на других заводах рабочие бастовали! Случай дал ему возможность перейти на Путиловский. Это было большой удачей в его судьбе.

На полях рукописи «История Путиловского завода» он написал: «На завод я пришел с уже сложившимися убеждениями симпатии к революционерам и связи с ними искал с самого начала заводской работы».

Как известно, в девяносто третьем году, в том самом году, когда отец стал рабочим, молодой Владимир Ильич впервые приехал в Питер и через два года из отдельных уже существовавших тогда марксистских кружков организовал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

На Путиловском заводе было четыре кружка, связанных с «Союзом борьбы». Забастовки были делом «Союза».

Владимир Ильич не раз приходил на занятия кружка рабочих Путиловского завода. Не случайно десять путиловцев были арестованы в ту самую ночь, когда был арестован Владимир Ильич. После этого разгрома здесь уцелел только один марксистский кружок.

Отец поступил на Путиловский завод уже после ареста Ленина. За Нарвской заставой жила память о пережитом прошлом. Как раз в те дни, когда отец поселился в деревне Волынкиной, недалеко от завода, там все бурлило: бастовали текстильщики. Нарвскую заставу облетела тогда листовка, которая была подписана так: «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Значит, где-то совсем рядом живые, настоящие революционеры!

Но как их найти, как их узнать?

Установить нелегальные связи оказалось невероятно трудно. После стольких арестов и разгромов конспирация была самой строгой.

Теперь отец уже знал, что стать революционером — это отказаться от возможности ложиться спать без опасения, что ночью тебя разбудят и заберут, это жить, не зная, ку-

да тебя завтра забросит судьба, жить с постоянной тревогой за близких.

Знал и не страшился того, что ему предстоит.

И все же прошло два года, прежде чем он нашел то, что искал. Случилось это совсем неожиданно и даже легко — вдруг как с неба упало.

Молодой рабочий, недавно появившийся на заводе, в перерыве спорил с мастером о расценках. Отец, проходя мимо, услышал их спор, остановился и поддержал новичка. Мастер в досаде бросил: «Два сапога пара» — и ушел.

Новичок, рослый светловолосый парень, посмотрел на отца с улыбкой, располагавшей к доверию, сказал: «А хорошо, если пара». И они как-то сразу открылись друг другу.

Оказалось, что Иван Кушников приехал в Питер из Тулы. В Туле он познакомился с бывшим путиловцем Василием Буяновым, высланным из Питера за революционную деятельность. Теперь Буянов послал Ивана на Путиловский завод вместо себя с заданием организовать здесь новый рабочий кружок «Союз борьбы», того самого «Союза борьбы», найти который мечтал отец.

Это было почти как в сказке. У Кушникова была явка, но он не знал, кому здесь можно довериться. У отца были товарищи, которым он доверял, но не было нелегальных связей.

Так на Путиловском заводе возник новый рабочий кружок.

Из «Союза борьбы» для руководства кружком пришел студент-технолог; когда он был арестован, его сменила молодая, энергичная девушка, умеющая очень понятно все объяснить. Это были первые революционеры, которых увидел отец.

То, что открылось отцу на занятиях кружка, поразило его. До сих пор для него существовало одно понятие: революционер — борец за справедливость. Теперь он узнал, что есть народники и есть социал-демократы, марксисты. Узнал, что рабочий класс, к которому он отныне принадлежал, самый революционный класс истории, единственный, способный свергнуть самодержавие и установить справедливый строй.

Он так долго, так упорно стучался в революционное подполье, еще не имея понятия о том, что в нем найдет. Оказалось, что он в самом сердце событий.

Это и было то «широкое поприще», о котором он мечтал.

В рабочем кружке уже рвались от слов к делу, и первым делом оказался отказ пожертвовать на строительство церкви. В личную книжку отца и его товарищей так и записали: «На храм жертвовать не желает». А потом дел было много: распространение листовок «Союза борьбы», организация кружков на заводах.

К станку, за которым работал отец, часто подходили рабочие: так получилось, что к нему приходили со всеми недоразумениями и вопросами. Товарищи вспоминают, что каждому у него находился ответ. Своей начитанностью он выделялся среди рабочих, а держался при этом просто.

В рабочей одежде он все еще походил на деревенского парня, и потому многих поражало его развитие.

Связь кружка с «Союзом борьбы» взял на себя отец. Уходя на явку, он брал с собой кого-нибудь из товарищей, говорил: «Снимайся с якоря, указания получишь в открытом море». Должно быть, эти слова жили в его душе еще с тех пор, когда он думал стать моряком.

Позже отец вспоминал, как ходили с Путиловского завода к Александровскому театру на свидание с «интеллигентом». То был всего лишь студент, но через него осуществлялась связь с заграничным социал-демократическим центром. И потому свидания эти полны были романтики, тем более что нельзя было ни на минуту забывать об опасности. Малейшая оплошность, и провалишься в каменный мешок тюрьмы, где, по народным поверьям, людей перемалывали жерновами, а то, что останется, спускали в Неву.

Дальше дела стали уже сами стучаться в дверь.

Произошло снижение зарплаты, потом неисправным маховиком убило токаря.

Решили готовить общую стачку. Впервые в кружке сами написали листовку. В ее составлении принимал участие и отец. Листовка кончалась словами: «...Неужели мы, как бессловесное стадо, дадим драть с себя по две шкуры?..»

3 июля 1899 года путиловцы прочитали эту листовку. В тот же день отец и его товарищи были арестованы.

За год работы в кружке отец заплатил почти годом тюрьмы. В тюрьме, в одиночной камере, встретил новый, двадцатый век.

К своему первому аресту отец отнесся спокойно, как видно из записки, переданной им Болтовским: он просил прислать ему в тюрьму самоучитель немецкого языка.

Время, проведенное в одиночке, не пропало даром: он прочел 160 книг, в том числе «Капитал» Карла Маркса.

В годы подполья

С тех пор, как отец пошел на завод, он каждый месяц посылал в Троицу деньги и подарки.

И вдруг все оборвалось — ни подарков, ни писем.

Бабушка беспокоилась. Потом по деревне прошел слух, что отец арестован.

Дед стыдился, что сын у него острожник, не смотрел людям в глаза. А бабушка только говорила: «Дай бог, чтобы у других был такой сын, как у нас. Ни за что не поверю, чтобы он сделал плохое». Дед ей объяснял: «Конечно, не вор он и не бандит, а наверное, сидит за политику». Бабушка все равно на своем стояла: «Он хороший, он не может сидеть в тюрьме».

Что он решился идти против царя — этого бабушка и представить себе не могла.

Наконец получили письмо — почерк его, но все четыре страницы перечеркнуты желтым крестом тюремной цензуры...

Деду совестно было с таким письмом идти к старосте, а бабушка и тут не изменила себе: «Дай бог каждому такого сына. Стыдиться нечего».

Покряхтел дед и пошел к верхнетроицким грамотеям. Но и они не все разобрали, а что разобрали, не все дед запомнил. В общем, к бабушке он вернулся с двумя словами: «Не беспокойтесь». И этому она была рада. Рада была, что жив!

А дедушка и сердился на отца и тревожился за его жизнь. После письма он совсем расстроился и пошел к Болтовским — они были как раз в Тетькове — просить генерала похлопотать, вызволить отца из тюрьмы.

Болтовской пытался как-то утешить нашего деда. Пообещал, что сходит в полицию, и свое обещание выполнил.

Жандарм показал генералу список книг, прочитанных отцом в тюрьме: раз он так грамотен, значит, должен сам за себя отвечать.

После десяти месяцев заключения в одиночной камере отец был выслан в Тифлис.

По дороге ему удалось заехать на родину.

Об этом приезде я знаю от сестры отца, Прасковьи Ивановны. В детстве она много слышала о своем старшем брате. Бабушка рассказывала, какой он был правдивый: останется мальчишкой один за старшего дома хозяйничать, разобьет чашку нечаянно и, только увидит, как бабушка возвращается с поля, бежит ей навстречу, чтобы признаться: «Матушка, я чашку разбил!» Рассказывала, как он охотно ей во всем помогал. Пошлет бабушка кого-то из младших к соседке за сковородой или за ступкой, они жмутся, друг на друга глядят, никто не хочет идти. Бабушка вздохнет и скажет с досадой: «Почему же Миша мне никогда не отказывал? Только его попросишь, он бежит со всех ног, что угодно у соседки попросит и сам что угодно отдаст. Ко всем у него доверие, со всеми дружба».

На этих рассказах о старшем брате и вырастали младшие, а вот какой он в лицо, сестренка не помнила.

В ту пору в семье деда было только три человека: он, бабушка и девятилетняя Паша (Прасковья Ивановна, самая младшая). Сестра Надежда уже вышла замуж, брат Семен еще мальчишкой поехал работать в Питер.

Был хороший апрельский день. Дед и бабушка пошли убирать с усадьбы прошлогоднюю солому, Паша осталась в доме с подругами. Играли в жмурки. Завязали девочки ей глаза, стала она бегать за ними, вдруг слышит — скрипнула дверь, и в доме установилась полная тишина, будто нет никого. Сдернула она повязку, видит — на пороге человек незнакомый: лицо широконосое, доброе и, как ей показалось, немолодое, а девочки как вкопанные стоят.

Отцу было тогда всего двадцать пять лет, но, после тюрьмы, наверное, он выглядел старше своих лет. Он улыбался и тоже стоял как вкопанный, не зная, кто же его сестренка из этих трех девочек. Подруги так испугались, что убежали. Осталась одна хозяйка. Он подошел к ней. «Так это ты, значит, моя сестренка?»

Паша уже поняла, кто это. Он поднял ее, поцеловал, прежде всего спросил: «Матушка как? Где она? Ну беги, скажи им, что я приехал». Сестренка побежала туда, где работали старшие. Не добежав, закричала: «Мама, братчик приехал...»

Бабушка не поняла:

«Что ты кричишь?»

«Миша приехал!»

Бабушка как раз в это время связывала солому — подминала коленом. Услышала, опустила руки и подняться не может — плачет, еле ее подняли.

Когда они трое бежали домой, мужик у колодца сказал: «Куда вы спешите? Острожника не видали?»

Думал отец пожить дома месяц, увидел, сколько надо помочь по хозяйству, пробыл почти три: и вспахал, и яровые посеял, и сено убрал.

Встретил с родными лето, сходил с сестренкой за березовыми ветками, украсил вместе с нею избу, а потом Пашу, одетую в чистое платьице, повел в лавочку, сказал: «Выбирай, что хочешь». Такое счастье на нее свалилось впервые в жизни: она выбрала пряники.

Он привязался к сестренке, даже как-то сказал:

«А давайте, я Пашу с собой возьму. Буду ее учить». Дед, конечно, не согласился: «Тебя посадить могут опять. С кем она будет?»

Отец отвечал, что у него всегда много друзей: Паша одна не останется.

Одно только омрачало радость: знали, что гость скоро уедет.

Отец пытался объяснить, за что он попал в тюрьму, и сам подтвердил худшие опасения дедушки. Потом увидал, что разговор такой — одно огорчение, решил, что лучше этого не касаться.

Бабушке многое трудно было понять. Такой же хороший, какой был всегда, во всем старается ей помочь, но без креста.

Осуждать его она не могла. Раз он так поступает, значит, так должен. Ей не обязательно было его понимать — она любила его.

Он был для нее мерой всему. Раз его посадили в тюрьму,— значит, в тюрьму и хороших сажают.

Но все остальное — и бог, и царь, и необходимость повиноваться — тоже в ней с места не сдвинулось. Жила с двумя разными верами. И так это было трудно!

Бабушка молчала. Хорошо, что хоть пока он дома!

Зато дед не молчал. Что-то стряслось с ним в последнее время, кашлял и силы терял. Поневоле он видел в нашем отце единственную опору семьи.

Бывало, сидит отец с книжкой, а дед начинает: пустяками, мол, ты занимаешься. Отец слушает молча, не хочется ему попусту спорить, а это еще больше волнует деда.

Дед говорил отцу, что люди осуждают его за безбожие, за то, что он весь свет задумал перевернуть, говорил, что ему с людьми стыдно встречаться. Бабушка заступалась: «Да хватит тебе. Он у нас гость недолгий. Зачем его беспокоить? Что же теперь делать — дети умнее нас. Где нам его понять?».

Она была мудрая мать, понимала, что сына им не переспорить. Пусть отдохнет хоть дома.

А разговор деда с нашим отцом длился до конца дедовой жизни. Отец все время стоял на своем, а дед, сам того не замечая, менялся. Убеждения его постепенно давали трещину, неизменной оставалась только тревога за сына.

Пришло время снова прощаться.

Бабушка хотела, чтобы дед довез сына до Кимр, но лошадь была плохая, предстоял еще сев озимых, да и дедушка совсем разболелся. Отец успокоил бабушку: «Ничего, я дойду».

Вещей у него было немного, а книжек он взял с собой на дорогу все же порядочно. Бабушка сшила ему заплечный мешок из холста. Надел он синюю рубаху поверх штанов, русские сапоги, черную шляпу, взвалил на плечи мешок, попрощался с отцом — тот так расстроился, что совсем уже слег, даже из дому выйти не мог, а бабушка и Паша пошли проводить отца.

У плетня за ригой отец остановился — не хотел, чтобы они шли дальше. Попрощались. Бабушка опять заплакала, а он, как и в первый раз, ее утешал: «Я буду письма писать».

И пока не дошел до лесу, все оборачивался и махал им шляпой.

Первый арест... Первая ссылка... Для многих этим все и кончалось. Бывает, что человек сойдется с людьми, которые определят его внешнее поведение, а после оказывается, что внутренних сил для избранного пути ему не хватило.

У отца было иначе. Он сам искал дорогу в революционное подполье, был самостоятелен и свободен в выборе жизненного пути. После

Утром тысячи рабочих шли на питерские заводы.

первого тюремного заключения ему предоставили возможность самому выбирать место ссылки: мог он отправиться в края потише, но поехал в Тифлис, потому что там была крупная социал-демократическая организация.

Прошло только три дня с тех пор, как он сюда приехал, и уже на нелегальном рабочем собрании с докладом о работе питерского «Союза борьбы» выступал «двадцатипятилетний питерский рабочий, с приятным русским лицом, с густой копной светлых волос, с трезвым, пытливым умом»,— так написал об отце один из его товарищей по Тифлису. Собрание проходило в необычной для отца обстановке — в горах. Слушало его сто пятьдесят человек. Впервые отец выступал перед такой большой аудиторией.

Затем он устроился токарем в железнодорожные мастерские и сразу оказался в водовороте революционной работы: организация марксистского кружка, поездки за революционной литературой в Питер.

За участие в двухнедельной забастовке он был арестован и попал в овеянный мрачной славой Метехский тюремный замок. В Троице снова перестали получать письма и денежные переводы.

Через два месяца за отсутствием улик из тюрьмы его выпустили, но запретили жить на Кавказе и в крупных промышленных городах. Теперь он был под гласным полицейским надзором.

И снова ему было предоставлено право выбирать место своего поселения, и снова он мог поехать туда, где поспокойнее. На этот раз отец выбрал Ревель. Там были ссыльные, а главное, Ревель — недалеко от Питера.

И второй арест ничего в нем не изменил так же, как — добавлю, забегая вперед, — все четырнадцать арестов и ссылок, которые выпали на его долю.

Как вспоминают ревельские рабочие, в железнодорожных мастерских Ревеля появился русский человек среднего роста, с бородкой, в черной косоворотке — спокойный, приветливый, доброжелательный. Первым эстонским словом, которое он выучил, было «торэ» — «прекрасно». Большего пока он не знал, но это слово любил повторять. Он был расположен к людям. Многим запомнилось его рукопожатие и усердие, с которым он умел трудиться за станком. Он охотно учил молодого соседа, как нужно затачивать резцы, отказывался, когда его звали выпить.

Словом, казалось бы, — вот человек, которого начальство должно ставить в пример остальным.

Однако выяснилось, что новый токарь знает больше, чем «полагается» рядовому рабочему, например, он рассказывал товарищам, как растет, из чего складывается капитал. Стали замечать, что он что-то приносит и прячет в своем станке, в отверстии, прикрытом железом, и что при своей приветливости он осторожен в выборе тех, кому доверяет.

Сначала он работал токарем на заводе Вольта, и вокруг него собрался кружок рабочих с нескольких заводов и фабрик. Потом перешел в железнодорожные мастерские, и в подпольную работу включились техники, а после и ссыльные.

Кружок установил связи со всеми фабриками и заводами города, вокруг него стали возникать другие кружки. А главное, удалось создать подпольную типографию, печатали листовки на четырех языках.

Отец в то время был уже агентом ленинской «Искры»!

Однажды, когда у него на квартире плавили типографскую мастику и вся комната была наполнена чадом, в дверь постучали. Едва успели товарищи стащить огромную кастрюлю с плиты под кровать, отец открыл дверь, увидел на пороге жандарма и приветливо встретил гостя: пожаловался ему на плохие печи: вот, мол, чем приходится д ы ш а т ь. Жандарм ему посочувствовал, сунул повестку маловажного для отца содержания и поторопился уйти. После его ухода работали весело, с чувством полнейшей безопасности: ясно было, что уж сегодня никто их больше не потревожит.

И все же удачам пришел конец.

Было четыре часа дня — рабочее время. Отец стоял за станком. В мастерскую молча вошли жандармы и подошли к отцу. Он был так поглощен работой, что ничего не услышал и не заметил.

Не говоря ни слова, жандармы внезапно набросились и на него и на пиджак, висевший рядом. Ни у отца, ни в станке ничего не нашли. Повели на квартиру. Все обыскали и здесь ничего не обнаружили. Взяли только его личные книги — штук тридцать пять, но ни одной нелегальной.

Отец был рад, что все обходится благополучно, и охотно помог жандармам: дал им веревку, простыню, сам все уложил, перевязал только бы поскорее уж уходили.

И тут, надо же, полковник сел за стол писать протокол, нечаянно задел рукой ящик письменного стола и вскрикнул: «Да я забыл письменный стол посмотреть!»

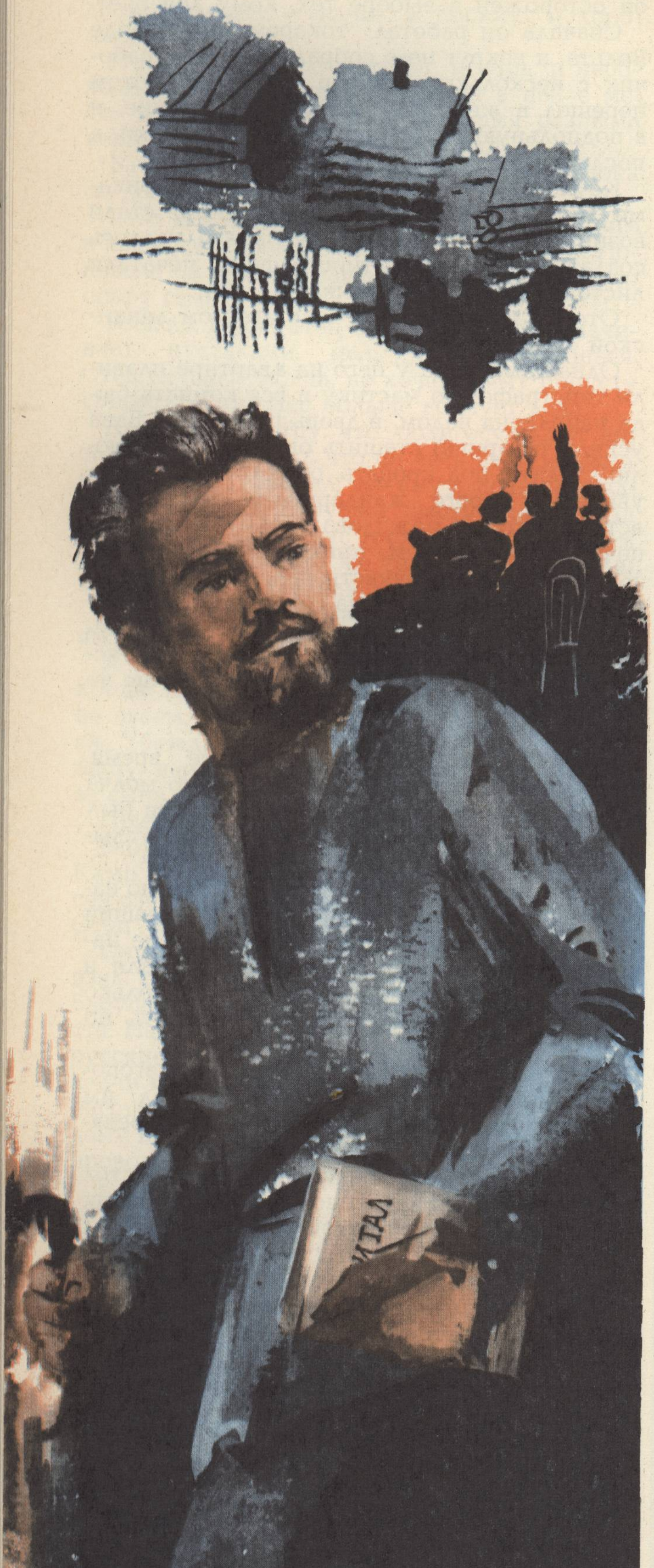
В ящике письменного стола у отца лежала нераспространенная нелегальная литература и шифр для переписки.

Отец рассердился, отобрал у жандармов простыню и веревку: «Ну, раз так, тащите все как хотите!»

В нашей семье ревельский период жизни отца оставил особую память.

Когда Семену, младшему брату отца, исполнилось четырнадцать лет, его отправили в Питер, учеником в обойную мастерскую. Но Семен не столько учился, сколько был на побегушках у мастера. Отец приезжал по делам подпольной типографии в Питер и виделся с братом. Решив, что так ремесла не

Отец устроился токарем в железнодорожные мастерские и сразу оказался в водовороте революционной работы.

получить, он взял брата к себе и потратил немало сил, чтобы устроить его учеником на завод.

Конечно, отец относился к младшему брату как к мальчику и не хотел, чтобы Семен так рано садился в тюрьму. Но жили они вместе, и, как отец ни щадил его, Семен все же в какой-то степени оказался привлеченным к подпольной работе.

Но он был еще слишком молод и слишком наивен. Когда отца арестовали, Семен написал об этом домой и вложил в письмо прокламацию, которую они печатали на станке: передавайте, мол, дальше.

Так как в селе было два Ивана Калиновича и у обоих было по сыну Семену, письмо доставили Ивану Калиновичу Старшому. Тот был совсем неграмотный, и письмо понес старосте. Староста швырнул в лицо Ивану Старшому подпольную прокламацию и стал кричать, что Семен—преступник, идет против царя. Тогда только Иван Калинович понял, что письмо это не ему, и отнес его вместе с листовкой младшему брату.

Беда ведет за собой беду. Незадолго до этого стало понятно, что у деда чахотка. А теперь вот опять...

Всю ночь проговорили тогда бабушка с дедом. Решили, что дед отправится в Ревель выручать сыновей или хотя бы узнать, что же с ними такое. Путь в Ревель неблизкий — чтобы купить билет, пришлось продать единственную корову. Каждый знает, что такое в деревне лишиться коровы, тем более, что дедушка был теперь болен, но выбора не было.

Приехав в Ревель, дедушка разыскал Семена, забрал у него только что полученный паспорт и пошел разыскивать старшего сына.

Свидание с отцом ему разрешили, при этом жандарм подготовил его к разговору: попробуй, мол, повлиять на сына, он у тебя хороший, мастеровой; какой ему смысл в политику лезть?

Отец вышел спокойный, обрадовался, увидев дедушку, расцеловался с ним.

Дедушка стал его уговаривать: «Повинись, Михайло, и отступи; мать плачет целые дни, попадешь ты в Сибирь».

Отец ему ответил: «В Сибири тоже люди живут».

И пошутил — не удержался: «Там золота много».

Жандарм тоже не утерпел, вмешался: «Это золото надо еще добыть».

Дедушка опять стал нашего отца уговаривать бросить политику. Отец спорить не стал, но повернулся и ушел, не сказав больше ни слова.

Жандарм только руками развел: «Видишь, какой сын у тебя».

Дедушка, как он потом рассказывал, всю ночь не спал, думал, что ему делать. Взвешивал, примеривал и наконец-то понял то, что бабушка уже давно поняла: прав или

не прав Михайло, его никому не сбить, и лучше не разрывать ему душу.

Утром дедушка опять пошел в тюрьму — просил второе свидание. Ему легко разрешили, но дедушка волновался, не знал, захочет ли отец разговаривать с ним после вчерашнего.

Отец вышел опять спокойный, приветливый, будто и не было вчерашнего разговора. Наверное, и он за ночь раскаялся, что обидел дедушку.

К спору дедушка больше не возвращался, передавал поклоны и деревенские новости, рассказывал, как удачно продал корову, предлагал сыну деньги.

Отец его понял.

Расспрашивал про мать, про сестренку, сказал, что деньги ему не нужны, и добавил: «А вот я тебе, батюшка, шапку свою принесу».

Дед испугался даже: «Что ты, Михайло, в Сибири же холодно».

Отец ответил, что его товарищи не забудут и без шапки он не останется.

Он ушел и вернулся с меховой шапкой в руках и толстым эстонским свитером из чистой шерсти. Не хотел дедушка это брать, но пришлось — так он еще и подарки получил из тюрьмы.

Простившись со старшим, дедушка решил хотя бы младшего уберечь от беды: увез с собой его паспорт, никуда без паспорта младший не денется, волей-неволей вернется домой.

Бабушка была рада, что наш отец жив и здоров, что дед его повидал.

Скоро, как и следовало ожидать, Семена с завода уволили. Устроиться на другую работу без паспорта он не мог, пришлось вернуться в деревню. Хоть младший был дома.

Наверное, в это время за столом у бабушкиных родных зашел разговор между дедом и его шурином. Шурин расхвастался, что сын его стал хорошим портным и присылает домой немалые деньги.

Зная, что дедушка всегда спорил с нашим отцом, шурин не постеснялся сказать: «Я жалею тебя, Иван. Ничего из твоего сына не вышло. Связался с политикой, и помощи тебе никакой».

В общем-то шурин сказал только то, что дедушка сам не раз говорил. Но тут дедушка рассердился, даже за одним столом с шурином сидеть не захотел. «Разве можно моего сына равнять с твоим? Твой же сапог непрокатанный — и ничего больше».

Так что не так-то просто было у дедушки на душе. Может быть, он уже больше жалел своего старшего, чем осуждал?

Литературная запись Ю. КАПУСТО.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

Валентин БЕРЕСТОВ

Орешник

Шла осень. Орешник
Потух, облетел
И вдруг (вот насмешник!)
Сережки надел.

Всю зиму сережки
На ветках качал
И вьюгу в одежке
Весенней встречал.

Сквозь снежную жижу,
По грязному льду
Весною поближе
К нему подойду.

С сережек слетая,
Шутя с ветерком,
Пыльца золотая
Взовьется дымком.

И теплою почкой,
Как шубой, одет,
Засветится точкой
Малиновый цвет.

На кочке подснежник
Очнется вот-вот.
И все же орешник
Всех раньше цветет!

Не зря он сережки
Всю зиму качал
И вьюгу в одежке
Весенней встречал.

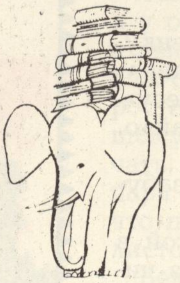
Что нам читать?

В КИЛЬВАТЕР ЗА «КАРАВЕЛЛОЙ»!

Если ты регулярно читаешь журнал «Пионер», тогда ты уже немножко знаком с ребятами, написавшими эту книжку. «Пионер» не раз писал о делах отряда «Каравелла» и о маленьких мушкетерах, таких же отважных и верных слову и дружбе, как д'Артаньян, и так же мастерски владеющих настоящими рапирами.

Если ты читаешь «Пионерскую правду», ты, конечно, знаешь о стенной газете этих ребят, которая называлась «Тигренок Санька» и заняла первое место на конкурсе пионерских стенгазет.

Если тебе немножко повезет, ты, может быть, увидишь кинофильмы «Незнайка», «Чапаевцы», «Еще одна сказка о Золушке» и другие, созданные теми же ребятами на киностудии «ФИГА» (фильмы исторические, гениальные, артистические).

Ну, а если тебе уж очень повезет и ты попадешь в Свердловск, тогда непременно разыщи отряд «Каравелла», познакомься с ребятами из этого отряда, и отважные капитаны прокатят тебя на настоящей парусной яхте.

Этим летом ребята из отряда «Каравелла» вместе со своим вожатым, писателем Владиславом Петровичем Крапивиным побывали в гостях у «Пионера».

Книга ребят называется **«Чем крепче ветер...»**.

В законе отряда «Каравелла» есть такие слова: «Я вступлю в бой с любой несправедливостью, подлостью и жестокостью, где бы их ни встретил. Я не стану ждать, когда на защиту правды встанет кто-то раньше меня».

Это не пустые слова. Ребята из отряда «Каравелла» и в самом деле не терпят никакой несправедливости. Не терпят они и скуки. За все время существования отряда — а он существует не первый год — они ни разу не скучали.

Иной из наших читателей и усомнится и удивится, пожалуй: как это ни разу не скучали?!

А вот так и не скучали! Да и когда тут скучать, если дня не хватает, чтобы переделать все те дела, которыми занимается «Каравелла».

Удивляться этому нечего. Удивительно то, что все эти интересные дела придумывают и делают самые обыкновенные ребята, такие же, как ты, такие же, как твои товарищи.

Если есть у вас голова на плечах, если есть у вас горячее сердце, вы ведь тоже можете придумать множество интересных дел и сделать так, чтобы скука и лень забыли дорогу в ваш отряд.

А. НЕКРАСОВ

Рассказы правдивые и поэтичные

Множество интереснейших событий происходит с обитателями подводного мира и в необъятных просторах океана, и в заводях тихих лесных озер, и в светлой речушке.

А лес! Какая бурная идет в нем жизнь! Какие непреложные законы действуют! Какой выдержкой надо обладать, например, крохотному олененку, чтобы не выдать себя грозному хищнику — медведю или волку!

Птица ремез мастерски плетет подвесное, похожее на рукавичку гнездо. Но налетает буря. Выдержит ли ее хрупкое сооружение? Сохранятся ли под защитой столь легкого дома крохотные яйца ремезов?

Что происходит во всех этих птичьих и звериных жилищах, — гнездах, дуплах, норках? Как живут, с кем дружат, с кем враждуют их обитатели? Совсем рядом с нами идет жизнь птиц, зверей, насекомых, рыб. И часто мы ее почти не видим. Об этой скрытой и близкой к нам жизни и рассказывает книга **Валерии Иваненко «Домик в море».** Рассказывает достоверно, точно, с пристальным вниманием к ускользающим от поверхностного глаза подробностям, как будто бы мелким, но в действительности очень важным.

Читаешь эти истории и понимаешь, что так все увидеть мог только знаток-ученый, биолог. И в то же время обо всем рассказано лирично, образно, чистым поэтичным языком. Валерия Владимировна Иваненко, автор этой книги, была и талантливым ученым и очень своеобразным, вполне сложившимся писателем.

Читаешь ее рассказы и сказки о природе и как будто сам во всем участвуешь. Сам заглядываешь, посвечивая карманным фонариком, в норку на речном обрыве и видишь сказочную, сверкающую перламутром пещерку — жилище птицы-рыболова зимородка. Оказывается, все оно выстлано рыбьей чешуей и косточками. Сам следишь за тем, как приживутся на новом месте переселенцы с Дальнего Востока белый амур и толстолобик, ненасытные пожиратели водорослей. Для того и привезли этих рыб на Украину, чтобы они спасали водоемы от зарастания.

Сам видишь, как крошечные мальки африканской рыбы тиляпии, почувствовав опасность, — а она подстерегает рыбешек со всех сторон, — стремглав бросаются прямо в широко открытый рот своей мамы. Кстати сказать, так же сохраняла она свое потомство и все время, пока это были совсем еще беспомощные икринки. О строго установленных наукой фактах Валерия Иваненко умела рассказать так, что они становились достоянием искусства.

Горько писать об этом человеке в прошедшем времени — «была», «умела», «писала». Но ничего не поделаешь, — жизнь оборвалась трагически рано. Об этой короткой и трудной, но оставившей большой след жизни вы тоже прочитаете в книге. Писатель Николай Тихонов и подруга писательницы со студенческих лет Алла Лобачева с глубоким уважением к литературному мастерству и человеческому мужеству Валерии Владимировны рассказывают о ней.

Рано и очень твердо выбрала Воля себе дорогу. Еще школьницей, изучая в морском кружке Дворца пионеров аквариумных рыбок, увлеклась она жизнью моря и решила посвятить себя раскрытию его тайн. Воля была еще студенткой, потом аспиранткой, а уже ясно было, что в науку пришел серьезный ученый. Ее работа о донной фауне дельты Дуная на конкурсе студенческих научных работ, посвященном 30-летию ВЛКСМ, была признана одной из лучших.

Труд ученого — исследователя моря тяжел. Сложно вести наблюдения за подводной жизнью. Сложно добывать из морских глубин их обитателей. Нелегки и долгие часы тонкой, тщательной работы с микроскопом. Воля была терпеливым и неутомимым работником. Товарищи по экспедиции на Баренцево море помнят, каким замечательным гребцом она оказалась. Как часами — в волну и ветер — могла вести лодку, за которой тащится, захватывая все, что попадется на пути, матерчатый конус, драга. В любую погоду ходила Воля на сбор материала. Без устали шагала во время отлива по обнажившемуся морскому дну, пристально его разглядывая. Уплывала на лодке к дальним островам, изучая фауну прибрежных вод.

Воля оканчивала аспирантуру, когда всему этому пришел конец. Подкралась тяжелая болезнь. Воля не могла больше ездить в экспедиции. И все больше лишалась она возможности двигаться.

Но таким живым был ее ум, так велики знания, столько успела она увидеть за свою жизнь, что оказалось, очень о многом может она рассказать. И как рассказать! Воля стала писать. Прекрасные, поэтические, полные любви ко всему живому, ее рассказы будут читать многие поколения детей.

Сборник рассказов и сказок В. Иваненко вышел на русском языке (в переводе с украинского, на котором писала Воля) в издательстве «Детская литература».

Остается рассказать еще вот о чем. Пионеры Орлянской средней школы в Запорожье — тогда они были пятиклассниками, — прочитав книги В. Иваненко, решили написать автору. Конечно, Воля ответила. И за-

вязалась переписка, искренняя, серьезная. Она продолжалась несколько лет. Но однажды пришло письмо не от Воли, а от ее мамы. Письмо ребятам о том, что их друга не стало.

Нет, дружба не угасла. Ребята не забыли свою Волю. Во всех сложных случаях школьной жизни припоминали ее взгляды, мысли, учились жить, как хотела бы она. Они начали теперь переписываться с Волиной мамой, известной писательницей Оксаной Дмитриевной Иваненко. А отряд их стал отрядом имени Воли. И, знаете, отряд Валерии Иваненко существует в селе Орлянском и сейчас, хотя первые его пионеры как раз в нынешнем году окончили школу. Несколько лет назад, прощаясь с пионерской организацией, Волины друзья приняли в пионеры ребят 3-го класса «А» и тут же, на линейке, передали им дорогое имя своего отряда, отрядный флажок, библиотечку, рассказали о своем любимом герое — человеке добром, мужественном и целеустремленном. Человеке, с детства твердо шедшем к избранной цели, а когда трагическая судьба оборвала так успешно начатую научную работу, сумевшем найти другой путь к творчеству, сумевшем остаться необходимым людям.

Н. ИЛЬИНА

Познакомьтесь с моими знакомыми

Не знаю, какой у тебя характер, а у меня такой характер: если мне что-нибудь понравится, обязательно хочется поделиться с друзьями, сказать: «Познакомился я с замечательным человеком, и ты познакомься тоже». Или хочется закричать: «Смотри, смотри, какая красивая птица. Да смотри же, а то улетит». И пока друг не посмотрит, мне неспокойно, как будто и я не увидел.

То же самое с книгами. Прочту хорошую книгу — и сразу хочу о ней рассказать, чтобы и другие прочитали.

Прочитал я книгу **Людмилы Матвеевой «Казаки-разбойники»**. Повесть про ребят, которые живут в одном дворе. Дружат, играют вместе. И с ними случаются разные истории.

Ты возьмешь книгу, откроешь ее и будто войдешь во двор. Ребята, которые живут здесь, примут тебя в свою игру, в свою компанию, подружатся с тобой. Значит, когда им весело, и ты развеселишься, а случится с ними что-то печальное, ты тоже загрустишь.

Героиня повести — девочка Люба — ходит в школу, носится по двору, играя в казаки-разбойники. Растет, а что это значит — растет? Учится понимать жизнь, разбираться в людях.

Есть во дворе страшный хулиган Юрка Зорин. Мама говорит Любе:

— Пойдешь гулять, на мостовую не выбегай, к Зорину не подходи.

Юрка — одна из опасностей улицы. Любка его и сама до смерти боится. Украл он олово и сказал: «Спрячь!» Она и спрятала. А самой тошно. Была жизнь чистая, ясная. А теперь что? Девчонка мучается. Еще бы — всегда тяжело и противно, когда сделаешь что-нибудь против своей совести, по слабости, от страха.

Есть в книге такой эпизод. Любка и ее подруга Белка сели переводить картинки. До чего же яркой и праздничной бывает переводная картинка, пока не высохнет. Так и сияет, так и блестит, как лакированная. Но вот одна картинка не получилась, расползлась — и все, больше не хочется переводить. И картинки разонравились, и само занятие показалось скучным. Отчего? Будто лампочку выключили, пропал свет, пропало настроение.

Наверное, это тебе знакомо: вдруг потускнеет игра, пропадет интерес.

И когда ты будешь читать эту книгу, ты во многом узнаешь себя.

Тебе тоже, наверное, знакома длинная-длинная скамейка у ворот, на которую может усесться сколько угодно людей, надо только немножко подвинуться. И ты тоже знаешь, как хорошо сидеть под вечер всем вместе и разговаривать о том, о сем.

А вспомни, как первый раз в жизни ты попал в настоящий театр и встретился с настоящим чудом...

Мальчишка Славка сказал Любе: «Я решил тебя любить». Сказал и пошел. Но она не рада. Вот если бы это сказал не Славка, а другой мальчик...

Множество историй, веселых и грустных, поместилось в этой книге.

С автором повести «Казаки-разбойники» Людмилой Матвеевой ты знаком по страницам «Пионера», она написала много очерков, рассказов. Художника Семена Трофимова ты тоже знаешь, его рисунки не раз печатались в журнале.

Прочитал я эту книгу, посмотрел рисунки, будто познакомился с хорошими людьми. И захотелось поделиться: познакомься и ты поскорее.

Юрий ДМИТРИЕВ

А. ОРЛОВ.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Задачник Трех Неизвестных

Аэродром на острове Неизвестных

Зет внимательно разглядывает письмо. Оно пришло с одного из островов Алгебры. Читатели «Пионера» четыре года назад назвали его Островом Неизвестных.

Зет. Как все изменилось! Сколько новых любителей математики поселилось на острове! Понадобилось построить для них целых шесть городов. Все они стоят вдоль прямого, как стрела, центрального шоссе. Шоссе проложили в знак дружбы с жителями соседнего архипелага Геометрии.

Морские корабли связывают Остров Неизвестных с материком. Но гигантские акулы повадились нападать на суда и откусывать пластмассовые винты! И островитяне поняли: нужен аэродром. К выбору места они подошли по-научному. Решили сделать так, чтобы всем тратить как можно меньше времени на дорогу от аэродрома до дома. Значит, сумма расстояний от аэродрома до городов должна быть как можно меньше. А вот где находится такая точка? Жители Острова Неизвестных пока не нашли ответа и просят нас помочь.

Неизвестные склонились над картой.

Икс. Я думаю, аэродром надо строить в центре острова, у города Контур.

Игрек. Тогда он слишком далеко будет от Синусоиды и Знаменателя. Место аэродрома — не у Контура, а у Минуса.

Зет. А почему бы не построить его посередине между Контуром и Минусом?

Дивясь несогласию Неизвестных, грустно залаял Интеграл, знаменитый пудель Игрека, знаток геометрии.

Игрек. М-да. Может быть, читатели скажут, кто из нас прав? **Для какой точки острова сумма расстояний от нее до городов минимальна?**

Зет. Интересно, какой будет ответ, если городов не шесть, а семь или восемь?

Икс. Это будет хорошей разминкой перед нашей новой Олимпиадой. Кстати, знаете, какие задачи больше всего запомнились победителям третьей Олимпиады? Об этом они рассказали в анкете. Вот такие:

КАКАК × КО = КОКОКО.

В записи арифметического действия цифры заменены буквами (разные цифры — разными буквами, одинаковые — одинаковыми). А ну-ка, расшифруйте! Сколькими способами можно это сделать? Вот еще задача.

РЕКТОР × ТОР =
= Е **** КТОР

Здесь некоторые цифры заменены буквами по тем же правилам, что и в предыдущей задаче, а на месте остальных стоят просто звездочки.

Попробуйте найти хотя бы по одному ответу в задачах, которые прислал нам Н. К. Антонович из Новосибирска:

ШАГАЙ
× К
ПОБЕДЕ

ГОРИ
+ ГОРИ
ОГОНЬ
УДАЧИ

Кто убил Змея Горыныча

До царя Гороха дошла молва, что наконец кто-то убил Змея Горыныча.

Царь Горох знал, что это мог сделать либо Илья Муромец, либо Добрыня Никитич, либо Алеша Попович. А вот и они, запыленные, явились ко двору.

Царь стал их спрашивать. Трижды каждый богатырь речь держал. И сказали они так:

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ.

1. Не я убил Змея Горыныча.
2. Я уезжал в заморские страны.
3. Змея Горыныча убил Алеша Попович.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ.

1. Змея Горыныча убил Алеша Попович.
2. Если бы я его и убил, то не сказал бы.
3. Много еще нечистой силы осталось.

АЛЕША ПОПОВИЧ.

1. Не я убил Змея Горыныча.
2. Я давно ищу, какой бы подвиг совершить.
3. И взаправду Илья Муромец в заморские страны уезжал.

Потом царь Горох узнал, что дважды каждый богатырь правду говорил, а один раз лукавил.

КТО УБИЛ ЗМЕЯ ГОРЫНЫЧА?

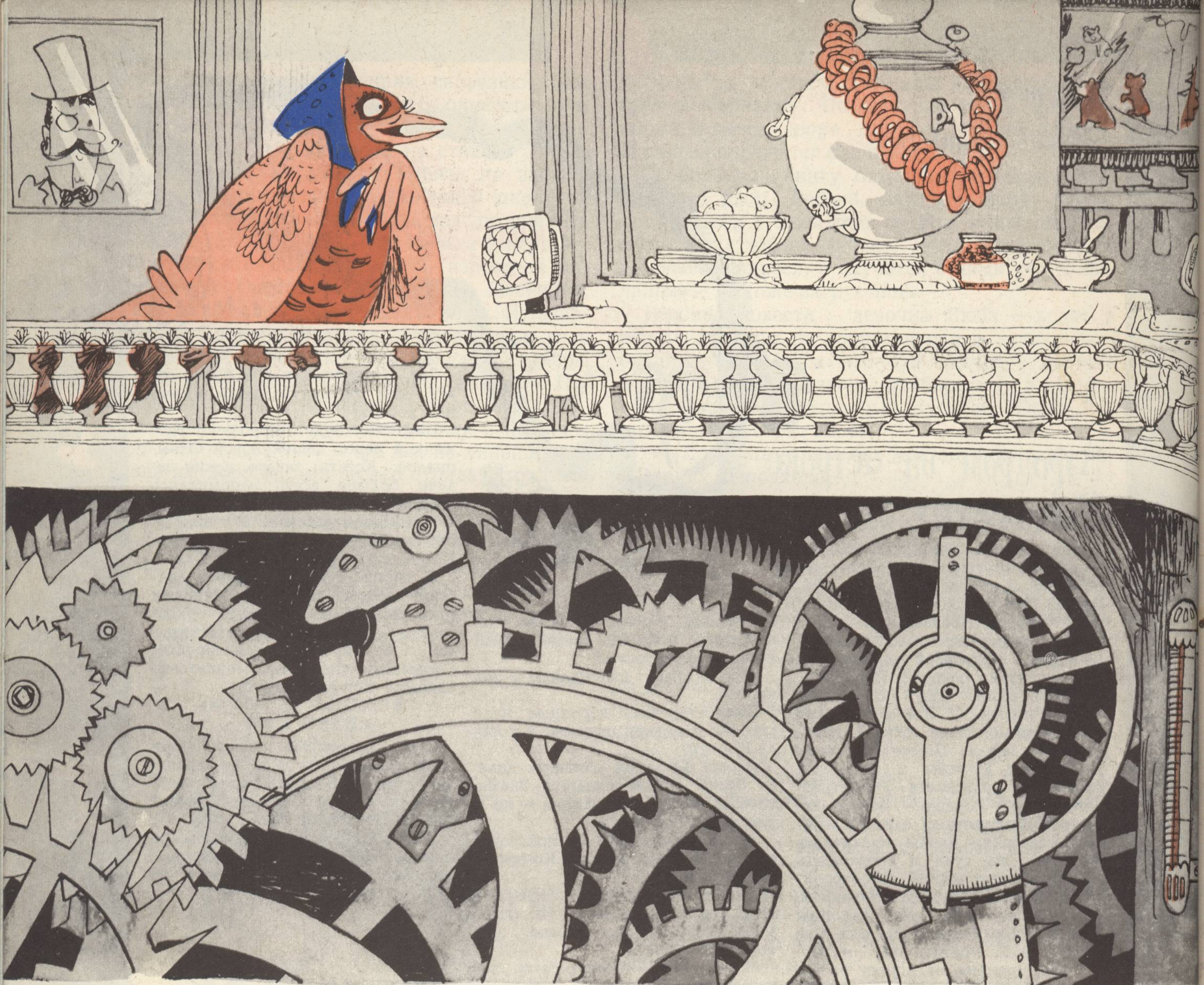

Это одна из любимых задач ВЗМШ.

Что такое ВЗМШ? Всесоюзная заочная математическая школа при МГУ. Руководит школой член-корреспондент АН СССР И. М. Гельфанд.

В сентябре 1974 года начнутся занятия на I курсе ВЗМШ (всего в школе три курса). Чтобы тебя приняли, надо решить задачи вступительной контрольной работы (задачи эти и подробные условия приема посмотри в журнале «Квант» № 1 за 1974 год).

Советуем поспешить — решения нужно отправить до 10 марта 1974 года.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ГАРАНТИЙНЫЕ

1. ПРИЕЗД ХОЛОДИЛИНА

В ясный солнечный день в квартиру привезли холодильник. Деловые, сердитые грузчики внесли его на кухню и сразу ушли вместе с хозяйкой, тихо-тихо стало кругом.

Вдруг сквозь щель облицовочной решетки из холодильника выбрался маленький человечек с ведром краски в руках. Он вытащил за собой длинную лестницу и стал аккуратно замазывать краской те места, от которых отскочила эмаль при доставке.

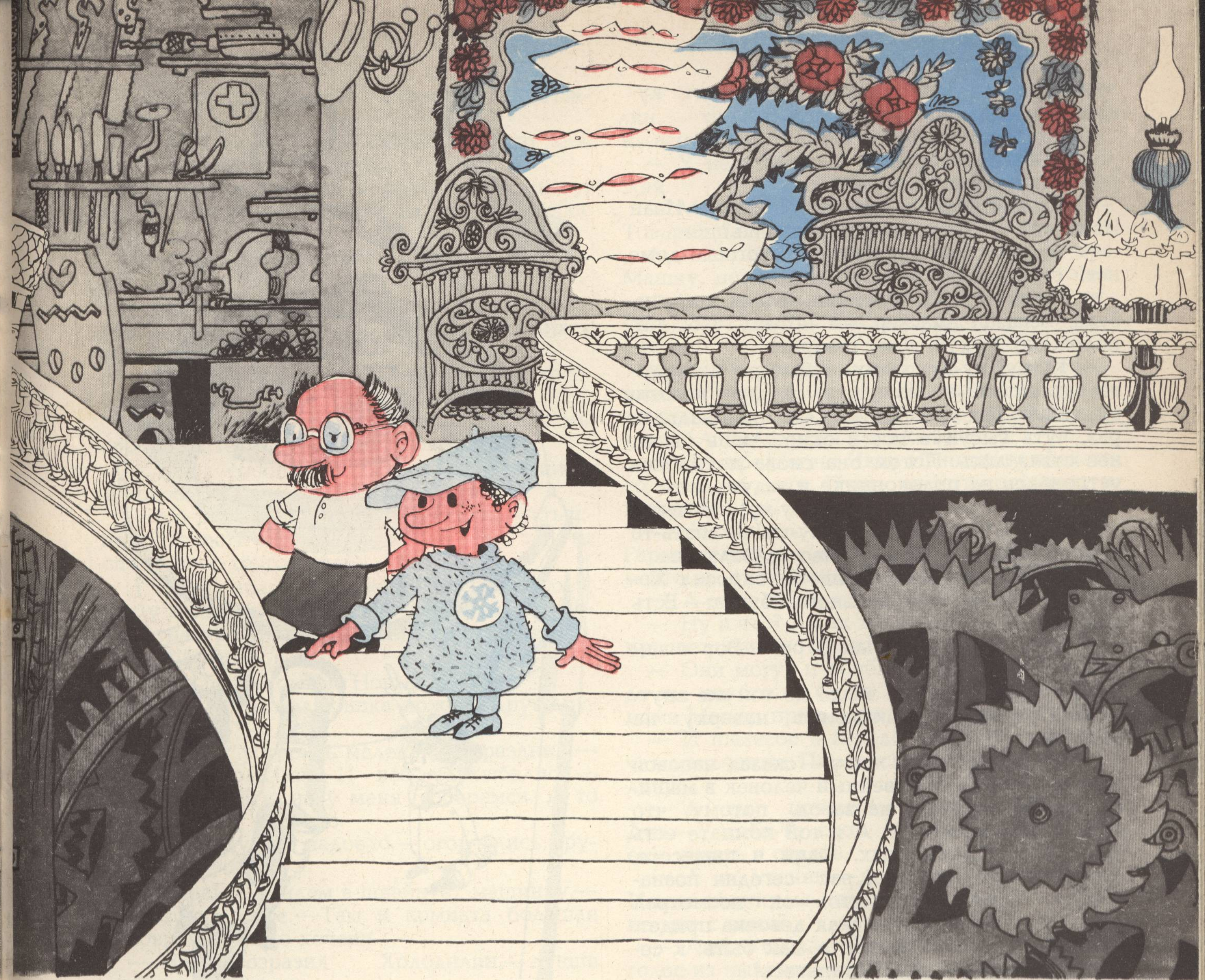
На стене кухни висели огромные старинные часы. С башенками, окошком для кукушки, с толстыми резными стеклами и большущим желтым маятником.

В этих часах сбоку вдруг открылась дверца и вниз скатилась веревочная лестница. Она доставала как раз до самого пола. Человечек из холодильника обернулся и посмотрел вверх. Он увидел другого маленького человечка, очевидно, хозяина часов. Это был старый мастер, весь седой, в черном сюртуке и золотых очках.

— Здравствуйте,— сказал старичок. — Когда вы закончите работу, будьте добры, поднимитесь ко мне. У меня как раз чай вскипел. Вам с дороги.

— Большое спасибо,— отвечал новичок.— Ровно через пять минут я буду у вас.

Он закончил работу, отнес в холодильник инструменты и ловко стал подниматься наверх. Хозяин часов встретил его у входа и повел к себе по винтовой деревянной лестнице. Видно было, как там, за перилами, работает часовой механизм. Крутились и покачивались колеса, жужжали блестящие ше-

ПОВЕСТЬ-СКАЗКА

ЧЕЛОВЕЧКИ

стеренки, и переваливалась с места на место качалка маятника.

На большой площадке была комната, стояли кровать с горой подушек, стол и самовар на нем, верстак с инструментами. Рядом со столом в стене было прорезано окно. И на подоконнике дремала большущая кукушка с выпученными глазами и широко открытым ртом. Она была красная с желтыми крыльями. Вот и вся комната. Внизу под полом тикал и вздыхал часовой механизм.

— Иван Иванович Буре,— представился хозяин.

— Холодилин,— отвечал гость.

— Надолго к нам?— спросил часовой мастер, разливая чай по стаканам.

— На два месяца.

— Это почему?— удивился Иван Иванович.— Такой короткий срок гарантии?

— Нет. Гарантия обычная: два года. Просто мой холодильник взят напрокат. На дачу. А вы надолго сюда?

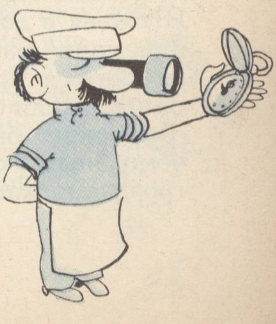
— Боюсь, на всю жизнь.

Теперь уже поразился гость:

— На всю жизнь?! У этих часов такая гарантия?

— Гарантия обычная. Просто фабрику, на которой эти часы делали, давно уж сломали. Ехать мне некуда. Вот и живу здесь почти шестьдесят лет. И часики, смею заметить, почти как новые. Секунда в секунду идут.

Тут он вынул из кармана маленькие часы, посмотрел на них и, высунувшись в окошко, сверил со стрелками большого циферблата. И те и другие показывали ровно одиннадцать.

— Машка,— сказал Иван Иванович кукушке,— пора!

— Не пора!— вдруг ответила та.

— А я говорю пора!

— А я говорю не пора!

— В чем дело?— сурово спросил Иван Иванович. — Ты почему не кукуешь?

— А для кого куковать? Никого в доме нет.

— Ну и что? Ты кукуешь не для кого-нибудь,— сказал мастер,— а потому что так положено. Кукуй, кому говорят!

— Ку-ку, ку-ку, ку-ку,— быстро и сердито затараторила кукушка, будто кого-то дразнила. Так прокуковала она одиннадцать раз, чуть высунув нос в окно. Лишь бы от нее отвязались. Потом она снова поудобнее устроилась на подоконнике и задумалась.

— И днем ку-ку и ночью ку-ку! И через час ку-ку и через полчаса ку-ку. А спать-то ку-ку?!—сквозь сон ворчливо сказала она.

— А еще кто у вас живет?—спросил Холодилин после куковального бунта.— Есть наши?

— Есть, есть,— отвечал Буре.— Вот я вам покажу, извольте.

Они поднялись еще выше по той же внутренней лестнице и оказались наверху на балконе.

— В кухне я один живу,— сказал часовой мастер. — Был еще швейный человек в машине. Но он вернулся на завод, потому что срок у него кончился. А в той комнате есть еще двое гарантийных. Один в пылесосе, другой в приемнике. Я вас сегодня познакомлю. Только знаете что,— он посмотрел на часы,— сейчас хозяйская девочка придет. Минуты через две. Решайте, как быть: к себе пойдете или у меня останетесь?

— К себе, к себе!— поспешно отвечал Холодилин.— У меня и дел полно, да и вещи не убраны.

— Тогда спешите, сударь. Ребеночек этот шустрый, может и раньше времени прийти.

Холодильный человечек быстро спустился вниз и перебежал к себе. А Иван Иванович втащил веревочную лесенку внутрь. И как раз вовремя. Кто-то уже вовсю гремел ключами у входной двери.

2. ГОЛОС ИЗ ПЫЛЕСОСА

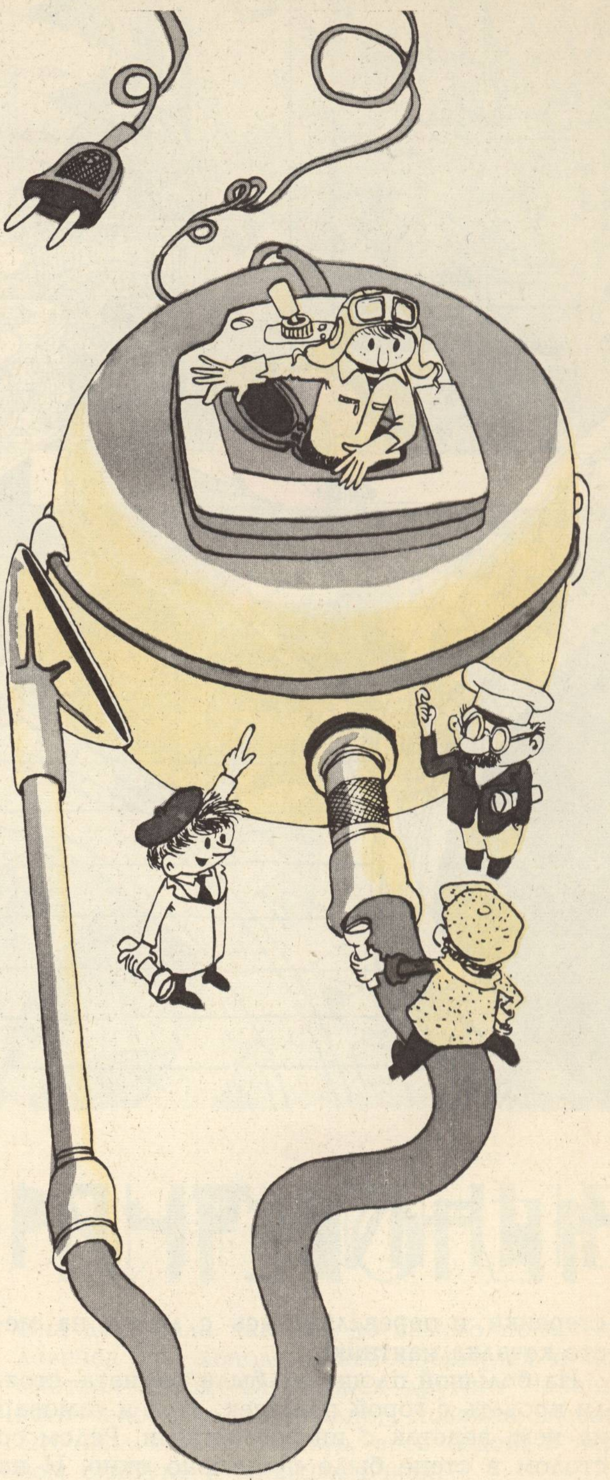
Была ночь, и все люди в квартире спали. Спали и папа, и мама, и хозяйская девочка Таня. Вот распахнулось окно в часах, кукушка Машка старательно прокуковала полночь. И тотчас в холодильнике, в часах и в радиоприемнике раскрылись дверцы, и вниз стали спускаться гарантийные человечки. В руках они держали фонарики.

А вокруг был полный беспорядок. Стояли чемоданы, корзины, лежали увязанные гроздьями кастрюли и чайники. Хозяева готовились к переезду. Человечки сошлись посередине кухни и поздоровались.

— Это наш новый жилец,— сказал Иван Иванович.— Его зовут Холодилин.

— Говорит Москва,— представился человечек из приемника.— Но это мое торжественное имя, а обычно меня зовут Новости Дня. Надолго к нам?

— На два месяца!— отвечал Холодилин.— Мой холодильник взят напрокат. На дачу.

На пылесосе открылся люк, как у танка, и высунулась заспанная, но любопытная рожица.

— А где Пылесосин?— спросил Иван Иванович.

— Спит, как всегда,— сказал Новости Дня.

— Пойдемте его будить.

И человечки пошли в большую комнату, где в углу, рядом со шкафом, стоял пылесос «Уралец».

Новости Дня тихонько постучал по пылесосу.

— Пылесосин, вставай! — сказал он шепотом, чтобы не разбудить людей, спавших в комнате.

— Не, не могу,— отвечал голос из пылесоса.— Я сплю.

— Как жалко, что ты спишь, а то бы мы сообщили тебе интересные новости.

— А вы сообщите,— сказал Пылесосин.— Я новости и во сне понимаю.

— Но мы боимся тебя разбудить,— объяснил Новости Дня.— Вот если бы ты не спал, тогда другое дело.

И тут на пылесосе вверху открылся люк, как у танка, и высунулась заспанная, но любопытная рожица гарантийного мальчишки.

— Ну, чего у вас?

— Вот познакомься. Новый мастер.

Холодилин и мальчишка пожали друг другу руки.

— Я хочу устроить маленький праздник,— сказал Холодилин. И все заулыбались.— Только давайте не у меня соберемся. А то мне у меня надоело.

— А нам у нас надоело,— огорчались другие человечки.

— Давайте пойдем в швейную машинку,— предложил Буре.— Там и комната большая и ковров сколько хочешь.

— Нет,— возразил Холодилин,— лучше пойти на природу.

— Это как на природу?— спросил Новости Дня.

— А так. Есть у вас цветы?

— Ура! — завопил Пылесосин.— Я все понял. Пошли на природу, в кухню!

Человечки пошли в кухню, пробираясь среди кастрюль и чайников. Холодилин принес корзину с едой, и по плетям традисканции все забрались на подоконник. Новый мастер разлил чай из термоса по кружкам и сказал:

— Я очень рад, что оказался в такой хорошей компании. И рад тому, что вас живет здесь целых трое.

— Я-то скоро уеду,— сказал Новости Дня.—Через три месяца. Прилетит вертолетик и отвезет меня на завод. А там — в новый приемник или телевизор.

— И я скоро уеду,— сказал Пылесосин.— У меня будут экзамены. Ведь я ученик. Я не с завода. Я из ремонтной мастерской. У нас гарантийный срок короткий — полгода всего.

— Так что я один останусь,— грустно промолвил Буре.— Опять один. За мной вертолетик не прилетит.

— Это меня и тревожит,— сказал Холодилин...— тяжело оставаться одному. И, может, на всю жизнь.

— У него Машка есть,— сказал Новости Дня.

— Машка не то,— возразил Холодилин.— Товарищи нужны.

А Иван Иванович, когда заговорили про Машку, посмотрел на часы. Было ровно час.

— Вот видите, не кукует. Совсем от рук отбилась! Машка! — закричал он.— Ты что, заснула?

Машка высунулась из часов и долго соображала, чего же от нее хотят. Потом сердито кукунула один раз и быстро скрылась обратно. А Холодилин продолжал:

— И я предлагаю Иван Ивановичу поехать со мной на дачу. Пусть он хоть отдохнет и наберется сил перед одиночеством.

— Нельзя!— сказал Новости Дня.— Гарантийный человек не может покидать свое место до окончания гарантийного срока.

— А если срок давно кончился?

— Ну и что? А как же часы? Вдруг они станут неправильно ходить?

— Они могут и вообще не ходить. В городе же никого не будет. В крайнем случае за ними Машка присмотрит.

— И пылесос в городе не нужен!—закричал мальчишка Пылесосин.—Я тоже хочу на дачу!

— А ты почему?— спросил Новости Дня.—У тебя-то срок не кончился. Тебе еще сидеть и сидеть.

— А я ученик,— возразил мальчишка.— И мне каникулы положены раз в год. Можно мне с вами?

— Ага! — сказал Холодилин.— Решающий голос из пылесоса за нас. А что, поезжай, конечно, и ты.

— Мне все это не нравится,— сказал Новости Дня.— Я обязательно напишу письмо в Управление Гарантийных Человечков. Что они об этом скажут?..

— Да ничего не скажут. Там неглупые люди сидят. Ну что, Иван Иванович, едем?

— Я бы поехал,— сказал Буре.— Только Машку надо с собой взять. Она без меня пропадет.

— И Машку возьмем. Веселее будет. Только бы она у нас куковать не начала. Получится холодильник с кукушкой.

— Не начнет,— успокоил его Буре.— Она свои «ку-ку», как рубли, бережет. Клещами не вытянешь.

— Значит, договорились,— сказал холодильный мастер.— Собирайте вещи и перебирайтесь ко мне. Завтра нас повезут на дачу.

Они еще попили чаю и поели пирожных. Холодилин рассказал им последние новости. Он сказал, что на полях больших газет скоро будет печататься газета для гарантийных человечков. Она будет набираться особым, незаметным людскому глазу шриф-

том и будет называться «За гарантийную гарантию». Там будут не только объявления и новости, но даже рассказы и стихи. И еще всем гарантийным мастерам Управление скоро разошлет специальные фонарики для чтения незаметного шрифта.

Человечки разошлись собирать дорожные вещи. Сразу же луна скрылась за облаками.

3. ПЕРЕЕЗД

Утром холодильник вместе с другими вещами был отнесен в грузовик. И вот уже целый час весело бежала машина по дороге.

Иван Иванович с Машкой в руках и Пылесосин сидели в комнате холодильного мастера. А сам Холодилин лазил где-то в кишках агрегата. Что-то подкручивал, подвинчивал и отмечал крестиками места, которые немного повредились при перевозке.

Вот машина остановилась, и, кажется, надолго, потому что водитель выключил мотор. Сразу в дверцу комнаты кто-то постучал. Это был не Холодилин, а совсем другой мастер. В черном комбинезоне, весь замасленный и с сумкой инструментов на боку.

— Привет,— сказал он.— Не растрясло вас?

— Трясет еще как! — отвечал Пылесосин.— До потолка прыгаем.

— Это у меня рессоры слабоваты. Приеду в гараж, буду отлаживать. Давайте знакомиться. Я — Карданыч.

— А как по имени величать? — спросил Буре.

— Да никак. У нас в автогарантии всех по отчеству зовут: Карданыч, Рессорыч, Светофорыч.

Пылесосин и часовщик представились человечку.

— Мы уже приехали? — спросил мальчишка.

— Нет. Просто у переезда стоим,— ответил автомастер.

— А вы в Дорохово едете?

— В Дорохово.

— Значит, через час будем. Там красиво. Я бывал в Дорохове.

Мотор снова загудел.

— Пойду работать,— сказал Карданыч.— Сейчас жарко. Вода может перегреться. Привет.

Машина побежала дальше. И ровно через час, как и обещал Карданыч, они оказались на месте.

4. ПАРЛАМЕНТЕРЫ

Ночью, ровно в двенадцать, гарантийные человечки вышли на пол, достали фонарики и начали обход.

Дача была небольшая — две комнаты и терраса. Она же кухня. На кухне стояла газовая плитка с баллонами, но в ней никто не жил, наверное, кончилась гарантия. В одной комнате спали папа с мамой, в другой — хозяйская девочка.

И вдруг Холодилин увидел радиоприемник на столе.

— Ого-го! — сказал он.— Кажется, и наш начальник приехал. Значит, будет веселей.

И в самом деле из приемника выбрался сердитый и расстроенный Новости Дня. После перевозки его приемник барахлил. Хозяева неправильно развесили антенну, забыли сделать заземление и совсем не в то положение поставили тембр. Из-за этого приемник подхрюкивал и говорил так:

— Передаем хрю-фью старинные вальсы.

И огромный хор пел:

— Плавно хрю-фью свои волны несет.
Ветер хрю-фью быр-быр песни поет:
Хрю-хрю-хрю-хрю-хрю-хрю.

Радиомастеру пришлось все это исправлять, везде лазить, и его даже два раза тряхнуло током. В конце концов приемник стал говорить нормально, а радиомастер, наоборот, стал хрюкать и присвистывать.

— Ну, как дела? Какие новости? — спросил Холодилин.

— Новости? Обычные. На полях хрю-фью-стана начались хрю-левые работы. Быр-быр. На южном хрю-бережье Крыма в полном разгаре хрю-рортный сезон. Хрю-зидент хрю-ландии посетил быр-быро-строительный завод.

— Да я не об этом,— сказал Холодилин.— Доехал ты хорошо?

— Нормально доехал.

— А у меня щетка полетела у электромотора. Потому что автомобиль трясло. У тебя нет запасной?

— Нет. Если только из проигрывателя взять.

— Слушай. Возьми, пожалуйста. А то завтра холодильник включат, а он не работает. И мне конец.

— А послезавтра радиолу включат, и тогда мне конец?

— Понимаешь,— сказал Холодилин,— холодильник за городом важнее, чем танцы. И потом мне не хочется, чтобы контору мою ругали прокатную. К ней и так доверия нет. А она здесь ни при чем.

— А когда отдашь?— спросил Новости Дня.

— Быстро. Только с Управлением свяжусь. Они через два дня доставят.

— Ладно, по рукам. Пойдем сначала квартиру смотреть. Потом щетку переставим.

Все было бы хорошо, да вот беда — хозяйская девочка Таня не совсем спала. И все из-за такого интересного переезда. Одна половинка у нее уже почти заснула и говорила ей: «Спи, спи, Танюша. Уже поздно». А вторая никак не хотела засыпать и говорила другое: «Не спи! Не спи, Татьяна! Здесь какие-то человечки с фонариками. Их надо поймать!»

Эти две половинки всегда враждовали между собой. Одна уговаривала Таню быть послушной девочкой, не капризничать, убирать игрушки, вовремя ложиться спать. А вторая, наоборот,— залезть на шкаф, стукнуть кого-нибудь лопаткой, отрезать себе косички ножницами. Когда верх брала первая половинка, девочку называли Танечкой, Танюшкой, Танюшечкой. А когда вторая — только Татьяной. Так и мы будем называть эти половинки — Юшечкой или Яной. Как будто в Тане живут две девочки.

Так вот Юшечка наконец заснула. А Яна еще долго таращила глаза. Вернее, один глаз. Ох, какие интересные были эти человечки! Жаль, что они скоро ушли на кухню-террасу.

— Слышите? — сказал Холодилин.

За окнами раздавались щелканье и свист.

— Что это? — спросил Пылесосин.— Милиция?

Холодилин рассмеялся:

— Это соловьи. Они всегда поют за городом.

— Хорошо поют. Заслушаешься! — сказал Буре.— Вот бы мне их в часы вместо Машки.

— Ничего,— успокоил его Холодилин.— Она здесь настоящую кукушку послушает, тоже неплохо куковать начнет.

— А это кто?— спросил Новости Дня.

— Вот это: пили-пили? — переспросил Холодилин.— Это сверчок.

— Да нет, не пили-пили, а дыр-дыр-дыр.

— Кажется, это мыши скребут.

И точно, в углу послышался писк, какая-то возня, и из норки на пол выбрались два серых мышонка. Они деловито отряхнулись, вытащили белый флажок и барабан, построились в шеренгу и пошли. Под барабанный бой они подошли к человечкам и остановились.

— Привет! — сказал тот, который был повыше и держал флаг.— Вы гарантийные?

— Гарантийные,— ответил Холодилин.

— Мы пришли объявить вам войну! — Тут мышонок поменьше и потолще важно забарабанил дробь.

— Почему? — спросил Холодилин.

— Мы всегда воюем с гарантийными! Это наш дом,— ответил мышонок побольше.— Мы здесь главные!

— Ну и ради бога. А воевать-то зачем?

— Понятия не имеем. Такие обычаи сложились здесь веками. Солдат не думает, солдат выполняет обычаи веков.

А маленький все барабанил.

— Слушай,— вдруг сказал Холодилин старшему.— Сыру хочешь?

Тот вытянулся в струнку:

— Да здравствует его величество король еще как!

И непонятно было, что еще как: то ли король, то ли сыр.

— Пошли,— сказал Холодилин.

Остальные человечки окружили маленького мышонка.

— А где вы живете?

— А много вас?

— Три, четыре, пять, семнадцать, двадцать, одиннадцать! Во! — сказал он.

— А ты умеешь считать-то? — спросил Новости Дня.

— А как же! Раз, два, три, четыре, двадцать один, пятнадцать, триста! И еще.

— Блистательно! — рассмеялся радиомастер.

— А вы злые? — спросил Пылесосин.

— Мы? — переспросил мышонок и стал оглядываться. Видно было, что ему здесь неуютно и хочется домой.— Мы такие... какие... Как один... все. Во! За всех!.. Вперед!

Слава богу, вернулся Холодилин с начальником. Кажется, они основательно подружились. Под мышкой парламентер держал кусок сыра, а в свободной лапе кружок колбасы. И он никак не мог ухватить белое переговорное знамя. Тогда он сунул колбасу в рот своему помощнику и строго приказал:

— Не кусать ни в коем случае! Доставить живьем!

Теперь лапа у него освободилась, и он поднял флаг.

— А много вас, начальник? — спросил Холодилин.

— Нас ровно двадцать девять. И имя нам легион!

— А как вас зовут? — спросил Буре.— Вот вас и вас.

— Мышкин и Подмышкин — лейтенанты кавалерии!

И под барабанный бой мышата удалились. Причем маленький все время сворачивал налево, куда тянул его кусок колбасы. Ему, наверное, было очень трудно держать колбасу, но не откусывать.

— У них даже кавалерия есть,— грустно сказал Буре.

— Ерунда! — возразил Холодилин.— Пока у нас есть колбаса и сыр, нам не страшно никакое сражение... Ну как, Иван Иванович, нравится тебе на даче?

— Не знаю,— ответил Буре.— Непривычно, как за границей.

— А вы бывали за границей? — спросил Новости Дня.

— Нет, не бывал,— сказал Буре.— Потому и непривычно.

— Ну ладно, погуляли и хватит,— сказал Холодилин.— Пошли щетку переставлять.

5. ЯНА и ЮШЕЧКА

Утром, как только хозяйская девочка Таня проснулась, она побежала к маме:

— Мама, у нас в доме кто-то живет. Я вчера ночью видела.

— И кто же это?— спросила мама.

— Человечки маленькие. Они вчера ходили с фонариками.

— Это тебе приснилось.

— Нет, не приснилось,— сказала упрямая половинка Яна.— Потому что один глаз у меня уже спал, а другой нет. И все видел. Самые настоящие человечки.

— Ну хорошо,— согласилась мама.— Ты положи им вечером конфету. Если они ее съедят, значит, они есть. А если нет, значит, это был сон.

— Наверное, это был сон,— подумала добрая половинка Юшечка.

— Для тебя сон, а для меня ни капельки!— возразила вредная половинка Яна.

А Новости Дня сидел в своем приемнике и все это слышал. Когда хозяева ушли купаться, он побежал на кухню к Холодилину.

— Знаете новость?

— Какую?

— Про хозяйскую девочку? Она нас заметила.

— Ну и что? — спросил Пылесосин.

— Ничего. Будто ты не знаешь. Если дети узнают про гарантийных человечков, беда начнется. Они будут все приемники и часы разбирать, чтобы нас достать.

— Верно,— поддержал его Буре.— Эта девочка и так уже два раза пыталась Машку вытащить. Ей пришлось куковать во всю ивановскую, а мне трезвон устраивать, чтобы родители прибежали.

— А однажды она полприемника развинтила: посмотреть, кто там разговаривает. Пришлось к ней провода с током поднести и дернуть как следует. Чтобы больше не лазила. Крику было — я чуть не оглох!

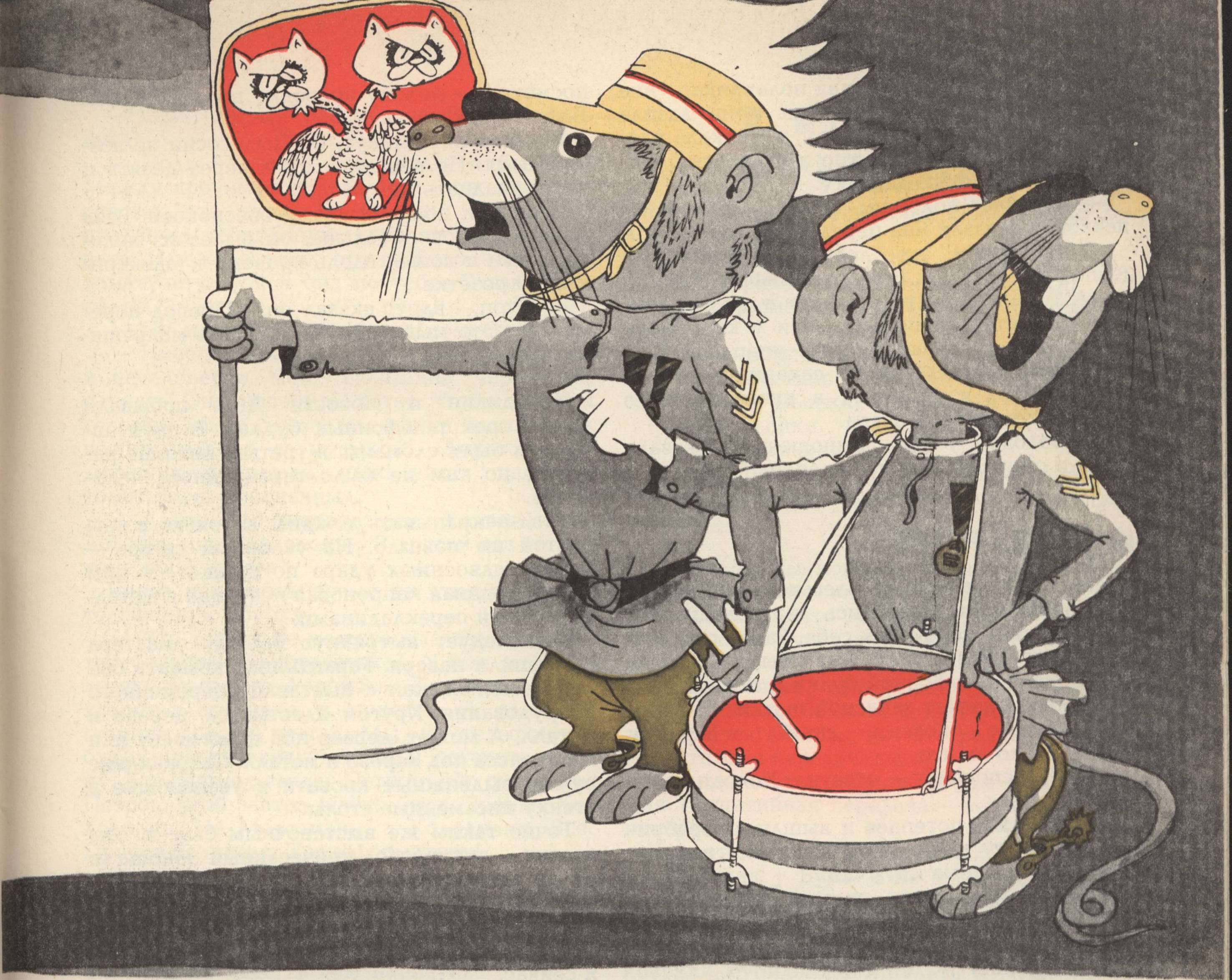
— Теперь она хочет конфету на пол положить,— продолжал радиомастер.— Если конфета пропадет, значит, мы ее съели. Тогда она нас будет искать.

— Мы-то конфету не возьмем,— насторожился Холодилин.— А вот мыши...

— Надо будет часового на ночь поставить,—предложил мальчишка.—Чтобы мыши ее не съели.

— Часового нельзя,— возразил Холодилин.— Мыши его вместе с конфетой утащат.

— Значит, провода с током проведем,— предложил Новости Дня.— Их как трахнет!

— Мы такие... какие... Как один... все. Во! За всех!.. Вперед!.. Имя нам легион!

— А можно ее просто затащить на ночь к нам,— сказал Буре.— А утром на место положить.

— Толково,— согласился Холодилин.— Но это вечером, а сейчас полезли на подоконник природу смотреть.

Они забрались на окошко.

— Какие просторы! — сказал Пылесосин, глядя на ближайший забор.— Поля! Фонари!

— Если бы не мой холодильник, я обязательно бы пошел туда! — сказал Холодилин и показал рукой вдаль.

— Запрещено инструкцией,— возразил Новости Дня.

И тут из леса послышалось громкое и отчетливое ку-ку, ку-ку, ку-ку! Иван Иванович схватился за часы.

— Батюшки! Уже три! Что это с моими часами? Отстают?

Остальные человечки рассмеялись. Пылесосин так и покатился по подоконнику:

— Ой! Ой! Держите меня. Отстают! Это же живая кукушка. А не из часов.

Кукушка все куковала и куковала, а Иван Иванович считал:

— Пятнадцать, шестнадцать, ...двадцать восемь. Ничего не понимаю. Разве может быть тридцать часов? У нее, наверное, ограничитель сломался.

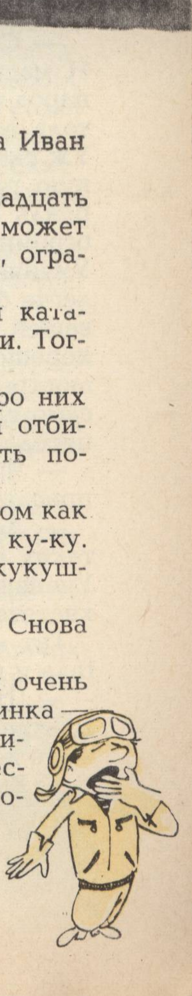
Холодилин и все другие человечки катались по подоконнику и дрыгали ногами. Тогда и Буре догадался:

— Это живая кукушка. Я совсем про них забыл. Я думаю, ку-ку, значит, время отбивают. Надо за Машкой сбегать. Пусть поучится.

Машка слушала, слушала сонно. Потом как вытаращит глаза и тоже давай кричать ку-ку. Да так здорово и громко, что лесная кукушка даже удивилась и замолчала.

— Что, съела? — сказала Машка. Снова склонила голову набок и задремала.

В этот день хозяйская девочка Таня очень устала. Потому что ее хорошая половинка — Юшечка все время помогала маме: стирала платьице, испекла блинчик, вынесла на помойку разбитую чашку и про-

терла пол на кухне. Плохая половинка — Яна тоже очень устала. Она весь день лазила куда не надо. Разбила чашку, испачкала платье, пролила воду на кухне и кидалась блинчиком в соседскую девочку.

— А сейчас положим конфету для человечков,— сказала Яна перед сном.

— Да зачем их ловить? — заспорила Юшечка.— Раз они прячутся, значит, так надо. А то они обидятся и уйдут в другой дом.

— Обязательно поймаем. Ни у кого человечков нет, а у нас будут,— уперлась Яна. Она достала конфетку из сахарницы, положила на пол и прыгнула в кровать. Через пять минут девочка спала.

— Молодец у нас Танюшечка,— сказала мама и поправила на ней одеяло.

6. ДИВЕРСИЯ

Как только взрослые улеглись, Холодилин и Новости Дня выбрались из холодильника и утащили конфету к себе. Затем они стали готовиться в дорогу. Надо было дойти до ближайшей телефонной будки и позвонить в Управление насчет запасной щетки.

— Оружие возьми,— сказал Новости Дня.— Мало ли что.

— Не беспокойся,— ответил Холодилин.— Не впервой.

Они оделись потеплее и вышли в серебристую темноту ночи. Иван Иванович и мальчик остались дома пить чай.

— Иван Иванович,— сказал Пылесосин.— А почему бы вам не переучиться на электрика? И в современные часы не перейти, в электрические?

— Стар я переучиваться,— ответил Буре.— И мастерство свое мне жаль. Мы, старики, народ упрямый. Вот, к примеру, у меня приятель есть Вальс Иван. Он в рояле живет. Уж сколько раз его переманивали на пианинную работу: сейчас ведь квартиры не те, рояль ставить негде. А на пианино спрос огромный. Так не хочет он идти в пианино. Умение свое жалеет. Хотя работа там и полегче будет. И все мы так. Не хотим своих вещей покидать. Потому старинные вещи так хорошо и работают. И ружья, и скрипки, и люстры, и самовары. Да мало ли что. Мне бы самому ученика получить и все секреты ему передать.

— Что же, Управление не может ученика прислать? — спросил Пылесосин.

— Легко сказать,— ответил Буре.— Часов таких мало осталось. Спрос на них невелик. Ученики в других местах нужны. А потом хватятся, да поздно будет.

Тут маленькая лампочка над столом замигала и погасла.

— Что такое? — задумался Пылесосин.— Электричество выключили?

Он достал фонарик.

— Вы посидите, Иван Иванович, а я пойду посмотрю — может, проводка не в порядке. Я мигом.

Прошло пять минут, но Пылесосин не возвращался. Не вернулся он и через десять и через двадцать минут.

Буре был по-настоящему обеспокоен. Взяв гаечный ключ побольше, он вылез из холодильника и пошел вдоль провода к электрической розетке.

— Стоп,— вдруг сказал он.— Провод перегрызен. Это мыши. Значит, пропал мальчишка. Украли его.

Холодилин и Новости Дня побывали уже в трех телефонных будках. В двух автоматы были сломаны, в третьей автомат работал, но там не было гарантийного человечка.

Стал накрапывать дождик. И только в четвертой им повезло. На условный сигнал — четыре сдвоенных удара по стенке — к ним упала изящная капроновая лестница с металлическими перекладинами.

Как следует вытряхнув одежду, мастера поспешили наверх. Гарантийная комната была новенькая, как с выставки современного оборудования. Кругом пластмасса, дерево и металл. А может, дерево под пластмассу или пластмасса под дерево и металл. Сверкающие ручки, выдвижные кровати и уезжающие в стенку письменные столы.

Точно таким же выставочным был и сам хозяин — аккуратно причесанный юноша в белом нейлоновом халате. Он отлаживал наполовину вытащенный из стенки прибор с надписью «Счетчик вырученных двушек».

— Садитесь,— взмахнул он паяльником.— Я сейчас.

Рядом с ним лежал на столе наушник, и оттуда доносились обрывки телефонных разговоров.

— Подслушиваете? — спросил Холодилин.

— А что? — ответил телефонист.— Телевизора у меня нет. Радио нет. Что мне прикажете делать по вечерам? И потом инструкция не запрещает.

— Что делать? — переспросил Холодилин.— Придумали бы средство против тех, кто автоматы ломает. Мы, пока к вам добрались, два сломанных встретили.

— А почему я должен думать? — сказал юноша.— Пусть в Управлении думают. Их там много, и лысые есть.

— Я вижу, вы все на это Управление, как на бога, надеетесь. А у самих голова на плечах зачем? Шапочки нейлоновые носить?

— Как вас зовут? — вмешался Новости Дня.

— Слава меня зовут. Кабытов. А по-служебному Ноль Один.

— Так вот, уважаемый Ноль Один, нам надо немедленно переговорить с Управлением,— сказал Холодилин.

— На которое не следует надеяться, как на бога,— подхватил молодой человек.

— Один Ноль,— рассмеялся Говорит Москва.

— Ноль Один,— поправил Кабытов.— Между прочим, я подавал предложение против тех, кто автоматы ломает. Чтобы специальную чернильную стрелятельницу ставить. Или колотушку пружинную. Ты по автомату стукнул, а она по тебе. С такой же силой.

— Ну и что?— спросил радиомастер.

— Ничего. Отказали. Невоспитательно это и нечеловечно, мол, хулиганов чернилами пачкать. Они, наверное, хотят, чтобы хулиган телефон ломал, а ему пластинка включалась воспитательная с музыкой: «Дорогой хулиганчик, не ломай, пожалуйста, наш автомат. Будь умненьким».

— Ладно,— остановил его Холодилин.— Давайте мне Управление. В другой раз на эту тему побеседуем.

Через некоторое время он уже кричал в телефонную трубку:

— Что значит не можете выслать? Не хватит бензина у вертолетика? А ему не надо лететь до самого Дорохова. Пусть сядет на крышу электрички и приедет. А здесь от станции совсем рядом. Мы на телефонной будке крест нарисуем. Там и оставите щетку. Кто принял заказ? Петров? Ну смотрите, Петров, чтоб завтра щетка была. Звонил Холодилин. Не Молотилин, а Холодилин. Все. Привет Великому Трансформатору!

Он положил трубку.

— Как тут у вас, Слава, можно на крышу забраться?

— Не надо вам забираться,— ответил юноша.— Идите себе. Я сам нарисую.

Когда Холодилин и Новости Дня вернулись в дом, их встретил встревоженный Буре.

— Мальчик пропал. Его мыши украли. Что делать будем?

Холодилин задумался. Потом осмотрел проводку.

— Я думаю, ничего страшного с мальчиком не случится,— сказал он.— Если они сообразили перегрызть провод, они сообразят, что мальчишку выгоднее всего обменять на сыр или там колбасу. Зачем он им?

— Сообразят или не сообразят, я не знаю,—сказал Новости Дня.—А я вас предупреждал. Не надо было мальчишке ехать за город.

— Не следует спорить,— сказал Буре.— Мальчика выручать придется. Подумаем лучше, что будем делать.

— Вот что,— сказал Холодилин.— Первое — вынуть конфету из фантика, а фантик положить около норки. Второе — как можно реже выходить наружу. Третье — приготовиться к тому, что хозяйская девочка будет нас усиленно разыскивать.

— И что будет? — спросил Говорит Москва.

— А вот увидите.

7. В гарантийных хлебах затерялося

Утром хозяйская девочка Таня первым делом закричала:

— Мама! Мама! Смотри, конфетки нет. Что я говорила! Значит, есть человечки!

Мама посмотрела и увидела фантик на полу.

— Есть, есть.— сказала она.— На четырех лапках с хвостиком. Мышки называются.

— Нет, не мышки,— возразила Таня.

— Нет, мышки.

— А я говорю, не мышки!

— Ну, хорошо,— не стала спорить мама.— Вот мы поставим мышеловку на ночь и все узнаем.

— Теперь вы поняли, зачем мы фантик оставили? — спросил Холодилин у Буре.

— Понял. А что дальше будет?

— Дальше будет интереснее.

Когда хозяева ушли на реку загорать, к холодильнику подбежал Говорит Москва.

— Эй вы! Пошли ко мне радио слушать. Гарантийная передача идет!

Человечки поспешили в дом к Новости Дня. Гарантийная передача — вещь нужная и интересная.

Комната Новости Дня была не такая уютная, как у Буре, и не такая обыкновенная, как у Холодилина. Она больше была похожа на трансформаторную будку или машинное отделение лифта. Кругом резиновые коврики, рубильники и пульты с лампочками. Повсюду висели рисунки с черепом и костями и надписи «Не трогать — смертельно!». Даже на шкафу с посудой. На столе стоял электрический самовар с таким же рисунком и фарфоровые чашки с теми же надписями. И только на огромной красной тахте в углу ничего не было написано.

Человечки сразу забрались на тахту и с уважением стали осматривать смертельную комнату.

— Чаю хотите? — спросил хозяин.

Но никто не хотел пить чай из смертельного самовара.

— Мне кажется, что, как только я возьмусь за эту чашку, меня сразу током тряхнет! — сказал Холодилин.

— Чай с вареньем — пожалуйста,— сказал Буре.— А чай с электричеством — увольте. Я вообще с электричеством не в ладах.

— Ну, ладно,— сказал хозяин.— Давайте слушать.

Он подошел к рабочему столу и включил приемник. Как у всех радиомастеров или любителей, приемник у него был до ниточки разобран. Все лампы торчали наружу, динамик лежал отдельно, крышка стояла в углу. Но работал приемник на славу.

Началась радиопередача. Сперва передавали последние известия.

— Внимание, внимание! Рижский завод радиоаппаратуры увеличивает срок гарантии своих изделий на один год. Мастеров просят иметь это в виду.

— Управление Гарантийных Человечков сообщает: завод, производящий пылесосы «Уралец», закрывается на ремонт. Мастеров просят не покидать пока свои изделия и предупреждают, что микровертолеты за ними временно присылаться не будут.

— К радиоприемникам «Воронеж» выпущена магнитофонная приставка. В приставке имеется мастерская. В рабочем столе добавочные инструменты и инструкция. Вход в приставку со стороны задней крышки рядом с пломбой. Воронежцы, учтите это и немедленно налаживайте приставку.

— О погоде! К сведению холодильных мастеров! По сведениям Института Прогнозов, надвигается сильная жара. Не забудьте понизить температуру в морозильнике. Человечкам из автомашин рекомендуется усилить охлаждение двигателей. Жалюзи следует держать открытыми, а радиаторы очистить от мошкары. Гарантийным человечкам из лодочных моторов советуем следить за уровнем воды в реках и озерах. Он может понизиться, и винт станет задевать дно.

Потом радио стало передавать приветы от одних человечков другим. Рассказывать разные гарантийные случаи. В каком городе какой мальчик или девочка пытались разобрать какое изделие и что из этого вышло. И, наконец, диктор сказал:

— А сейчас мы начнем концерт по заявкам старых мастеров. Гарантийный мастер из рояля «Беккер» Иван Сергеевич Вальс просит исполнить по радио песню «В гарантийных хлебах затерялося». Эту песню он посвящает своему другу — часовому мастеру Ивану Ивановичу Буре. И просит вместе с песней передать поклон до земли и пожелание доброго здоровья. С удовольствием выполняем просьбу Ивана Сергеевича. Слушайте эту старую гарантийную песню.

При этих словах Иван Иванович подпрыгнул на тахте и стал кланяться радиоприемнику. Он чуть не заплакал от радости. И другие человечки тоже оживились и обрадовались. А приемник запел:

В гарантийных хлебах затерялося
Гарантийное наше село.
Горе нтийное по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Здесь беда приключилась стихийная,
Мы такой не видали вовек.
Как у нас голова гарантийная —
В пыль свалился чужой человек...

Иван Иванович был растроган до слез.

— Это очень старая песня. Вы-то, наверное, не знаете, а раньше никаких вертолетиков и попутных машин не было. Кончился твой срок — вылезай из часов и шагай по дороге. Где на телеге, где пешком. А шагать-то с полстраны приходилось. Или вообще за границу. Ну и устал бедняга. Вот и упал. Хорошо еще, что его заметили. А то бы пропал. В общем, трогательная песня. Жалко, что Машка не слышала и Пылесосин.

— Попались, птички! — сказал Холодилин.

Тут все вспомнили про Пылесосина. И Холодилин рассказал мастерам свой план освобождения мальчишки.

8. Сосиска для разведчиков

Вечером мама и Таня установили на кухне мышеловку. Таня сама несколько раз ее опробовала. Она дергала за крючок, и дверца захлопывалась. Два раза девочке сильно прищемило палец, но это не расстроило ее, а скорее даже обрадовало. Обрадовало вредную половинку — Яну. Потому что Юшечка вообще была против этой затеи.

Когда в квартиру пришел сон, Яна заснула первой. Ей не терпелось дождаться утра и увидеть человечков в мышеловке. А Юшечка никак не могла заснуть. Она все время думала: правильно ли это — ловить человечков? И о том, как они будут переживать в этой клетке-мышеловке, пока их не достанут утром.

Так или иначе, девочка долго ворочалась в постели, и вечерняя жизнь в доме началась на полчаса позже, чем обычно.

Мастера сидели у Холодилина и пили простой, неэлектрический чай. И прислушивались. Вдруг послышался шорох, потом радостный писк, беготня по полу, и мышеловка захлопнулась.

— Попались, птички! — сказал Холодилин.— Пошли доставать. Это наверняка лейтенанты кавалерии.

Но это были не лейтенанты кавалерии, а два других мышонка. Человечки извлекли их из мышеловки и повели к холодильнику. Новости Дня быстро сделал для них ошейники, привязал к пружине под мотором и приступил к допросу:

— Фамилия? Имя? Отчество?

— Смирнов Андрей Андреевич! — ответили оба мышонка.

— Вы что, братья?

— Нет. Просто у нас все мыши носят фамилию хозяев дома.

— А как же Мышкин и Подмышкин?

— Они из других домов. Они к нам приблудились.

— С каким заданием шли? — продолжал допрос радиомастер.

— Разведка или диверсия.

— Какая диверсия?

— Добыть у хозяев тюбик клея и намазать пол у холодильника. Смотреть, не приклеиться самим и ждать гарантийных.

— Ловко,— сказал Холодилин.— Надо это нам самим использовать.

— А как там наш Пылесосин? — спросил Буре.

— Маленький гарантийный? Нормально,— ответили Андреи Андреевичи.— Из него зоопарк сделали.

— Как зоопарк?

— Очень просто. Его в автобус посадили около главной площади. Хочешь посмотреть — тащи кусочек сыра.

— А если мы захотим обменять его на вас, как ваше начальство на это посмотрит?

— Плохо посмотрит. Ведь он доход приносит. А мы нет.

— Кому доход?

— Его величеству королю!

— Ну ладно,— сказал Холодилин.— Есть хотите?

— Смешно,— отвечали мышата.— Еще как!

— Что вам дать, сосиску или сыр?

— Сосиску и сыр! Сыр и сосиску! — отвечали бравые Андреи Андреевичи.

— Ничего себе! — удивился Новости Дня.— Они наши враги, а мы их будем сосисками кормить, как в санатории.

— Так надо,— сказал Холодилин.— У меня есть соображения.

— Не понимаю,— сказал Новости Дня.

— И я не понимаю,— поддержал его Буре.— Но уж больно ребята они симпатичные.

— Так точно,— сказали мышата.— Мы симпатичные.

Холодилин вытащил небольшую сосиску и положил перед пленниками. Они быстро стали уплетать ее, каждый со своей стороны. Не прошло и пяти минут, как они уперлись носиками друг в друга. А от сосиски ничего не осталось.

— Ну все! — сказал Холодилин.— Пошли спать.

— Я у вас останусь,— сказал Новости Дня.— Чтобы меня не похитили.

— Конечно,— согласился Холодилин.— Хотя это и противоречит инструкции.

Они забрались в комнату Холодилина и устроились на ночлег. Мышата остались внизу. И когда в холодильнике все стихло, к нему подобрались два новых разведчика. Вернее, два контрразведчика.

— Эй вы, попались? — спросили они.

— Попались,— отвечали пленные через щель.

— Держитесь?

— Держимся.

— Хорошо. Мы вас скоро выручим.

— Не-а, не надо,— ответили пленные.— Пусть так будет.

— Почему?

— Нам сосиску дали.

— Чего? — поразились контрразведчики.— Отравленную?

— Нормальную.

— А я ни разу в жизни сосиски не ел! — грустно сказал контрразведчик поменьше.

— Не ел! Я даже не видел! — сказал второй.— Она какая? Квадратная? С дырочками?

— Нет. Длинная и круглая. А в середине вкусная.

Оба контрразведчика были поражены невероятно и побежали назад в норку — докладывать обстановку. На это-то и рассчитывал Холодилин.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Планета чудес

Е. ШАБЕЛЬНИК

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

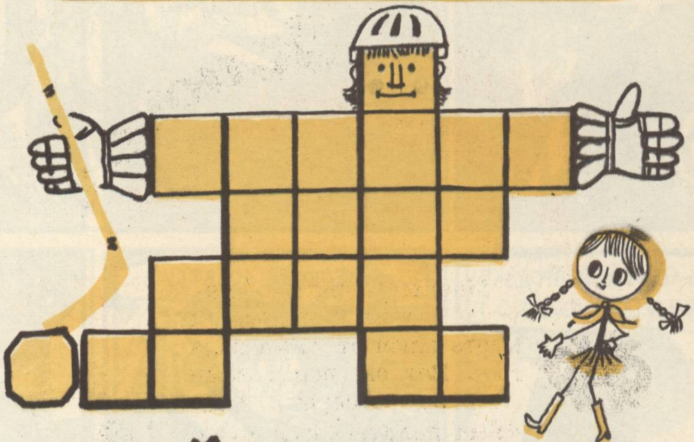

— Приходите, дети, в гости! —
Говорит щенок Карат. —
У меня на елке кости
Очень вкусные висят!

Но не так-то просто попасть к Карату. Перед вами два рисунка. Чем они отличаются один от другого? Отгадаете — будете желанными гостями у Карата.

Игры Лупы и Пинцета

Шайбу — в ворота

Наша коллекция пополнилась двадцатью новыми марками, выпущенными в СССР, Польше, ГДР, Югославии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Турции, Испании, Италии, Сан-Марино (маленькое государство на Апеннинском полуострове), Австрии, ФРГ, Швейцарии, Люксембурге, Нидерландах, Бельгии, Франции и...

Пинцет сложил из марок стойкого вратаря хоккейной команды. Слева от него шайба. (Это, разумеется, тоже марка.)

— Ни наяву и ни во сне ты не забросишь шайбу мне! — упрямо твердит вратарь.

Но Лупа, хотя она и девочка, сложила вратаря из марок граничащих между собой стран и «забросила шайбу» — определила, какая марка слева у ноги вратаря. Надеемся, что и вам тоже удастся это сделать.

ЛУПА И ПИНЦЕТ.

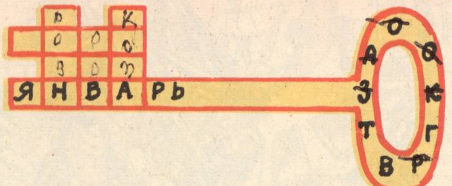
Запасись ключом

Многие ребята пишут мне, что им хотелось бы иметь ключ от «Ума палаты». Вот он, перед вами.

Чтобы отпереть дверь «Ума палаты», нужно перенести буквы с кольца ключа на бородку так, чтобы по горизонтали и вертикали можно было прочитать пять разных слов.

В каждом номере у нас будет новый ключ, и за год вы сможете собрать целую связку ключей.

Дед Буквоед.

Где Алиса?

Исчезла героиня сказки «Алиса в Стране Чудес». Мне удалось узнать, что она скрывается в одном из этих двух домиков. Но в каком? Вы узнаете это, если расставите буквы из столбиков в домиках так, чтобы по горизонтали и вертикали можно было прочитать четыре одинаковых слова. В каком домике вам это удастся сделать, в том вы и найдете Алису. Сообщите мне ее точный адрес, нарисуйте портрет Алисы и ее соседа из второго домика.

Ваш Дед Буквоед.

Сапожник Пим

Сапожник Пим
Неутомим,
Он сделал туфель груду.
Лежат все туфли перед ним,
Считать я их не буду!
(Прекрасно виден весь товар,
И сосчитать несложно.)
А вот скажи мне:
Сколько пар
Из них составить можно?
Даю тебе отгадки нить
Без хитростей лукавых:
Сначала надо отделить
Все левые от правых!

ЖИВЖИВКА.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ из № 12.

Бал-маскарад

Медведь нарядился волком, волк — лисой, а заяц — медведем.

Кто они?

— Конечно, буквы,— ответила нам внучка Деда Буквоеда.

Задачу «Шесть ваз» все ребята решили правильно.

Мы рады, что игра в бирюльки понравилась ребятам и все прислали нам правильные ответы: 1. Лайка — дятел. 2. Норвегия — Осло. 3. Помидор — ландыш. 4. Квас — никель. 5. Кипарис — груша. 6. Кубок — штангист. 7. Сарафан — драхма. 8. Сатурн — Енисей.

Слуга покорный.

Туфли. Башмаки. Сапоги.

ЧАСЫ

Когда мы стали учиться в шестом классе, у некоторых на руках появились часы. Остальные смотрели, завидовали и, наверное, требовали дома от родителей, чтобы они купили им часы, потому что «у всех в классе есть, а у меня нету».

Конечно, приятно взглянуть, сколько осталось времени до конца урока, особенно когда кажется, что забыли позвонить на перемену. Часы — это вещь! Заводишь их, а они так приятно: тр-тр. Чувствуешь, как напрягается пружинка внутри... Но вот начинается:

— Соколов, что ты возишься под партой?

— Лена, почему ты отвлекаешься?

— Миша, куда ты смотришь?

А я-то знаю, что они заняты важными делами: Соколов вскрыл часы «Ракета» и проверяет, как идут шестеренки, Лена прилегла на руку, а в ухо ей: тик-тик...
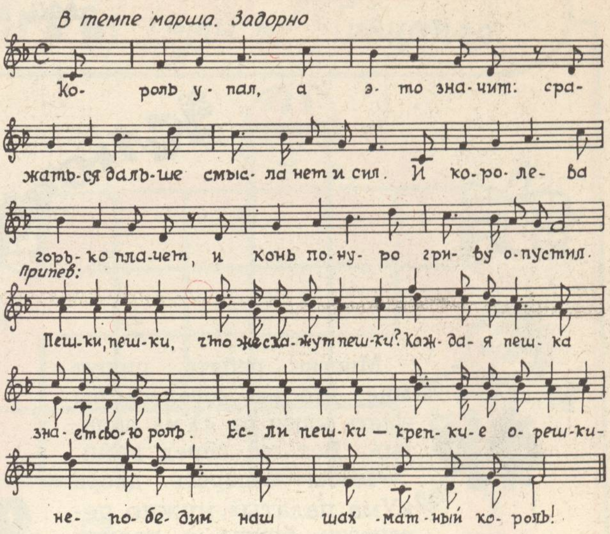
Остальные продолжают дома требовать: «Часы, мама, в школе просто необходимы. Я и опаздываю, потому что у меня нет часов».

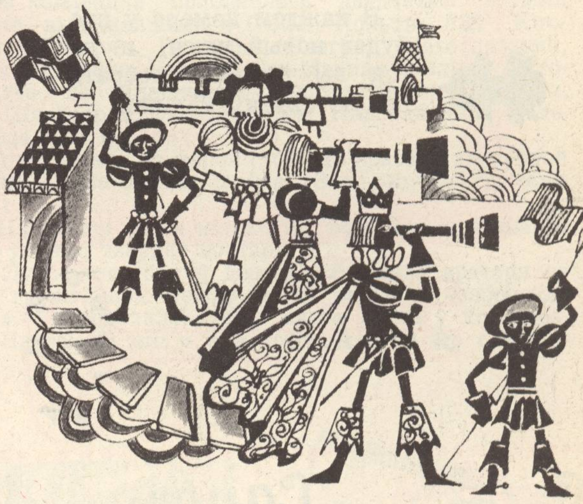
У меня тоже нет часов. Но я потерплю, пока мне захочется по ним только время узнавать.

Лена М.
г. Свердловск.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ (зам. главного редактора), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА (главный художник), Л. С. СИМОНОВА (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Адрес для писем: 101459. ГСП. Москва, А-137. Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**
Макет **А. А. АСТРЕЦОВА.**

Сдано в набор 24/X 1973 г. А 13413. Подписано к печати 30/XI 1973 г. Формат 84×60⅛. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 550 000 экз. Изд. № 2. Заказ 1476.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

Пешки — крепкие орешки

Стихи Виктора КРЮЧКОВА.
Музыка Георгия СТРУВЕ.

Король упал, а это значит:
Сражаться дальше смысла нет и сил,
И королева горько плачет,
И конь понуро гриву опустил.

Припев: Пешки, пешки, что скажут пешки?
Каждая пешка знает свою роль.
Если пешки — крепкие орешки,
Непобедим наш шахматный король!

Опять «Е-2 на Е-4»,
Всегда вперед веди войска свои,
Нас ждут бои в суровом мире,
И надо нам выигрывать бои!

Припев.

У нас растет в боях отвага,
Мы учимся науке побеждать.
Всегда вперед! Назад ни шагу!
Ведь пешки не умеют отступать!

Припев: Пешки, пешки, что скажут пешки?
Каждая пешка знает свою роль.
Если пешки — крепкие орешки,
Непобедим наш шахматный король!

ШКОЛА БУДУЩИХ ЧЕМПИОНОВ

«Белая ладья» держит курс к берегам Днепра. В городе Могилеве будет проходить VII финальный турнир Всесоюзных соревнований команд пионерских дружин. Здесь встретятся сильнейшие юные шахматисты.

По всей стране — в пионерских отрядах и дружинах, в дворцах пионеров уже бесстрашно сражаются юные любители шахмат. Вот к этим бесстрашным рыцарям-шахматистам и обращаются прославленные наши гроссмейстеры:

«Дорогие ребята! Желаем вам больших успехов в соревнованиях клуба «Белая ладья». Уверены, что эти турниры помогут вам сделать первые шаги в овладении шахматным мастерством.

Победы в шахматах приходят к тем, кто много работает и не страшится поражений. Клуб «Белая ладья» должен стать и обязательно станет школой будущих чемпионов!»

Экс-чемпионы мира Т. ПЕТРОСЯН, В. СМЫСЛОВ, М. ТАЛЬ.

Международные гроссмейстеры А. КАРПОВ, В. КОРЧНОЙ, Л. ПОЛУГАЕВСКИЙ.

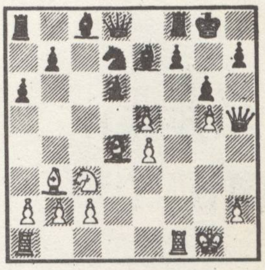
ПОЧТА ПЕШКИНА

Толя Гудзюк из Винницы, **Сережа Никонов** из Хабаровска, **Оля Лукина** из Калинина хотят играть в шахматных и шашечных турнирах по переписке и спрашивают у Пешкина, как записаться в заочные соревнования.

Пешкин посоветовал ребятам послать заявление во Всероссийский шахматный клуб. Адрес клуба: 121002, Москва, Г-2, абонементный ящик № 526.

Красивую комбинацию прислал Пешкину киргизский школьник **Леонид Юртаев.** Он провел ее в партии со школьником из Латвии **Эдвином Кеньгисом.** Партия эта игралась на Всесоюзных соревнованиях молодых шахматистов.

Своим последним ходом 15...

g7—g6 Эдвин напал на белого ферзя. Он рассчитывал, что ферзь отступит и тогда можно будет спокойно забрать пешку e5. Но не тут-то было! Неожиданно последовало:

16. Лf1 : f7! g6 : h5 Приходится брать ферзя. Плохо 16... Л : f7 17. С : f7 + Кр : f7 18. Ф : h7 +, и атака белых неотразима. 17. Лf7 : e7 + Крg8—h8 (Найдите сами, как играли бы белые в случае 17... Крf8) 18. e5 : d6 + Кd7—f6 19. Лa1—d1 Сc8—g4 Неутешителен для черных вариант 19... Ф : d6. 20. g5 : f6 h7—h6 21. Лd1—d3 Фd8 : d6 22. Кc3—d5!

У белых только две легкие фигуры за ферзя, но черных губит неудачное положение их короля.

22... b7—b5 23. Крg1—h1 d6—a5 24. Сd4—

e5 Фd6—c5 25. Kd5—f4 Лf8—g8 (грозил мат на g6) f6—f7+ Лg8—g7 27. f7—f8Ф+.

Эффектный финал. После 27... Л : f8 28. Kg6+ и 29. Л : g7 черные получают мат.

Четырнадцатилетний перворазрядник Леня Юртаев был награжден за эту победу специальным призом.

НОВЫЙ КОНКУРС ПЕШКИНА

Как обычно, в конкурс Пешкин включил 10 позиций. Кто правильно решит шесть заданий, получит четвертый спортивный разряд, кто решит восемь заданий, станет шахматистом третьего разряда.

Решения присылайте не позднее чем через месяц после получения журнала. Свои варианты проверяйте по ответам, которые будут напечатаны в журнале.

Итак, за дело, ребята!

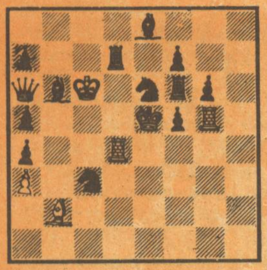
Задание первое. Найдите, как, начиная игру, белые дают мат в два хода. Вы не забыли, конечно, что на диаграммах счет горизонталей начинается снизу, белые пешки идут снизу вверх.

Задание второе. Этюд. У белых две лишние пешки, но они блокированы, а черная пешка неудержимо идет в ферзи. И все же белые могут спастись. Найдите, как, начиная игру, белые добиваются ничьей.

Пешкин ждет ваших решений, друзья!

ТОЛЬКО ОДИН ХОД

За один-единственный ход рассчитайте варианты в такой смешной позиции.

Пешкин не включил эту задачу в свой конкурс, но он уверен, что вам будет интересно решать ее. Найдите ход белых, после которого любой ответ черных привел бы к мату белому королю. Любой ход черных матует. Вот какие бывают происшествия на шахматной доске.

Цена 25 коп.
Индекс 70694